

Центрифуга,

Centrifuga

Russian Reprintings and Printings

Edited by

Karl Eimermacher, Johannes Holthusen,

Simon Karlinsky, Reinhard Lauer,

Vladimir Markov and Friedrich Scholz

Vol. 12/II · 1978

М. А. КУЗМИН

СОБРАНИЕ СТИХОВ II

Послереволюционные книги стихов

M. A. KUZMIN

Gesammelte Gedichte II

Gedichtbände nach der Revolution

Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert
von John E. Malmstad und Vladimir Markov

WILHELM FINK VERLAG MÜNCHEN

ISBN 3-7705-1445-9

© 1978 Wilhelm Fink Verlag, München

Gesamtherstellung: Hain-Druck KG, Meisenheim/Glan

Published with a subsidy from the James B. Duke Endowment Fund,
Center for Russian and East Studies, UCLA

INHALT

Vozhatyj. Stixi. „Prometej“, S. Peterburg, 1918	7– 77
Dvum. „Segodnja“, Petrograd, 1918	79– 83
Èxo. Stixi. Petrograd, 1921	85–144
Zanavešennye kartinki. Amsterdam, 1920	145–176
Nezdešnie večera. „Slovo“, Berlin, 1923	177–305
Paraboly. Stixotvorenija 1921–1922, „Petropolis“ Berlin, 1923	307–415
Novyj Gul'. „Academia“, Leningrad, 1924	417–441
Forel' razbivaet led. Stixi 1925–1928, Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1929	443–532
Anhang	533
Lesok. „Neopalimaja kupina“, Petrograd, 1922	535–563
Vtornik Mèri. Petrograd, 1921	565–598

Die Seitenangaben im Inhaltsverzeichnis beziehen sich auf die im Text unten, innen, in eckigen Klammern angegebene Pagina, welche im Verlag eingesetzt wurde.

М. КУЗМИНЪ

ВОЖАТЫЙ

СТИХИ

КН-ВО ПРОМЕТЕЙ
Н. Н. МИХАЙЛОВА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 1914

I. ПЛОДЪ ЗРЪЕГЪ.

1.

Мы въ слѣпотѣ какъ будто не знаемъ,
Какъ тотъ родникъ, что бьетъ въ насъ,—
Божественно неисчерпаемъ,
Свѣжѣи и нѣжнѣе каждый разъ.

Печалью взвившись, спадаетъ весельемъ...
Глубже и чище родной истокъ...
Вѣдь каждый день --душѣ новоселье,
И каждый часъ—свѣтлѣе чертогъ.

Изъ сердца пригоршней беру я радость,
Къ высокимъ брошу небесамъ
Безпечной бѣдности святую сладость
И все, что сдѣлалъ, любя, я самъ.

Все тоньше, тоньше въ эфирномъ горнилѣ
Синѣютъ тучи надъ купами рощъ,—
И вдругъ, какъ благодать, къ землѣ опустили
Любовь, и радугу, и дождь.

1916.

2.

Подъ вечерь выйди въ луга поемные,
На скошенную лягь траву...
Какія нѣжныя и томныя
Приходятъ мысли наяву!
Струится небеса сіяніемъ,
Эфиръ мерцаетъ легкимъ сномъ,
Какъ передъ сладостнымъ свиданіемъ,
Когда ужъ видишь отчій домъ.
Все трепетнѣй, все благодарнѣе
Встрѣчаетъ сердце міръ простой,
И лай собакъ за сыроварнею,
И мостъ, и лугъ, и водопои.
Я вижу все: и садикъ съ вишнями,
И скатертью накрытый столъ,
А облако стезями вышними
Плыветъ, какъ радостный посолъ.
Архангельскія оперенія
Лазурную узорятъ твердь.
Въ такомъ плѣнительномъ горѣніи
Легка и незамѣтна смерть.

Покинетъ птица кѣтку узкую,
Растаетъ тѣло... все забудь:
И милую природу русскую,
И милый тягостный твой путь.
Что мнѣ приснится, что вспомнянется
Въ послѣднемъ блескѣ бытія?
На что душа моя оглянется,
Идя въ нездѣшніе края?
На что нибудь совсѣмъ домашнее,
Что и не вспомнишь вотъ теперь:
Прогулку по саду вчерашнюю,
Открытую на солнце дверь.
Вѣдь мысли сдѣлались летучими,
И правнись ими ужъ не ты,—
Угнаться ль волею за тучами.
Что смотреть съ снѣгой высоты?
Но смерть-стрѣлокъ напрасно пѣлится,
Я странной обреченъ судьбѣ.
Что недѣлимо, то не дѣлится:
Я все живу... живу въ тебѣ!

1916. Іюнь.

3.

Господь, я вижу, я недостоинъ,
Я сердцемъ вѣрю, и вѣра крѣпка:
Когда нибудь буду я Божій воинъ,
Но такъ слаба покуда руки.
Твоя заря очамъ моимъ брезжить,
Твое дыханье свѣжитъ мнѣ ротъ,
Но свѣтъ Твой легкій такъ сладостно нѣжитъ,
Что сердце медлитъ летѣть впередъ.

Я умиляюсь и полемъ взрытымъ,
Ручьемъ дороги въ тѣни березъ,
И путникомъ дальнимъ, шлагбаумомъ открытымъ,
И запахомъ ржи, что вѣтеръ принесъ.
Еще я плачу, бессильно бѣдный,
Когда ребенка бьютъ по щекамъ,
Когда на просьбу о коркѣ хлѣбной
Слышать въ отвѣтъ сухое: „не дамъ!“

Меня тревожитъ вздохъ мятежный
(Отъ этихъ вздоховъ, Господь, спаси!),
Когда призывъ я слышу нѣжный
То Моцарта, то Дебюсси.
Еще хочу забыть я о горѣ,
И загорается надеждою взоръ,
Когда я чувствую вѣтеръ съ моря
И грежу о тебѣ, Босфоръ!

Еще я ревную, мучусь, нѣмью
(Господь, мое счастье обереги!),
Еще я легкимъ тамъ быть не смѣю,
Гдѣ должны быть крылаты шаги.
Еще я вѣрю всеннимъ разливамъ,
Люблю левкои и красную мѣдь,
Еще мнѣ скучно быть справедливымъ,—
Великодушьемъ хочу горѣть.

1916.

4.

Какая то лѣнь недѣли крость,
 Замедляютъ заботы легкій мигъ,—
 Но сердце молится, сердце строитъ:
 Оно у насъ плотникъ, не гробовщикъ.
 Веселый плотникъ сколотитъ теремъ.
 Свѣтлый тесъ—не холодный гранитъ.
 Пуская намъ кажется, что мы не вѣримъ:
 Оно за насъ вѣритъ и насъ хранить.

Оно все торопится, бьется подъ спудомъ,
 А мы—будто мертвые: безъ мыслей, безъ сновъ...
 Но вдругъ проснемся предъ собственнымъ чудомъ:
 Вѣдь мы все спали, а теремъ готовъ.
 Но что это, Боже? Не бьется ль тише?
 Со страхомъ къ сердцу прижалась рука...
 Плотникъ, вѣдь ты не достроилъ крыши,
 Не посадилъ на нее конька!

1916.

5.

Не знаешь, какъ выразить нѣжность!
Что дѣлать: жалѣть, желать?
Покоя полна мятежность,
Исполненя трепета гладь.
Оттого обнимаемъ, цѣлуемъ,
Не отводимъ влюбленныхъ глазъ,
Не стремимся мы къ поцѣлуямъ,
Они лишь невнятный разговоръ
О томъ, что безбрежна нѣжность,
Что въ нѣжности безнадежность,
Древнѣйшая въ ней мятежность
И новая каждый разъ!

1915.

6.

Находить странное молчаніе
По временамъ на насъ,
Но въ немъ таятся увѣчаніе,
Спокойный счастья часъ.
Задумавшійся надъ ступенями,
Нашъ ангелъ смотритъ внизъ,
Гдѣ межъ деревьями осенними
Златистый дымъ повисъ.
Затѣмъ опять нашъ конь пришпоренный
Привѣтливо заржетъ
И по дорогѣ непроторенной
Насъ понесетъ впередъ.
Но не смущайся остановкамъ,
Мой нѣжный, нѣжный другъ,
И объясненьями неловкими
Не нарушай нашъ кругъ.
Случится все, что предназначено,
Вожатый насъ ведетъ.
За тѣ часы, что здѣсь утрачены,
Небесный вкусимъ медъ.

1913.

7.

Какая бѣлизна и кроткій сонъ!
 Но силы спящихъ тихо прибываютъ,
 И золоченный, блѣдный небосклонъ
 Зари вуали розой закрываютъ.
 Въ мечтахъ такіе вечера бываютъ,
 Когда не знаешь: спишь или не спишь,
 И каплють медленно алмазы съ крышъ.

Смотря на солнца киноарный знакъ,
 Душою умиляешься убогой.
 О, въ этой бѣлой изъ бѣлѣйшихъ ракъ
 Услусть, не волноваться бы тревогой!
 Почили... Путникъ, рѣчью насъ не трогай!
 Никто не скажетъ, живъ ли я, не живъ,—
 Такъ убѣдительно тотъ сонъ и лживъ.

Цѣлительный пушится легкій снѣгъ
 И, кропью нѣжною горя, алѣетъ,
 Но для побѣдъ, для новыхъ, лучшихъ нѣгъ
 Проснуться сердце медлитъ и не смѣетъ:
 Такъ терпѣливо лѣтомъ яблокъ спѣетъ,
 Пока багрянцемъ августъ не махнетъ,—
 И зрѣлымъ плодъ на землю упадетъ.

1917.

8.

Красное солнце въ окно ударило,
 Солнце новолѣтнее...
 На двѣнадцать мѣсяцевъ все состарѣлось...
 Теперь незамѣтите...
 Какъ то не жалко и все равно,
 Только смотришь, какъ солнце ударяетъ въ окно.

На полу квадраты янтарно-дынные
 Ложатся такъ весело.
 Какъ прошли, не помню, дни пустынные,
 Что то ихъ занавѣсило.
 Какъ недѣлю, прожилъ полсотню недѣль,
 А сестры-пряжи все прядутъ кудель.

Скоро, пожалуй, пойду я дорогою...
 Не избѣгнуть ея ни глупцы, ни гении...
 На иконы смотрю не съ тревогою,
 А сердце въ весеннемъ волненіи.
 Ну что жъ? Заплачу, какъ тебя обниму,
 Что есть въ сумѣ, съ тѣмъ и пойду.

1916.

9.

Я вижу, въ дворовомъ окошкѣ
Склонилась къ ребенку мать,
А онъ раскинулъ ножки,
Хочетъ ихъ ртомъ поймать.
Какъ день ему будетъ дологъ,
Ночамъ—конца словно нѣтъ...
А годъ? это—дивный сколокъ
Будущихъ долгихъ лѣтъ.
Вотъ улыбнулся сонно
Съ прелестью милыхъ котятъ...
Вѣдь всякая мать—Мадонна,
И всякій ребенокъ святъ!
Потомъ настануть сурово
Труды, волненье и страсть,
И гдѣ найти тогда слово,
Что не дало бы унасть?

Мудры старики да дѣти,
Взрослымъ мудрости нѣтъ:
Одни еще будто въ свѣтъ,
Другіе ужъ видятъ свѣтъ.
Но въ сумрачномъ безлорожьи
Утѣшься: сквозь страстный пафнѣ
Увидишь,—мы дѣти Божьи
У теплыхъ родныхъ колѣнѣ.

1915.

II. ВИНА ИГОЛКИ.

1.

Вина весенняго иголки
Я вновь принять душой готовъ,—
Вѣдь въ каждой лужицѣ—осколки
Стекляно алыхъ облаковъ.
На Императорской конюшнѣ
Заворковалъ зобатый рой...
Какъ небо сдѣлалось полдушнѣй,
Какъ слаще вѣтерокъ сырой!
О дняхъ оплаканныхъ не плачьте,
Ласкайтесь новою мечтой,
Что скоро на высокой мачтѣ
Забьется вымпелъ золотой.
Ахъ, плаванья, моря, просторы,
Вечерній портъ и острова!
Забудемъ пасмурные взоры
И надѣвшія слова!
Мы снова путники! согласны?
Мы пробудились ото сна!
Какъ чудеса твои прекрасны,
Кудесница любви, весна!

1916.

2.

Еще нѣжныи, еще прелестнѣи
Пропѣль Апрель: проснись, воскресни
Отъ сонной, косной суеты!
Сегодня снова вспомнишь ты
Забытыя зиму пѣсни.

Горѣ сердца!— гудятъ, какъ пчелы,
Колокола, и звонъ веселый
Звучить для всѣхъ: „Христосъ воскрес!“
—Воистину!—весеннѣи лѣсъ
Вздохнетъ, а съ нимъ поля и села.

Родникъ забилъ въ душѣ смущенной, —
И радостный, и обновленный!
Тебѣ, Господи, Твое отдамъ!
И, вновь созданный Адамъ,
Смотрю я въ солнце, умиленный.

1916

3.

Такіе дни—счастливішія даты.
Послѣдній холодъ, первое тепло.
Смотрю не черезъ пыльное стекло:
Собаки лають, учатся солдаты.

Какъ хлопья за опгѣлой, бурой ваты,
Буграми снѣгъ, а съ крышъ давно стекло..
Но почему такъ празднично свѣтло?
Или весны не видѣлъ никогда ты?

Весну я знаю и любилъ немало,
Немало прошумѣло весеннихъ водъ,
Но сердце сонное не понимало.

Теперь во мнѣ проснулось все, —и вотъ
Впервые кровь бѣжитъ по сѣти венъ,
Впервые день весны благословенъ!

1916.

4.

Просохшая земля! Прижаться къ ней,
Безсолнечную смѣну мертвыхъ дней
Яснѣй позабывать и холоднѣй!

О, твердая земля, родная мятъ!
Научишь мудро, просто понимать.
Отвыкнетъ бѣдная душа хромать.

Какъ сладокъ духъ проснувшейся травы,
Какъ старые ручьи опять новы,
Какой покой съ высокой синевы!

Раскиньтесь, руки, по землѣ крестомъ!
Подумать: въ этомъ мѣрѣ, въ мѣрѣ томъ
Спасемся мы Воскреснувшимъ Христомъ!

Кто грудь земли слезами оросилъ,
Кто мать свою о помощи просилъ,
Исполнится неистощимыхъ силъ.

1916.

5.

СОЛНЦЕ-БЫКЪ.

Какъ маталоры краснымъ глазъ щекочуть,
Ужъ роши кумачами замахали,
А солнце-быкъ на нихъ глядѣть не хочетъ:
Его глаза осенніе устали.

Онъ медленно ползеть на небо выше,
Рогамъ въ прудъ уставился онъ синій
И безразлично, какъ конекъ на крышѣ,
Глядитъ на бѣлый и неожиданный иней.

Теленкомъ скоро, сосункомъ онъ будетъ,
На зимней, чуть зелененькой лужайкѣ,
Пока къ яренью снова не разбудить
Апрѣльская рука весны-хозяйки.

1916.

6.

L'ho perduta meschinella...
(Le nozze di Figaro. Mozart).

Въ такую ночь, какъ паутина,
Всю снѣжь небснаго павлини
Заткали звѣздные пути.
На башнѣ полночь безъ пяти,
И спать росистая долина.

Курится круглая куртина.
Какъ сладко цѣпь любви нести,
Какъ сладко сътъ любви плести
Въ такую ночь!

Чуть-чуть приподнята гардина,
Звенить въ бесѣдкѣ мандолина...
О, пѣсни вздохъ, лети, лети!
Тебѣ булавки не найти,
О, маленькая Барберина,
Въ такую ночь!

1916.

7.

ЛѢТНІЙ САДЪ.

Н. А. Юдину.

Пропало славы обветшалої
Воспоминанье навсегда.
Скользнуть въ вѣкахъ звѣздою шалої
И наши годы, господа.
Гдѣ бабушкиныхъ робъ шуршанье,
Гдѣ мелкій дребезгъ нѣжныхъ шпоръ
И на глазахъ у всѣхъ свиданье,
Другимъ невнятный разговоръ?
Простой и медленной прогулкой
Въ саду ужъ не проходитъ царь,
Не гонитъ крѣпость пушкой гулкой
Всѣхъ франтовъ къ устрицамъ, какъ встарь.
Лишь у Крылова дремяють бонны,
Ребячій вьется къ небу крикъ,
Да липы такъ же благовонны,
И дубъ попрежнему великъ.

Демократической толпою
Нарушенъ статуи странный сонъ,
Но небо свѣтится весною,
А теплый вѣтеръ, тотъ же онъ!
Ты Самъ устроишь такъ, о Боже,
Что сердце (такъ слабо оно)
Подъ пиджаками бьется то же,
Что подъ камзолами давно.
И весь проспектъ большой аллен
Вымѣривая въ сотый разъ,
Вдругъ остановишься, краснѣя,
При выстрѣлѣ прохожихъ глазъ.
Но кто же знаетъ точный часъ
Для васъ, Амура-чародѣя,
Всегда неожиданныя затѣи?

1916.

КЪ ДЕБЮССИ.

Какая новая любовь и нѣжность
 Принесена съ серебряныхъ высотъ!
 Лазурная, святая безмятежность,
 Небесныхъ пчель медвяный, легкій сотъ!

Фонтанъ Верлена, лунная поляна
 И алость жертвенныхъ открытыхъ розъ,
 А въ нѣжныхъ, прерывающихся ріано
 Звенить полеть классическихъ стрекозъ.

Пусть говоритъ намъ о сіамскихъ дѣвахъ,
 Далекихъ странъ плѣняетъ красота,—
 Въ раздробленныхъ, чуть зыблсмыхъ напѣвахъ
 Слышна твоя, о Моцартъ, простота.

И легкая, восторженная Мюза,
 Готова нѣжно лепестки вѣнца,
 Стариннаго привѣтствуетъ француза
 И небывалой нѣжности творца!

1915.

33

9.

ЗИМА.

Близка студеная пора,
Вчера съ утра
Напудрилъ крыши первый иней.
Жирнѣй вода озявшихъ рѣкъ.
Повалить снѣгъ
Изъ тучи медленной и синей.

Такъ мокрая луна видна
Намъ изъ окна,
Какъ будто небо стало ниже.
Охотникъ въ календарь глядитъ
И срокъ слѣдитъ,
Когда то обновить онъ лыжи.

Люби домашней торжество,
Намъ Рождество
Приносить прелесть дѣтской елки.
По озеру визжать коньки,
А огоньки
На вѣткахъ — словно Божьи пчелки.

Весь долгій комнатный досугъ,
Мой милый другъ,
Развеселю я легкой лютней.
Настанетъ тихая зима:
Поля, дома —
Милѣя все будетъ и уютѣя.

1916.

III. ♣ ♣ ♣

1.

Среди ночныхъ и долгихъ бдѣній
И въ ежедневной суетѣ
Невидимый и легкій геній
Сопутствуетъ моей мечтѣ.
Нежданную шепнеть строку,
Пошлетъ улыбкой утѣшенье
И набожному простаку
Простѣйшее сулить рѣшенье.
И вотъ несбѣдственны ужъ бѣды,
Печаль забыта навсегда,
И снятся новыя побѣды
Простого, Божьяго труда.
Я долю спутника искалъ
И вдругъ нашелъ на поворотѣ:
Въ поверхности любыхъ зеркалъ
Его легко, мой другъ, найдете.
Печаленъ взоръ его лукавый,
Улыбокъ непонятна вязь,
Какъ будто недовочень славой,
Лишь къ славѣ горестной стремясь.

Вы такъ близки мнѣ, такъ родны,
Что кажется ужъ нелюбимы.
Навѣрно, такъ же холодны
Въ раю другъ къ другу серафимы.
Но спутникъ мой—одна правдивость,
И вотъ—пусты, какъ дымъ и тлѣнъ,
И бесполезная ревнивость,
И бѣглый чадъ былыхъ измѣнъ.
И вольно я вздыхаю вновь,
По дѣтски вижу совершенство:
Быть можетъ, это не любовь,
Но такъ похоже на блаженство!

1915.

2.

Озерный вѣтеръ прохладителенъ,
Дорога въ гору идетъ...
Такъ простъ и такъ умиротеленъ
Накренившійся сѣрый ботъ.

Если ты въ путь готовишься,
Я знаю навѣрное: все жъ
На поворотъ ты остановишься
И шляпой махнешь...

А все почему то кажется,
Что оба поведемъ вдвоемъ,
И въ часъ послѣдній окажется,
Что одинъ никто не отважится
Вернуться въ покинутый домъ.

1914.

3.

Что со мною? Я нѣмѣю.
Что сначала мнѣ воспѣть?
Царскосельскую аллею,
Гдѣ на западѣ, алѣя,
Темныхъ вѣтокъ встала сѣть?

Или пестраго подвала
Полуночные часы,
Гдѣ средь шумнаго развала
Тихо душу колдовала
Близость познанной красы?

Или сумракъ той гостиной,
Что на Мойкѣ, близъ Морской,
Гдѣ съ улыбкою невинной
Сквозь кайму рѣсницы длинной
Взглядывали вы порой?

Иль пробора пепель темный
На подушкѣ у менѣ?
Взглядъ усталый, нѣжно томный,
На щекахъ огонь нескромный
Розой тлѣть, взоръ мана...

Или сладость пробужденья
Близко милаго лица,
Умиленное волненье,
Холодокъ прикосновенья
Такъ знакомаго кольца?

Всѣ минуты, всѣ мгновенья—
Лишь одинъ блаженный часъ.
Ни тревоги, ни сомнѣнья...
Вѣчное благодаренье
Небу милому за васъ!

1913.

4.

Вдали поетъ валторна
Заигранный мотивъ,
Такъ странно и тлетворно
Мечтанья пробудивъ.

И какъ то лѣнь разрушить
Безхитростную сѣть:
Гулять бы, пить, да слушать,
Въ глаза твои глядѣть.

И знаешь вѣдь отлично,
Что это все—пустякъ,
Да вальсикъ неприличный
Не отогнать никакъ.

И тошень, и отраденъ
Назойливый рожокъ...
Что пригоршнею градинъ,
Онъ сердце мнѣ обжегъ.

Невзрачное похмелье...
Да развѣ онъ про то?
Какое то веселье
Поеть онъ „тро-то-то“.

Поеть, поеть, вздыхаетъ,
Фальшивить, чуть дыша.
Про что поеть, не знаетъ...
Не знай и ты, душа!

1915.

5.

Душа, я горсмъ не терзасмъ,
Но плачу, вѣтрная странница.
Все продаемъ мы, всѣмъ должасмъ,
Скоро у насъ ничего не останется.

Конечно, есть и Богъ, и небо,
И воображеніе, которсе не лѣнится,
Но когда сидишь почти безъ хлѣба,
Становишься, какъ смѣшная плѣнница.

Муза вскочить про любовь расскажетъ
(Она вѣдь глупенькая, дурочка),
Но взглянешь, какъ веревкой вяжетъ
Послѣдній тюкъ нашъ милый Юрочка,—

И остановишься. Отрада
Минутная, страданье мелкое,
Но, Боже мой, кому это надо,
Чтобы вертѣлся, какъ бѣлка я?

1917. Іюнь.

6.

Всѣ дни у Бога хороши,
Всѣ дни—одно благословеніе,
Но въ бѣдноі памяти души—
Немногіе, какъ воскресенъе.
И знаете: они не тѣ,
Когда я ждалъ, и волновался,
И торопливо въ темнотѣ
Губами вашихъ губъ касался.
Они не тѣ, когда такъ зло,
Упрямо вѣря, я не вѣрилъ.
Все это былью поросло,
И, можетъ быть, я лицемерилъ.
Мигъ помнятся другіе дни
(Они такъ сладостны и жалки)...
Въ гостиницѣ глаза одни,
Какъ вылинявшія флалки...
И вдругъ узнали, удивясь,
Что вотъ теперь ужъ въ самомъ дѣлѣ...
Что выросла такая связь,
Какой, быть можетъ, не хотѣли.

Потомъ клонило васъ ко сну,
Въ тревогъ дѣтской вы дремали
И вдругъ: „Отправятъ на войну
Меня!“—такъ горестно сказали.
Кому тамъ пужны на войнѣ
Такія розовыя губы?
Не для того ли, чтобъ вдвойнѣ
Бои намъ показались грубы?
А тотъ, для васъ счастливый, день,
Такой недавній день, въ который
Чужой любви смѣлалась тѣнь
Съ тяжелымъ мракомъ желтой шторы...
Опять, опять, какъ въ первый разъ,
Признанья ваши и томленье,—
И вотъ смущенный вашъ рязказъ
Отвелъ послѣднія сомнѣнья.
Затворникъ я, вы—легкій конь,
Что ржетъ и прыгаетъ въ весельи,
Но кратко вътрєнный огонь,
И станетъ конь у той же кельи.
А ваша школьничья тетрадь?
Заплакать можно, такъ все ново,—
И понялъ я, что вотъ—страдать
И значить полюбить другого.

1915.

IV. РУССКИЙ РАЙ.

1.

Все тотъ же сонъ, живой и давній,
Стоитъ и не отходить прочь:
Окно закрыто плотной ставней,
За ставней—стынущая ночь.
Трещать углы, тепла лежанка,
Вдали пролаетъ сонный песь...
Я всталъ сегодня спозаранку
И мирно мирный день пронесъ.
Беззлобный день такъ свято дологъ!
Все—кроткій блескъ, и снѣгъ, и ширь!
Читать тутъ можно только Прологъ
Или Давыдову Псалтирь.
И зной печной въ каморкѣ бѣлой,
И звонъ ночной издалика,
И при лампадкѣ нагорѣлой
Такая бѣлая рука!
Размариваетъ и поконтъ,
Любовь цвѣтетъ проста, пышна,
А вьюга въ полѣ люто воеетъ,
Вьюны сажая у окна.

Занесена пургой пушистой,
Живи, любовь, ес умирай:
Насталъ для насъ огнисто-льдиный,
Морозно-жаркій, русскій рай!
Ахъ, только бѣ снѣгъ, да взоръ любимый,
Да краски нѣжныя иконы!
Желанный, неискоренимый,
Души моей давнишній сонъ!

1915. Августъ.

2.

А. С. Рославлеву.

Я знаю васъ не по наслышкѣ,
О, верхней Еолги города!
Кремлей чешуйчатая вышка,
Миѣ не забыть васъ никогда!
И знаю я, какъ ночи долги,
Какъ яръ и кратокъ зимній день,—
Я самъ родился вѣдь на Волгѣ,
Гдѣ съ удалю сдружилась лѣнь,
Гдѣ изстари благочестивы
И смѣливы, гдѣ говоръ крутъ,
Гдѣ весело сбѣгаютъ нивы
Къ рѣкѣ, гдѣ молятся и врутъ,
Гдѣ Ярославль горитъ, что въ митрѣ
У патріарха аль рубинѣ,
Гдѣ росъ царевичъ нашъ Димитрій,
Зарозовѣвшій кровью кринѣ,
Гдѣ все привольно, все степенно,
Гдѣ все сіяетъ, все цвѣтетъ,
Гдѣ Волга медленно и пѣнно
Къ морямъ далекимъ путь ведетъ.

Я знаю бѣгъ саней ковровыхъ
И розы щекъ на холоду,
Морозовъ царственно-суровыхъ
Въ другомъ краю я не найду.
Я знаю звонъ великопостный,
Въ бору далескомъ малый скитъ,—
И въ жизни сладостной и косной
Какой то тайный есть магнитъ.
Я помню запахъ грядъ малинныхъ
И горницъ праздничныхъ уютъ,
Напѣвы службъ умильно-длинныхъ
До сей поры въ душѣ поютъ.
Не знаю, правъ ли я, не правъ ли,
Не по указкѣ я люблю.
За то, что выросъ въ Ярославѣ,
Свою судьбу благословлю!

1916. Январь.

ЦАРЕВИЧЪ ДИМИТРІЙ.

Давно ужъ жаворонки прилетѣли,
Вернулись въ гнѣзда громкіе грачи,
Поскрипываютъ весело качели.
Еще не знойны майскіе лучи.
О май-волшебникъ, какъ глаза ты застишь
Слезю радостной, какъ лѣтъ мѣ тѣны!
Какъ холодо: свѣтло, всѣ окна настѣжь,
Подъ ними темная еще сирень!
Ахъ, пробѣжаться бы за квасомъ въ ледникъ,
Черемуху у кухни оборвать!
Но ты—царевичъ, царскій ты наследникъ:
Тебѣ негоже козликомъ скакать.
Ты медленно по садику гуляешь
И, кажется, самой травы не мнешь.
Глядишь на облако, не замѣчаешь,
Что на тебя направленъ чей то ножъ.
Далскій звонъ сомнѣнья сладко лѣчить:
Здѣсь не Москва, здѣсь тихо и легко...
Орѣшки сжалъ, гадаешь: четъ или нечетъ,
А жаворонки вьются высоко.

Твое лицо болѣзненно опухло,
Темно горитъ еще безстрастный взглядъ,
Какъ будто въ немъ не навсегда потухло
Мерцанье заалтарное лампадъ.
Что милому царевичу враждебно?
На беззащитнаго кто строить ковъ?
Зачѣмъ же руки складывать молельно,
Какъ будто ты ударъ принять готовъ?
Закинулъ горло дѣтское невинно
И, ожерельемъ хвастаясь, не ждетъ,
Что скоро шею грозно и рубинно
Другое ожерелье обовѣсть.
Завыли мамки, вопль и плачь царицы...
Звучитъ немолчно въ заревѣ набать,
А на травѣ—въ кровавой багряницѣ
Царя Феодора убитый братъ.
Въ зарѣ горитъ грядущихъ грозъ багрянецъ,
Мятежъ и мракъ, невнятные слова,
И чудится далекий самозванецъ
И плѣнная, растлѣнная Москва!
Но ты, нашъ мученикъ, ты святъ навѣки,
Всю злобу и всѣ козни одолѣвъ.
Тебя слѣпцы прославятъ и калѣки,
Сложивъ тебѣ безхитростный напѣвъ.
Такъ тихъ твой ликъ, тиха святля рака,
И тише сталъ Архангельскій Соборъ,
А изъ кровавой старины и мрака
Намъ свѣтитъ твой дѣтскій, свѣтлый взоръ.
Пусть говоритъ заносчивый историкъ,
Что не царевичъ въ Угличѣ убитъ,
Все такъ же жребій твой, высокъ и горекъ,
Дмитрій-отрокъ, въ небесахъ горитъ.

О, вешній цвѣтъ, на всѣхъ путяхъ ты нуженъ,
И въ мирный, и въ тревожный, смутный мигъ!
Вѣдь каждая изъ маленькихъ жемчужинъ
Твоихъ дороже толстыхъ, мертвыхъ книгъ.
О убитый, Ангель легкокрылый!
Ты справишься съ разрухой и бѣдой
И въ нашей жизни, тусклой и унылой,
Засвѣтишь тихой утренней звездой.

1916. Февраль.

4.

ПСКОВСКОЙ АВГУСТЪ.

Ю. П. Липякову.

Веселушки и плакушки
 Мостъ копытятъ ксаами,
 А зарѣчныя макушки
 Леденцѣють розами.
 По пестро-рябымъ озерцамъ
 Гребенцы наверхены.
 Бѣлымъ, чернымъ, сѣрымъ перцемъ
 Лодочки наперчены.
 Мельницъ мелево у кручи
 Сухоруко машется.
 На березы каплетъ съ тучи
 Янтарева кашница.
 Надорвась, вечерня, шмелемъ,
 Взвякиваетъ узенько.
 Бѣлки снѣдки мелко мелемъ,—
 Тпруси, тпруси, тпрусенъка.
 Завинти, вѣтрило, шпонтикъ,—
 Что нибудь получится!
 Всколесила желтый зонтикъ
 На балконъ поручица!

1917. Августъ.

ХЛЫСТОВСКАЯ.

О кликай, сердце, кликай!
Воздвигни къ небу кличь!
Вельможный день, великій
Тѣмъ кличемъ возвсличь!

Струи на струны руки,
Ударь, ударь, ударь!
Вернется изъ разлуки
Нашъ Горній Господарь!

И горница готова,
Предубранный Сіонъ,
Незнаемое слово
Вернетъ на землю Онъ.

Дождусь ли, о, дождусь ли
Тебя изъ дальнихъ странъ?
Звончѣй звените, гусли!
Урчи громчѣй, тимпаны!

Ой, духъ! Ой, царь! Ой, душе!
Сойди въ корабль скорѣй!
Прожги до дна намъ души
И рѣй, родимый, рѣй!

Крылами пышно машеть
И дышеть надо мной.
Въ поту намъ пашню пашеть
Хозяинъ Неземной.

Вздымай воскрыля крылецъ,
Маши, паши, дыши!
Геенскій огонь, Кормилецъ,
Огнемъ намъ утиси!

1916.

V. ВИДЪНЪЯ.

1.

Видѣнье мной овладѣло:
О золотомъ птицеловѣ,
О пернатой стрѣлѣ изъ трости,
О томной заgrabной рошѣ.
Каждый кусочекъ тѣла,
Каждая капля крови,
Каждая крошка кости—
Милѣй, чѣмъ святыя моши!

Пусть я всегда проклинаемъ,
Клянните, люди, клянните,
Тушите костеръ кострами,—
Льду не сковать водопада.
Вѣдь мы ничего не знаемъ,
Какъ тянутся эти нити
Изъ сердца къ сердцу сами...
Не знаемъ, и знать не надо!

1916.

2.

Сърая рѣть птица,
Странной мечты дочь...
Сонъ все одинъ миѣ снится
Третью почти ночь...
Вижу: идемъ лугами,
Темный внизу логъ,
Синяя мгла надъ нами,
Гдѣ то поеть рогъ...
Такъ незнакомы дали,
Красный растеть макъ,
Оба въ пути устали,
Густо застыль мракъ...
Глухо рожокъ играетъ...
Кто то упаль вдругъ!
Кто изъ насъ умираеть:
Я или ты, другъ?

Насъ, о Боже, Боже,
Дланью Своей троны!
Вдругъ, на корабль похожій,
Бѣлый взлетѣлъ конь...
Вѣрю: дано спасенье!
Сердце, восторгъ шпоры!
Сладостное смятенье,
Сердцу успокоенье,
Праздникомъ вознесеня
Трелить свирѣль зоры!

1916.

3.

КОЛДОВСТВО.

Въ игольчатомъ сверканьи
Занѣженныхъ зеркаль—
Нездѣшнее исканье
И демонскій оскаль.
Горять, горять иголки,—
Ударъ стекляныхъ шпагъ,—
Въ клубахъ нечистой смолки
Прямится обликъ нагъ.
Еще, еще усилье,—
Плотнится пыльный прахъ,
А въ жилехъ, въ сухожильяхъ
Течеть сладѣлый страхъ.
Спинѣ—морозъ и мокро,
Въ мозгу пустой кувыркъ.
Безстыдный черный отрокъ
Плясавить странный цыг

Отплата за обиды,
Желанье—все въ одно.
Душокъ асса-фетиды
Летучить за окно.
Размѣренная рама
Рѣшетить синеву...
Луна кругло и прямо
Упала на траву,

1917. Май.

4.

ПЕЙЗАЖЪ ГОГЭНА.

К. А. Большакову.

Красенъ кровавый ротъ...
Темень тѣнистый бродъ...
Ядомъ червлсны ягоды...
У позабытой пагоды
Руки къ небу, уроды..

Ярокъ дальній припекъ...
Гладокъ карій конскъ...
Звонко стучить копытами,
Ступая тропами изрытыми,
Гдѣ водопой протекъ.

Ивою связанъ плоть,
Низко элатится плодъ...
Между лѣсами и селами
Веслами грестъ веселыми
Въ область больныхъ болоты!

Видишь: трещить костерь?
Видишь: топоръ остерь?
Встрѣть же тугими косами,
Спѣлыми абрикосами,
О, сестра изъ сестерь!

1916.

5.

РИМСКИЙ ОТРЫВОКЪ.

Осторожный по болоту дозоръ...
на мху черные копыть слѣды...
за далекой плотиной
копь ржетъ тонко и ретиво...
сладкой волной съ противо-
положныхъ горъ
мѣшается съ тиной
духъ резеды.

Запахъ конской мочи...
(недавняя стоянка враговъ).
разлапая медвѣдницы семерка
тускло мерцаеть долу.
Сонно копошенье полу-
голодныхъ солдатъ. Мечи
блещуть странно и зорко
у торфяныхъ костровъ.

Завтра, навѣрно, бой...
Смутно ползеть во снѣ:
стрѣлы отточены остро,
остра у конниковъ пика.
Увижу ли, Нико-
мидя, тебя, городъ родной?
выйдутъ ли мать и сестры
навстрѣчу ко мнѣ?

Въ дрему ваюсь, словно пескомъ засыпанъ въ пустынь.
Небо не такъ сине, какъ глаза твои, Октавія, сини!

1917. Июль.

6.

ВРАЖДЕБНОЕ МОРЕ.

О Д А.

В. В. Маяковскому.

Чей мертвящій, помертвѣлый ликъ
въ косматыхъ горбахъ изъ плоской вздыбившихся
сѣдины

вижу?

Горгона, Горгона,
смерти дѣва,

ты движенья на днѣ безцѣльнаго водѣ жива!

Посинѣлый языкъ
изъ пустой глубины
лижетъ, лижетъ

(всплески—трепетъ, топотъ плечъ утоплевяниковъ!)

лижетъ слова

на столбахъ опрокинутого, потонувшего,

почти уже безымяннаго трона.

Безформенной призракъ свободы,

болотно лживый, какъ бѣлоглазые люди,
ты раздѣляешь народы,
бормоча о несбывшемъ чудѣ.
И вотъ,
какъ ристалищный копъ,
рипешься взрывомъ водъ,
взъяришься, храпишь, мечешь
мокрый огонь
на бѣлос небо, рушась и руша,
сверливой воронкой буравя
свои же нѣдра!

Оттуда несется глухо,
вѣтра глуше:
— Корабельщики-братья, взроемъ
хмурое брюхо,
гдѣ урчить приборъ и отбой!
Разсбѣемъ замкнутый замокъ!
Проклятыя героямъ,
изобрѣтшимъ для мяса и самокъ
первый подъ солнцемъ бой!

Плачетъ все хмурѣй:
— Менслай, о Менслай!
не знать бы тебѣ Елены,
рыжей жены!
(Слышишь неистовыхъ фурій
неумолимо охрипшій лай?)
Все равно Парисъ бѣлоногий
грядущія всѣ тревоги
вонзятъ тебѣ въ сердце: плѣны,
деревни, что сожжены,

трупы, что въ полѣ забыты,
юношей, что убиты,—
несчастный царь, неси
на порфирныхъ своихъ плечахъ!

На красныхъ мечяхъ
раскинулась опочивалыня!..
Въ Еленѣ—всѣ женщины: въ ней
Леда, Даная и Пенелопа,
словно любви наковальня
въ одну сковала тѣмъ пламеннѣй и нѣжнѣй.

Ждетъ.

Раззолотили подушку косы...

(Братя,
впервые)

— Париса руку чуетъ уже у точеной выи...

(впервые

Азія и Европа

встрѣтились въ этомъ объятіи!!)

Подымается мѣрно животъ,

круглый, какъ небо!

Губы, сосцы и логги чуть розовеюгъ...

Прилети сейчасъ осы,—

въ смятеньи завьются: гдѣ бы

лучше илѣти амброзіиу пчцу,

которая меда достѣйнаго дать не смѣеть?

Входитъ Парисъ - ратоборецъ,

бѣлая ноги блестятъ,

взглядъ —

азіатскія сумерки круглыхъ, что груди, холмовъ.

Елена подьсмелеть тмнныя вѣки...

(Навѣки

мигъ этотъ будетъ, какъ вѣчность, дологъ!)

Задрнуть затканый пологъ...

(Первая встрѣча! Первый бой!

Азія и Европа! Европа и Азія!!

И тяжеля отъ мяса фантазія

медленно, какъ пшевареніе, грезить о вѣч-
ной народовъ битвѣ,

рыжая жена Менелая, тобой,

царевичъ троянскій, тобой

уязвленная!

Какія легкія утромъ молитвы

сдернуть призрачный сонъ,

и всѣ увидятъ, что встрѣча вселенной

не ковромъ пестра,

не какъ мечъ остра,

я лежать, красотой утомленные,

братъ и сестра,

дѣтски обнявъ другъ друга?)

Испуга

иснужилго вѣчила мать,

ты научила проливать

кровь брата

на сѣверномъ, плоскомъ камнѣ.

Ты—далека и близка мнѣ,

ненавистная, какъ древняя совѣсть,

дикая повѣсть

о нестово-дѣвственной дѣвѣ.

Дуй, вѣтеры! Вѣя, рѣй

до пустынь безлюдныхъ Гипербореевъ.

74

Служника буиного геня,
жрица Динина гивва,
въщая дѣва,
ты, Ифигеня,
наточила кремневый ножъ,
красною тряпкой отерла,
среди криковъ
и барблинаго воя скиновъ
братское горло
закинула
 (Братское, братское, помни!
 Дина, ты видишь, легко миѣ!)
и вдругъ,
какъ странный недугъ,
мужественныхъ душъ услада
подъ ножемъ родилась
 (Гибни, отцовскій домъ,
 плачьте, вдовья дѣвы, руки ломая!
 Бесплодная рѣза нездѣшняго Мая,
 безуханный, пылай, Содомъ!)
сквозь кровь,
чрезъ нѣка забытая,
любовь
Ореста и его Пилада!
Море, морево, мать,
сама себя жрущая,
что отъ заемнаго блеска мѣсяца
маткой больною бѣсится,
полно тебѣ терзать
бѣдныхъ дѣтей,
безполезность рваныхъ сѣтей
и сплетенье бездонной рвани

называя геройствомъ
Воннственной дѣвы безличье,
зовущее
къ призрачной брани...
но кровь настоящая
льется въ пустое геройство!
Геройство!
А стоны то?
А юнии то?
Проклято, проклято!
Точило холодное жметъ
живой виноградъ,
жнища безцѣльная жнетъ
за рядомъ рядъ.
И поблѣднѣвшій огъ жатвы ущербный серпъ
валится
въ бездну, которую безумный Ксерксъ
велѣлъ бичами высѣчь
(цѣпи—плохая подпруга)
и увидя которую десять тысячъ
оборванныхъ грековъ, обнимая другъ друга,
крича, заплакали: „θάλασσα!“

1917. Апрель.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Плодъ зрѣетъ.

1. Мы въ слѣпотѣ какъ будто не знаемъ. . .	11
2. Подъ вечеръ выйдъ въ луга поемные . . .	12
3. Господь, я вижу, я недостойнъ	14
4. Какая то лѣнь недѣли кростъ.	16
5. Не знаешь, какъ выразитъ нѣжности! . .	17
6. Находитъ странное молчаніе	18
7. Какая бѣлизна и кроткій сонъ!	19
8. Красное солнце въ окно ударило	20
9. Я вижу, въ дворовомъ окошкѣ.	21

II. Вина иголки.

1. Вина весенняго иголки	25
2. Еще нѣжныѣ, еще прелестнѣѣ.	26
3. Такіе дни—счастливейшія даты	27
4. Просохшая земля!	28
5. Солнце-быкъ.	29
6. Въ такую ночь.	30
7. Лѣтній садъ	31
8. Къ Дебюсси	33
9. Зима	34

III. * * *

1. Среди ночныхъ и долгихъ бдѣній	39
2. Озерный вѣтеръ пронзительнъ	41
3. Что со мною? Я нѣмъю.	42
4. Вдали постъ валторна	44
5. Душа, я горемъ не терзаемъ	46
6. Всѣ дни у Бога хороши	47

IV. Русскій рай.

1. Все тотъ же сонъ	51
2. Я знаю васъ не по наслышкѣ.	53
3. Царевичъ Димитрій	55
4. Псковской августъ.	58
5. Хлыстовская	59

V. Видѣнья.

1. Видѣнье мной овладѣло.	63
2. Страя рѣчь птица.	64
3. Колдовство.	66
4. Пейзажъ Гогэна	68
5. Римскій отрывокъ	69
6. Враждебное море.	71

КАТАЛОГЪ КН - ВА „ПРОМЕТЕЙ“.

С.-Петербургъ, Новарской, 10.

АНДРЕЕВЪ, ЛЕОНИДЪ. Океанъ. Рисунки и обложка художника Б. Анисфельда	2 р. 25 к.
ЛЕМОНЪЕ, К. Когда я былъ мужчиной. Съ предисловіемъ А. И. Куприна.	3 . 25 .
ОКУНЕВЪ, Я. Камешное иго	3 . — .
ОЛИГЕРЪ, Н. Гость. Повѣсти и рассказы	3 . — .
„ПРОМЕТЕЙ“. Литературно - художе- ственный сборникъ	2 . 50 .
РУДИЧЪ, ВЪРА. Ступени. Изд. 3-е.	1 . 25 .
СЪВЕРОВА, Н. Къ идеаламъ. Повѣсть съ иллюстраціями Ильи Рѣпина	3 . — .
ТЫРКОВА, АРИАДНА. Ночью. Романъ	3 . — .
— Семь рассказовъ	3 . — .
—————	
АХМАТОВА АННА. Четки	10 . — .
— Бѣлая стая.	11 . — .
ГУМИЛЕВЪ, Н. Романтическіе цвѣты.	5 . 50 .
— Жемчуга	6 . 50 .
— Чужое небо.	
— Колчанъ.	
КУЗМИНЪ, М. Чаша.	
— Плѣнь.	
— Ракеты.	
— Вожатый.	
— Александрійскія пѣсни.	

М КУЗМИНЪ
ДВУМЪ

I. ДѢВОЧКЪ-ДУШЕНЬКЪ

Розово, въ качели колыбельной дыша,
психе́йная проснулась маленькая душа,
какъ въ стародавнемъ прежде
въ той же (родильные завитушками волоса,
спины и ножекъ калачикомъ, вырастуть еще, чудеса).
въ той же умильно-тѣлесной одеждѣ.
Припечной ящерицы лѣнивей
полураскрывый ротъ,
какъ океанскихъ водъ
меланхолическѣй ската взоръ,
безъ всякаго понятія о перспективѣ,
ловить черезъ площадь моторъ,
словно котенокъ на жирно летающихъ голубей
щелкаетъ зубами черезъ стекло
и думаетъ: «лети скорѣй,
сытно будетъ намъ и тепло!»

Спозаранокъ, забывъ постель
для младенчески огромнаго солнца,
золотую сучать канитель
пальчики—веретенца.
Еще зачинающихъ томности синева
фіалкой подглазникъ темнить,
надъ которымъ даже не невинныхъ (такихъ незнаю-
щихъ) два
бисера радостное любопытство кружить
Остановятся, погоди, въ истомѣ,
жадные до собственной синевы,
когда дочитаешь въ какомъ то томѣ
до самой нѣжной главы.
Ринется шумокрылый Эроть,
можетъ быть, въ хаки,
можетъ быть, въ демократическомъ пиджачкѣ,
въ черно-синемъ мракѣ
коснется тебя перо,
и въ близкомъ далекѣ
заголубѣютъ молнійно дали,
которыхъ ждали,
и гдѣ цвѣты и звѣри
говорятъ о древней родимости всѣхъ Америкъ
Сколько, сколько открытій!
Такъ сладки и ѣдки!
Какъ каждый міръ великъ!
Но всего богомольнѣй,
когда невиданныя, впервые, вѣтки
мокрыхъ мартиновъ привольнѣй,
плывя по волнамъ,
вѣсть заколышатъ намъ,
что скоро Колумбъ, въ Южный Крестъ влюбленный
увидитъ юно-зеленый,
можетъ быть, золотосный материкъ.

Въ солнечной, дѣтской комнатѣ,
милая душенька, запомните,
что не будетъ ничто для васъ
такимъ умильнымъ чудомъ,
какъ время, когда вашъ глазъ,
гдѣ еще все вверхъ-ногами,
увидитъ собаку съ рыжими ушами
лохматымъ, на землѣ голубой, верблюдомъ.

III: ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩЕЙ.

.I. Ю. Брикъ.

Дѣвочка по двору вела,—
голубая косоплетка въ косицѣ,—
лепстала, семеня: выздоровѣла,
выздоровѣла наша сестрица!—
Отвѣчалъ что-то неудачно я,
самъ удивляясь своей надеждѣ.
— Она стала совсѣмъ прозрачная,
но еще добрѣе, чѣмъ прежде.
Глаза—два солнца коричневая,
а коса—рыженькая мѣдь
Ей бы сѣсть подъ деревья вишневия
и тихонько что-нибудь пѣть.

Небо голубѣетъ къ путешествіямъ,
какъ выздоровленъс—апрѣльская прѣль!
О минувшихъ, не вспоминаемыхъ бѣдствіяхъ,
грѣетъ прѣлый Апрель.
Словно подъ легкою блузкою
мѣетъ теплый денекъ
Вы протянете руку узкую,
а на ней новыи перстенькъ.
Сводили съ ума кого хотѣли вы,
сколько сердець заставляли сумасбродно биться.
Для меня жъ въ этотъ день апрѣлевый,
вы—простая милая сестрица.

М. КУЗМИН.

Э Х О

СТИХИ

ПЕТЕРБУРГ

1921

I.

ПРЕДЧУВСТВИЯ.

Предчувствию, душа моя, внемли!
Не изменяй испытанным приметам.
Который снег сбежит с моей земли?
Которая весна замкнется летом?
Завеет март... лети, лети за ним!
Все облака,— что голуби Венеры,
Весенний трепет неискореним,
Неизъяснимый трепет нежной веры.
И грезится необычайный путь,
Где нет случайных и ненужных бедствий.
Набегавшись, щекой к земле прильнуть,
Как в позабытом и прелестном детстве!
Души с землею неразрывна связь,
Но не влюбленная поет затея.
Узнает всякий, сладко удивясь,
Что сердце, обновляясь,—все святее.
Пусть не покидает снег виски,
Пусть, как ящерица, не линияю,—
Расслабленно-живительной тоски
Весенней ни на что не променяю.

1917

7

[87]

Несовершенство мира—милость Божья!
Паси стада своих свободных воль,
Пускай стоишь у нижнего подножья.

Желанье вольное утолено-ль?
Автоматичность—вряд ли добродетель,
Без тела тупы и восторг и боль.

Во мгле ли дремлем мы, в зенитном свете-ль
Крылим, острее стрел, свои лучи.—
Отображение небесных петел,—

Чужой чертеж прилежнее учи,
Желанный ветошь свои совлекая,
И слушай голос в набожной ночи.

Воскликнешь, удивясь: „так вот, какая
Нам сила суждена! ее берем!“
Не борозди, кометою мелькая,

Случайный небосвод, плыви путем
Тебе удобнейшим. Желанье Бога!
Единая цель и волеи твой ярем,

Покорная, свободная дорога!

1919

8

Странничий вечер.

О, этот странничий вечер!
Черный ветер речной
Сутулит попутные плечи
Упорной тугой волной.
Мелкий дождя стеклярус
Сорвался, держаться не смог.
Бьется пальто, как парус,
Меж худыми ходульками ног.
Неужели только похожа
На правду бывалая печь?
Что случилось, что случилось, Боже,
Что даже некуда лечь?
Чуть вижу в какой-то истоме:
Ветер и струи—злы—
Как грустны в покидаемом доме
Связанные узлы!
Скаречно лампы потухли,
Паутина по всем углам,

Вещи—жалкая рухлядь,
Когда-то любимый хлам.
Закрыв бы глаза на все это,
Не смотрел бы больше кругом.
Неужели не будет света?
Не найдется уютный дом?
Взгляните-ж, мой друг, взгляните-ж,
На время печаль отложив.
В зрачках ваших—тихий Китеж
Стекло и странно жив.
И мозглый пар—целебен,
И вновь я идти готов,
Когда дребезжит молебен
Невидных колоколов.

1917

Ю. Юржуну,

Иосиф.

Сомнеья отбросив,
На колыбель
Смотрит Иосиф.

Ангел свирель:
„Понял ли, старче,
Божью цель“

Молись жарче:
Взойдет день
Зари ярче.

Гони тень,
Что знал вначале,
И с ней лень!

Кого ждали,
Тот спит
Без печали,

Целешами повит.
Возле — Мария
Мирно стоит.

О, Мессия!

Конечно, я не святой.
Но и на меня находит удивленье
И мне трудно сдержать волненье
При мысли о вас.
Конечно, я — не святой.
Но и я не избежал скуки,
И ныл от ревнивой муки
В былой час.
Конечно, я не святой,
Но и мне ангел открыл,
Каким я глупым был,
Не оберегая вас.
Я вижу настоящее и будущее
(Еще более головокружительное)
Сокровище,
Чей я небрежный хранитель
(Так часто теперь сам
Делающийся хранимым).
Я вижу еще никем невыраженную,

Может быть, невыразимую
Нежность,
На которую так недостаточно, неумело
Не знаю, более любящий, или любимый,
Отвечаю.
Я вижу исполненными
Самые смелые желанья,
Деленные мною с давних пор
В скромном родительском доме,
Или в рассянны веселой и насмешливой
жизни.

Я вижу, неся, все
И еще больше,
Чего вы и сами можете не видеть
Я, как Иосиф младенцу,
Кланяюсь,
И как голодный,
Получивший краюху горячего белого хлеба
Благодарю в этот день небо
За вас.

1918

II.

ЛИКИ

Два старца.

Жили два старца
Во святой пустыне,
Бога молили,
Душу спасали.
Один был постник,
Другой домовитий,
Один все плакал,
Другой веселился.
Спросят у постника
„Чего, отче, плачешь?“
Отвечает старец:
„О грехах горюю.“
Спросят веселого:
„О чем ты ликуешь?“
Отвечает старец:
—Беса труждаю.
У постника печка
Мхом поросла вся,

У другого—гости
С утра до полночи:
Страшники, убогие,
Божие люди,
Пищая братня,
Христовы братцы.
Всех он встречает,
Всех привечает,
Стол накрывает,
За стол сажает.
Заспорили старцы
О своих молитвах,
Чья Богу доходчивей,
Господу святее.
Открыл Вседержитель
Им знаменье явно,
Две сухих березки
На глухой поляне.
„Вместе ходите,
Вровень поливайте;
Чья скорее встанет,
Чья зазеленет,
Того молитва
Господу святее.“

Трудятся старцы
Во святой пустыне,
Ко деревьям ходят,
Вровень поливают,
Темною ночью
Ко Господу взывают.
За днями недели
Идут, да проходят,
Приблизились сроки
Знаменья Господня.
Встали спозаранок
Святые старцы,
Начал положили
Пошли на поляну.
Господь сердцеведец,
Помилуй нас грешных!
Пришли на поляну
„Слава Тебе, Боже!“
Глазы протерли,
Наземь повалились!
У постного брата
Береза березой.
У другого старца
Райски распушилась.

Вся то зелена,
Вся то кудрява,
Ветки качает,
Дух испущает,
Малые птички
Свиристят легонько.
Заплакали старцы
Знаменью Господню.
—Старцы, вы старцы,
Душу спасайте
Кто как возможет,
Кто как возхочет.
Господь Милосердный
Всех вас примет.
Спáсенью с любовью,—
Спасу милее.
Слава Тебе, Боже наш,
Слава Тебе
И ныне и присно
И вó веки веком
Аминь.

1915

Елка.

С детства помните сочельник,
Этот детский день из дней?
Пахнет смолкой свежий ельник
Из незапертых сеней.
Все звонят из лавок люди,
Нянька ходит часто вниз,
А на кухне в плоском блюде
Разварной миндальный рис.
Солище яблоком сторает
За узором льдистых лап.
Мама вещи прибирает,
Да скрипит заветный шкаф
В зале все необычайно,
Не пускают никого,
Ах, условленная тайна!

Все — известно, все ново!
Тянет новая матроска,
Морщит в плечиках она.
В двери светлая полоска
Так заманчиво видна!
В парафиновом силныи
Скоро-ль разпахнется дверь?
Эта сладость ожидания
Не прошла еще теперь.
Позабыты все заботы,
Ссоры, крики, слезы, лень.
Завтра, может, снова счеты,
А сейчас — прощенный- день.
Свечи с треском светят ярко,
От орехов желтый свет.
Загадаешь все подарки,
А загаданных и нет.
Ждал я нестрой карусели,
А достался мне гусар,
Ждал я пушки две недели,
Вышел дедка, мил и стар.
Только Оля угадала
(Подглядела-ли, во све-ль
Увидала) по желала

И достала колыбель.
Все довольны, старый, малый,
Поцелуй, радость, смех.
И дрожит на ленте алой
Позолоченный орех.
Не ушли минуты эти,
Только спрятаны в коммод.
Люди все бывают дети
Хоть однажды в долгий год.
Незаслуженного дара
Ждем у запертых дверей:
Неизвестного гусара
И зеленых егерей.
Иглы мелкой сля колки,
Сумрак голубой глубок,
Прилетит ли к нашей елке
Белокрылый голубок?
Не видна еще ребенку
Разукрашенная ель,
Только луч желто и тонко
Пробивается сквозь щель.
Боже, Боже, на дороге
Был смиренный твой вертеп,
Знал Ты скорбные тревоги

**И узнал влезовый хлеб,
Но ведет святая дрема
Ворожейных королей.
Кто лишеп семьи и дома,
Божья Мама, пожалей!**

1917

Пасха.

На полях черно и плоско,
Вновь я Божий и ничей!
Завтра Пасха, запах воска,
Запах теплых куличей.
Прежде жизнь моя текла так
Светлой сменой точных дней,
А теперь один остаток
Как-то радостно больней.
Ведь зима, весна и лето,
Пасха, пост и Рождество,
Если сможешь выкинуть в это,
В капле малой—Божество.
Пусть и мелко, пусть и глупо,
Пусть мы волею горды,
Но в глотке грибного супа —
Радость той же череды.
Что запомнил сердцем милым,

То забвеньем не позорь.
Слаще нам постом унылым
Сладкий яд весенних зорь.
Будут, трепетны и зорки,
Бегать пары по росе
И на Красной, Красной горке
Обвенчаются как все.
Цирюги на именины,
Дети, солдце... мирно жить,
Чтобы в доски домовины
Тело милое сложить.
В этой жизни Божья ласка
Словно вышивка видна.
А теперь ты, Пасха, Пасха,
Нам осталася одна:
Уж ее не позабудешь,
Как умом ты не мудри.
Сердце теплое остудишь,—
Разогреют звонари.
И поют, светлы, не строги:
Дили бом, дили бом бом!
Ты запутался в дороге?
Так вернись в родимый дом.

Успенъе.

Богородицыно усепенъе
Намъ усепенъе открыло встарь
Воздикуйте во песнопеньи,
Заводите красно тропарь.
Во саду Богоматерь дремлет,
Словно спит Она и не спит,
В тонкомъ снѣ Она пенью внемлет,—
Божій вестникъ предъ нею стоитъ.
Тотъ же ангелъ благовѣствуетъ,
Но посущенъ и смутенъ онъ,
Вѣтвью темною указываетъ,
Что приходитъ послѣдній сонъ.
Наклонилась раба Господня:
—Вотъ готова и умереть,
Но позволь мнѣ, Господь, сегодня,
Всѣхъ апостоловъ вновь узрѣть,—
Во свѣчахъ, во святыхъ тѣмънахъ

Богородицы чтут конец.
Лишь замедлил во Индинианах
Во далеких Оома близнец.
Он спешит из-за рек глубоких,
Из-за сизых высоких гор,
По апостолов одиноких
Неутешный обрел собор.
Говорит Оома милым братьям
„Неужели я хуже всех?
Богородицыным объятаям
За какой непричастен грех?
Жажду, братия, поклониться,
Лобызать тот святой порог,
Где Небесная спит Царица
На распутии всех дорог“.
Клонит голову он тоскливо,
Греет камни пожаром уст...
Гроб открыли... Святое диво!
Гроб Марии обрящен пуст.
Где Пречистой лежало тело,
Рвался роз заревой поток.
Что ручьем парчевым блестело?
То Владычицы поясок.
О, цветы! о, ручки! о, люди!

О, небес голубая сень!
О златом, о нетленном чуде
Говорится в Успеньев день
Ты и Девы, и Мать святая,
Ты и родина в пору гроз:
Встанет, скорбящая, расцветая
Буйным прѳливнем новых роз!

1916

Страстной пятоқ.

Плачет Дева, Распята зря..
Кровава зоря
Чует:
Земнотряси гробы зияют зимны
Лепечут лепетно гимны.
В сияньи могильных лысин
Возвысил
Глас, рая отвыкший, адов Адам:
Адонаи! Адонаи!—
Гуляют,
Трясьсь могильно, старцы,
Отцы и деды;
Вселяют
Ужас и радость ходильцы проходим.
Зрите пророки:
Оки
Девы без бури—
Синее кобольта и берлинской лазури!

Сине сползло на щеки,
Синет пречистый рот!
Народ
Любимый,
Разве в разбеге зигзаг
Не чтется могиле могила?
Хлестко
Рванулась завесь святая—
Молила,
Распента зря, жестко
Жестоко-вийных железных ..
Адонаи!
В безднах
Остановился вир синий.
Павлиний
Луг рассекают кометы
С петель сорванные!
Девье сердце вонзло пронзило
Копье, и меч, и трость.
Моли, да подаст Тебе силы
Тлени тенной Гость.

О, как бьется
Голубь сердный,

**Страж усердный
Божьей Мати!**

**Вот склонилась,
Вот скорбнилась,
К бледну палу
Вот упала.**

**А над Девьей мстивной главой,
Как плаканный у мытаря золотой,
Звезда возстала!**

1917

Лейный Лемур.

В покойце лейном летавит Лемур.

Алеет Лейла, а Лей понур.

О, лейный сад!

„О, лейный сад!“

Девий заклик далече рад.

Зовешь ты, Лейла, все алей:

„Обручь меня, о милый Лей.

Возьми, летун!

Пронзи, летун

Могильник глинный, живой ползун!“

Все близит, близит груди грудь,

Зубий чешуй на грустную губь,

Змеей зверит,

Горей горит

В зрачке перлиный маргарит...

Кровей пятнит кабаний клык...
О, отрочий, буяный зык!
— О, бледный птич!
О, падь оплич!—
Плачет дале девий кличь.

1917

III.

ЧУЖАЯ ПОЭМА.

Посвящается
В. А. Ш.
и
С. Ю. С.

Чужая поэма.

1.

В осеннем сне то слово прозвучало:
„Луна взошла, а донны-Анны нет!“
Судишь ты мне конец, или начало,
Далеский и таинственный привет?
Я долго ждал, я ждал так много лет,
Чтоб предо мной мелькнула беглой тенью,
Как на воде, меж веток бледный свет,
Как отзвук заблудившемуся ценью—
И предан вновь любви и странному вол-
нению.

2.

Заплаканна, прекрасна и желанна,
Я думал сквозь трепещущий туман,
Что встретится со мною донна Анна,
Которой уж не снится дон Жуан.

Разрушен небом дерзостный обман,
Разсеян дым, пронзительный и серый
И командору мир навеки дан...
Лишь вы поводите глазами серны,
А я у ваших ног, изменчивый и верный

3.

Как призрачно те сны осуществились!
И осень русская, почти зима,
И небо белое... Вы появились
Верхом (стоят по прежнему дома).
О, донна Анна, ты бледна сама,
Не только я от этой встречи бледен.
На длинном платье странно бахрома
Запомнилась... Как наш разсудок беден!
А в сердце голос пел так ярко и победен.

4.

О, сердце, может, лучше не мечтать бы!
Испания и Моцарт—„Фигаро!“
Безумный день великолепной свадьбы,
Огни горят зажженные пестро.
Мне арлекина острое перо

Судьба, смеясь, сама в тот день вручила
И на ново раскинула Таро.
Какая то таинственная сила
Меня тогда вела, любила и учила.

5.

Ведь сам я создал негров и испанцев
Для вас разлил волшебство звездных сфер,
Для ваших огненных и быстрых танцев
Синест роскошь гроздьевых шпалер.
Моих.. моих! напрасно кавалер
Вам руку жмет, но вы глядите странно.
Я узнаю по томности манер:
Я—Фигаро, а вы... вы—донна Анна
Нет, дов Жуана нет и не придет Сузанна!

6.

Скорей, скорей! какой румяный холод!
Как звонко купола в Кремле горят!
Кто так любил, как я, и кто был молод,
Тот может вспомнить и Охотный ряд.
Какой то русский, тепло-сонный яд
Роднит меня с душою старовера.

Вот коридор, лампадка... где то спят...
Целуют... вздох... угар клубится серо. .
За занавеской там... она—моя Венера.

7.

Вы беглая.... на утро вы бежали
(Господь, Господь, Тебе ее не жаль?)
Так жалостно лицо свое прижала
К решетке итальянской, глядя вдаль.
Одна слеза, как тяжкая печаль,
Тяжелая, свинцово с век скатилась..
Была-ль заря на небе, не была-ль,
Не знала ты и не оборотилась...
Душой и взором ты в Успенский храм стре-
милась.

8.

И черный плат так плотно сжал те плечи,
Так неподвижъ.ч. взор свой возвела
На Благовещенья святые свечи,
Как будто двинуться ты не могла.
И золотая, кованная мгла
Тебя взяла, благая, в обрамленье.
Твоих ресниц тяжелая игла

Легла туда в умильном удивленьи.
И трое скованы в мерцающем томленьи.

9.

Еще обрызгана златистой пылью,
(О, солнце зимнее, играй, играй!)
Пришла ко мне, и сказка стала былью.
И растворил врата мне русский рай.
Благословен родимый, снежный край
И розы на чайнике пузатом!
Дыши во сне и сладко умирай!
Пусть млеет в теле милом каждый атом!
И ты в тот русский рай была моим вожатым.

10.

А помнишь час? мы оба замолчали.
Твой взор смеялся, теплый и широк
„Не надо, друг, не вспоминай печали!“
Рукой меня толкнула нежно в бок.
Над нами реял нежный голубок,
Два сердца нес, сердца те — две лампадки.
И свет из них так теплый и глубок,
И дни под ними — медленны и сладки, —
И коня я намек пленительной загадки.

11.

В моем краю вы все-таки чужая,
 И все-ж нельзя России быть родней,
 И думаю, что даже уезжая
 На родину, вы вспомните о ней.
 В страну грядущих непечатых дней
 Несете вы культуру, что от века
 Божественна, и слаще, и вольней
 Я вижу будущего человека.

12.

О, Донна Анна, о, моя Венера,
 Запечатлею ли твой странный лик?
 Какой закон ему, какая мера?
 Он пламенен, таинствен и велик.
 Изобразить ли лебединый клик?
 Стою перед тобой, сложивши руки,
 Как руки нищих набожных калик.
 Я—не певец,—твои я слышу звуки.
 В них все: и ад, и рай, и снег, и страсть
 и муки.

1916.

IV.

КУКОЛЬНАЯ ЭСТРАДА.

Пролог к сказке Андерсена „Пастушка и Трубочист“.

Вот, молодые господа,
Сегодня я пришел сюда,
Чтоб показать и рассказать
И всячески собой занять.
Я стар, конечно, вам не пара,
Но все-таки доверьтесь мне:
Ведь часто то, что слишком старо,
Играет с детством наравне.
Что близко, то позабываю,
Что далеко, то вспоминаю
И каждый день, и каждый час
Приводит новый мне рассказ.
Я помню детское окошко
И ласку материнских рук,
Клубком играющую кошку

И нянькин росписной сундук
Как спать тепло, светло и сладко,
Когда в углу горит лампадка
И звонко так издалика
Песется пенье петуха!
И все яснее с каждым годом
Я вспоминаю старый дом,
И в доме комнату с комодом
И спинки стульев под окном.
На подзеркальнике пастушка,
Голубоглазая вострушка.
И рядом, глянецвит и чист,
Стоит влюбленный трубочист.
Им строго (рожа то не наша)
Китайский кланялся папаша.
Со шкапа же глядела гордо
Урода сморщенная морда.

Верьте, куклы могут жить,
Двигаться и говорить,
Могут плакать и смеяться,
Но на все есть свой же час,
И живут они без нас,
А при нас всего боятся.

Как полягут все в постель,
Таракан покинет щель.
Заскребутся тихо мыши,—
Вдруг зардеет краска щек,
Разовьется волосок,—
Куклы вздрогнут... тише, тише!
От игрушек шкапик „крак“
Деревянный легче фрак,
Из фарфора легче юбки,
Все коровы враз мычат,
Егеря в рога трубят,
К потолку порхнут голубки..
Смехи, пiski, треск бичей,
Ярче слочных свечей
Генералов эполеты...
Гусар, саблей не греми:
За роля бежит Мими,
Вертят спицами кареты.

Теперь смотрите лучше, дети,
Как плутоваты куклы эти!
При нас, как, мертвые сдят,
Не ходят и не говорят,
Но мы на зло, поверьте, им

Всех хитрецов перехитрим,
Перехитрим, да и накажем
Все шалости их вам покажем.

Давно уж солнце закатилось,
Сквозь шторы светится луна,
Вот няня на ночь помолилась,
Спокойного желает сна.
Погасла лампа уж у папы
Ушла и горничная спать,
Скребутся тоненькие лапы
Мышат о нянькину кровать.
Трещит в столовой половица
И мне, и вам, друзья, не спится.
Чу, музыка! иль это сон?
Какой то он? какой то он?

1918.

Эпilog.

Уж скоро солнце заиграет,
Стирать придет служанка пыль
И ни за что не угадает,
Все это сказка, или быль.
Все на местах: китаец, рожа,
И поза, все одно и то же,
Но у пастушки, ах, похоже.
Помят фарфоровый корсаж.
Чур, господа, не выдавайте,
Ни слова про ее беду.
А то сюда вас, так и знайте,
В другой раз я не приведу.

1918

Ноктюрн *).

На небо выезжает
На черных конях почь,
Кто счастье обещает,
Та может мне помочь.
Уста навеки клейки,
Где спал твой подслуи;
Пугливей канарейки,
О, сердце, не тоскуй!
Луна за облак скрылась,
Не вижу я ни зги.
Калитка... чу!.. открывась
В аллее... чу!.. шаги!
Все спит в очарованьи,
Курится мокрый лен...
Кто ждал, как я, свиданья,—
Поймет, как я влюблен.

1917

*) Из пьесы „Все довольны“.

Симонетта *).

О. Симонетта,
Спеши в леса!
Продлись, лето,
Злотись коса!

Как дни погожи,
Пестры цветы!
На них похожи
Мои мечты.
Промчится лето,
Близка зима,
Как грустно это,
Пойми сама,
О, Симонетта.

Зачем тоскуем
В лесной тиши?

*) Из пьесы „Волшебная груда“.

О, к поделуям
Спеши, спеши!
Ведь день удачный,
Иль праздный день,—
Все к смерти мрачной
Мелькнет, как тень.
О, Симонетта!

1917

Романс *).

Оно самой мне не понятно,
Ну как же спрашивать его?
Оно лепечет еле внятно,
И мне ужасно неприятно,
Не знать, люблю ли я кого.

(к АРЖЕНОРУ).

Покуда я резва, невинна,
Покуда бегать я люблю,
Я не привыкла к юбке длинной,
Мне скучно от прогулки чинной,
Но ради вас я все стерплю.

(к ТЬЕРРИ).

День целый с вами б я играла
(Кто хочет, сердце разбери!)
Как куклу вас бы одевала,

*) Из пьесы „Муж, вор и любовник, как их с бывает“.

И раздевала, целовала
И тискала бы вас, Тьерри.
 (к обним).
«Спросите сердце» говорите,
Мой ожидая приговор.
Я спрашивала уж, простите:
Оно молчит, дрожа на нити,
Иль шепчет непонятный вздор.

1917

Лорд Грэгори *).

Лорд Грэгори был очень горд,
Не даром Грэгори был лорд.
Немногих в жизни он любил,
Кого любил, того губил.
Бэлинда юная цвела,
Как розмарин была мила,
Лорд Грэгори встречался с ней,—
И стала буквицы бледней.
Кто может ветер удержать?
Кто может молнию догнать?
Кто страсть в душе своей посыл,
Тот навсегда лишился сил.
Лорд едет гордо на коне,
Стоит Бэлинда в стороне
И молнит бросить взгляд один,

*) Из пьесы „Самое ветренное место в Англии“.

Но ей не внемлет господин.
Проехал всадник, не глядит:
Он обручен вчера с Эдит.
Эдит, Эдит, молись судьбе:
Назначен Грэгори тебе.
Лорд Грэгори был очень горд,
Не даром Грэгори был лорд.
Немногих в жизни он любил,
Кого любил того губил.

1917

Китайские песенки.

I. Колыбельная.

Спросили меня: „что лучше:
Солнце, луна или звезды?“
Не знал я, что ответить.

Солнце меня греет,
Луна освещает дорогу,
Звезды меня веселят.

II. После свиданья.

Утром подруга скажет:
„Верно ты жасмин целовала,
Парным молоком умывалась,
Всю ночь безмятежно почивала,
Что, как заря, ты прекрасна“.
— Нет — отвечу, —
Милый был вчера со мною.

III. Совершеннолетие.

Сегодня счастливый день,
Белый жасмин снегом
Опадает на желтый песок,
Ветру лень надувать паруса,
Утки крикают в молочном пруду
Мельница бормочет спросонок.
Идет ученый, вежливый человек,
Делает учтивый поклон.
У него в доме лучший чай,
А в голове изящныя мысли.
Сегодня счастливый день,
Когда отрок делается юношей.

1918

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. Предчувствия.	
1. Предчувствию душа моя внемли.	7
2. Несовершенство мира.	8
3. Странничий вечер.	9
4. Иосиф.	11
II. Лики.	
1. Два старца.	17
2. Елка.	21
3. Пасха.	25
4. Успенье.	27
5. Страстной пяток.	30
6. Лейный Лемур.	33
III. Чужая поэма.	37
IV. Кукольная эстрада.	
1. Пролог.	47
2. Эпилог.	49
3. Ноктюры.	50
4. Симонетта.	51
5. Романс.	53
6. Лорд Грэгори.	55
7. Китайские песенки.	
Колыбельная.	57
После свидания.	57
Совершеннолетие.	58
	59

КНИГИ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1) Приключенія Эме Ле-
бефа. Спб. 1907, стр. 147.	} Книги отпечатаны в
мае 1907 г. Тов-м «Воль-
ная типографія».
Виньетки (и заглав-
ный лист «Прик. Эме
Лебефа») сделаны К. Со-
мовым. Обложка со-
ставлена по образцам
18-го века.
2) Три пьесы. Спб. 1907,
стр. 74.	
- 3) Крылья. Повѣсть. Обложка работы Н. Тео-
филактова. М. „Скорпионъ“, 1907, стр. 103.
 - 4) Крылья. Повѣсть. Обложка работы Н. Тео-
филактова. Изд. 2 М. „Скорпионъ“ 1908, стр. 123.
 - 5) Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка ра-
боты Н. Теофилактова. М. „Скорпионъ“
1908, стр. 222.
 - 6) Комедіи. Спб. „Оры“, 1909, стр. 126.
 - 7) Первая книга разсказовъ. М. „Скорпионъ“,
1910, стр. 321.
 - 8) Вторая книга разсказовъ. М. „Скорпионъ“
1910, стр. 386.
 - 9) Куранты любви. Слова и музыка. Рисунки
С. Судейкина и Н. Теофилактова. М. „Скор-
пионъ“, 1910, стр. текста 8 вен. + 32 + 8 вен. +
стр. нот 70 + 4 вкл. рис.

- 10) Осеннія озера. Вторая книга стиховъ. Обложка работы С. Судейкина. М. „Скорпионъ“, 1912, стр. 233.
- 11) Третья книга рассказовъ. М. „Скорпионъ“. 1913, стр. 433.
- 12) Глиняныя голубки. Третья книга стиховъ. Обложка работы А. Божерянова. Спб. М. И. Семеновъ. 1914, стр. 194.
- 13) Покойница въ домѣ. Сказки. Четвертая книга рассказов. Обложка работы А. Божерянова. Спб. М. И. Семеновъ. 1914, стр. 190
- 14) Плавающіе—Путешествующіе. Романъ. Обл. работы А. Божерянова. П., М. И. Семеновъ [1915], стр. 277.
- 15) Военные рассказы. Обложка работы С. Судейкина. П. „Лукоморье“. 1915, стр. 97.
- 16) Зеленый соловей. Пятая книга рассказовъ. Обложка работы А. Божерянова. П., М. И. Семеновъ. 1915, стр. 167.
- 17) Плавающіе-Путешествующіе. Романъ. Обл. работы А. Божерянова. Изд. 2. Собр. соч. Том. VI. П., М. И. Семеновъ. 1915, стр. 279.
- 18) Тихій стражъ. Романъ. Обл. работы А. Божерянова. Собр. соч. Т. VII. П., М. И. Семеновъ. [1915], стр. 216.
- 19) Венеціанскіе безумцы. Комедія. Рисунки С. Судейкина. М., А. М. Кожеваткинъ и В. В. Блиновъ. 1915, стр. 77+19 рис.

- 0) СѢТИ. Стихи. Изд. 2. Обл. работы А. Божерянова. Собр. соч. Т. 1. П., М. И. Семеновъ. [1915], стр. 222 (Книга искажена военной цензурой).
- 1) Антрактъ въ оврагѣ. Разказы. Обл. раб. А. Божерянова. Собр. соч. Т. VIII. П., М. И. Семеновъ. [1916], стр. 243.
- 2) Дѣвственный Викторъ. Разказы. Обл. раб. А. Божерянова. Собр. соч. Т. IX. П., М. И. Семеновъ. [1918], стр. 192.
- 3) Вожатый. Стихи. Спб., „Прометей“. 1918, стр. 76+4 нен.
- 4) Бабушкина шкатулка. Разказы. Обл. работы А. Божерянова. Собр. соч. Т. II. П., М. И. Семеновъ. [1918], стр. 156.
- 5) Двумъ. Стихи. Обложка работы Е. Туровой. П. „Сегодня“. [1918], стр. 4 нен. с обложкой.
- 6) Новый Плутархъ. Т. I. Чудесная жизнь Іосифа Бальзамо, графа Калиостро. П. „Странствующій энтузіастъ“. 1919, стр. 235+5 нен. Книжныя украшенія работы. М. В. Добужинскаго.
- 7) Занавешенныя картинки. Рисунки В. Милашевскаго. Амстердам. 1920, стр. 36 нен.
- 8) Александрійскія пѣсни. П. „Прометей“ Стр. 71+9 нен. Без года. (Книга появилась в продажѣ в мартѣ 1921 г.).

- 29) Вторник Мэри. Представление в трех частях
Обл. работы М. Добужинского. П. „Petro-
polis“. 1921, стр. 36.
- 30) Нездешние вечера. Обл. работы М. Добу-
жинского. П. „Petropolis“. 1921, стр. 134.

М. КУЗМИН

ЗАНАВЕШЕННЫЕ КАРТИНКИ

АМСТЕРДАМ

1920

ЗАНАВЕШЕННЫЕ КАРТИНКИ

- I. Апеннаис**
- II. Купанье**
- III. Мими-собачка**
- IV. Кларнетист**
- V. Али**
- VI. Размышления Луки**
- VII. Начало повести**

АТЕНАИС.

Зовут красотку Апенáис,
И так бровей залом в́исок
над глазом, что посажен наис-
косок.

Задев за пуговицу пальчик,
недооткр́ив любви магнит,
перед ней зарозмаринил мальчик
и спит.

Острятся перламутром ушки,
плывут полого плечи вниз,
и волоски вокруг игрушки
взвились.

Покров румяно-перепончат,
подернут влагою слегка,
чего не кончил сон, — докончит
рука.

Его игрушку тронь-ка, тронька, —
и наливайся и дрожатъ,
ее рукой сожми пихонько
и гладь!

Ах, наяву игра и взвизги,
соперницы и взрослый «он», —
здесь — теплоты молочной брызги
и сон.

Но будь искусным пчеловодом
(забота ведь одна и та ж)
и губы — хочешь, свежим медом
помажь.

Мы нежности откроем школу,
широкий заведем диван,
где все — полулюбовь и полу-
обман.

1918.

КУПАЊЕ.

Ах, прелестны вы, малютки,
Как невинные зверьки!
Эти смехи, эти шутки
У проснувшейся реки!
Тут Адамы без штанишек,
Дальше Евы без кальсон,
И глядя на шалунишек,
Погружаюсь в детский сон.
Розовеются, круглеют
Загорелые тела
И в беспечности алеют,
Словно роза их зажгла.
Спины, брызги, руки, ноги,
Пена, пятка, ухо, бровь...
Без желанья, без тревоги
Караулит, вас любовь.
Надоумит, иль отправит, —
А отравы так стара! —
Но без промаха направит
Руку, глаз еі соетера.

Улетает вся забота
И легко, как никогда,
Занывает где то, что то
И милее чехарда.
Чью то шею, чью то спину...
Что? лизать, царапать, бить?..
В середину, в середину
Все ловчишься угодить.
Подвернулся вниз Егорка,
В грудь уперся крепкий лоб,
И расправя, смотришь зорко
В чей то зад, как в телескоп.
Любопытно и ужасно
И сладело — озорно,
И желанно, и бесстрастно
И грешно и не грешно.
Вот команда: враз мочиться;
Все поварищи в кружок!
У кого сильнее струится
И упруге хоботок.
Кувьркается, плавать, драться,
Тискать, шлепаться ныряя,
Снова плавать, кувьркается,
И опять, опять, опять!
Кто-то крикнет, кто то ахнет,
Кто то плещется рукой...
Небывало, странно пахнет,
Но не потом, не рекой.

Вейтесь, птвички! Клейтесь, почки!
Синева, синей, синей!
Розовые ангелочки,
Будьте проще голубей!
Да, пока топ сгег с топ сгег'ом
И с та сгег'ою та сгеге
Но не служит ли примером
Нам пленительный пример?
Вам, папаши, и мамыши,
Надо быть на стороже:
Ведь опасней игры наши
Всех куплетов Беранже.

1918.

МИМИ-СОБАЧКА.

Печаль, помедли, не поми,
Прошу я о простой подачке:
Готов завидовать Мими,
Пушистой, маленькой собачке
Пустее нету пустолайки,
Что лаеп, только подойдет,
Но не отходит от хозяйки,
Она ни вечером, ни днем.
Порой ее зовут, голубка,
Сокровище, «та chèге, та біше».
Из под хозяйской из под юбки
Ее ничем не соблазнишь.
И я б, поверьте мне, не вышел,
Урчал бы, дулся, словно уж,
Когда б подняв глаза повыше
Я видел розоватый душ,
Когда б голубоватым газом
Был занавешен свет в глазах,
И чувствовал себя я разом
Как пленник и как падишах;

И я, поверь, привстав на лапах,
Разширив ноздри, уши, рот,
Небесный обонял бы запах
И озира́л чудесный грот.
А ночью, взяв чепец небрежно,
Поправив в папилботках лоб,
Меня погладили бы нежно,
Произнеся чуть слышно «гоп!»
Поверьте, я б не промахнулся,
Нашел бы место, где лежатъ,
Где лег, уж там бы и проснулся,
Не обегал бы всю кровать.
Как твикался бы, как крутился,
Ворочался, ворчал, визжал,
А вам бы в это время снился
В мундире молодой нахал.
В испарине устали б оба.
Собачке слава прогреми:
Она до самого до гроба
Была вернейшей из Мими!

1918.

КЛАРНЕТИСТ

(Романс.)

Я возьму почтовый лист,
Напишу письмо с ответом:
«Кларнетист мой, кларнетист,
Приходи ко мне с кларнетом.
Чернобров пых и румян,
С поволокой томной око,
И когда не очень пьян,
Разговорчив, как сорока,
Никого я не впущу.
Мой веселый, милый кролик.
Занавесочку спущу,
Передвину к печке столик.

Упоительный момент!
Не обмолвлюсь словом грубым...
Мил мне очень инструмент
С замечательным раструбом!
За кларнетом я слежу,
Чтобы слиться в каватине
И рукою провожу
По открытой окарине.

1918.

А Л И.

Не так ложишься, мой Али,
Какие женские привычки!
Люблю лопаток миндали
Через бисерный перемычки,
Чтоб расширялася спина
В два полушария округлых
Где дверь запретная видна
Пленительно в долинах смуглых.
Коралловый дрожит бугор,
Как ноздри скакуна степного
И мой неотомимый взор
Не ищет зрелища другого,
О, свет зари! О, розы дух!
Звезда вечерних вождений!
Как нежен юношеский пух
Там, на истоке разделений!

Когда-б я смел, когда-б я мог,
О, враг, о, шах мой, свитсья в схватке,
И сладко погрузить клинок
До самой, самой рукоятки!
Вонзить и долго так держать,
Сгорая страстью и отвагой,
Не вынимая, вновь вонзать
И истекать любовной влагой!
Разлился соловей вдали,
Порхают золотые птички!
Ложись спиною вверх, Али,
Отбросив женские привычки!

1918

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЛУКИ.

Сосед Лука сидел преважно,
А член его дЫбился дó стола
И думалось ему отважно:
«Чем хуже я Петра Апостола?
Ему вручен был ключ от рая
(Поглажу, ну-ка, против шерсти я)
А разве я не проникаю
В любое дамское отверстие?
И распахну легко калитку
Из самых даже нерасшатанных:
Монахиню, израелитку,
В роскошных плапвях, иль заплапанных .
Раз! опрокину на скамейку,
Под юбкою рукой пощупаю,
И рай открытъ легко злодейку
Я научу (пусть даже глупую).

Не спору: член мой крепколобый
Покуда — все мое имущество,
Но пусть грозит апостол злобой,
Пред ним имею преимущество.
Ведь мокрый рай, признаться надо,
Пленяет только первой целостью,
А я, Лука, в песнины ада
Гопюв пуститься с той же смелостью.
От двух дверей мой ключ железный
(Прилично-ль пояснять примерами?)
И в путь второй, равно любезный,
Отправлюсь даже с кавалерами.»

1918

НАЧАЛО ПОВЕСТИ.

Я не знаю: блядь-ли, сваха-ль
Тут насупротив живет,
Каждый вечер ходит хахаль:
В пять придет, а в семь уйдет.
Летом в городе так скучно
И не спится до зари,
Смотришь в окна равнодушно,
Как ползут золотари,
Прогремиш вдали пролетка,
Просвисшиш городской —
Снова пихо... рядом шепка
Дрыхнеш тушей неживой.
В головах коптит лампадка
И в окно несетя вонь...
Молодой вдовой не сладко
Жить, уж как ты ни резонь.

Тетка прежде посылала
Мне и Мить, и Вань, и Вась,
Но вдовство я соблюдала,
Ни с которым не еблась.
Так жестоко и сурово
Целых восемь лет жила,
До того была здорова,
Что из носа кровь пошла,
Раздобрела, ела сытно,
Но, толкни меня пострел,
Страсть, как стала любопытна
До чужих любовных дел.
Где по-вдови промолчать-бы,
Тут и разберет меня:
Где метрески, или свадьбы,
Или просто так ебня.
Что уж там ни говорите,
А огонь в крови кипит!
Поп твердит: «могий вместити,
Топ, мол, девство да вместит.»
Но такого уложенья
Не возьму никак я в толк:
При моем телосложеньи
Я вescu хоть целый полк!»

М. КУЗМИН

**НЕЗДЕШНИЕ
ВЕЧЕРА**

1 9 2 3

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

**НЕЗДЕШНИЕ
ВЕЧЕРА**

О, нездешние
Вечера!
Злато-вешняя
Зорь пора!
В бездорожьях
Звезды Божьи,
Ах, утешнее,
Чем вчера.

Все кончается,
Позабудь!
Уж качается
Сонно муть.
Ропот спора...
Скоро, скоро
Увенчается
Розой грудь.

Сладко просится
В сердце боль —
В небо броситься
Нам дозволя!
Легким шагом
По оврагам
Благоносица
Божьих воль.

Божья клироса
Дрогнет зверь.
Все открылося,
Друг, поверь.
Вдруг узнали
(Ты-ли, я-ли):
Не закрылася
Счастья дверь.

1919

I

ЛОДКА В НЕБЕ

Я встречу с легким удивленьем
Нежданной старости зарю.
Ужель чужим огнем горю?
Волнуюсь я чужим волненьем?
Стою на тихом берегу,
Далек от радостного бою,
Следя лишь за одним тобою,
Твой мир и славу берегу.
Теперь и пенного Россини
По новому впиваю вновь
И вижу только чрез любовь,
Что небеса так детски сини.
Бывало, плача и шутя,
Я знал любовь слепой резвушкай,
Теперь же в чепчике, старушкой,
Она лишь пестует дитя.

1915

Весны я никак не встретил,
А ждал, что она придет.
Я даже не заметил,
Как вскрылся лед.
Комендантский катер с флагом
Разрежет свежую гладь,
Пойдут разнеженным шагом
В сады желать.
Стало сразу светло и пусто,
Как в поминальный день.
Наползает сонно и густо
Тревожная лень.
Мне с каждым утром противней
Заученный, мертвый стих...
Дождусь ли весенних ливней
Из глаз твоих!?

1915

Как месяц молодой повис
Над освещенными домами!
Как явственно стекает вниз
Прозрачность теплыми волнами!
Какой пример, какой урок
(Весной залога сердце просит)
Твой золотисто-нежный рог
С небес зеленых нам приносит?
Я трепетному языку
Учуся апрельскою порою.
Разноречивую тоску,
Клянусь, о, месяц, в сердце скрою!
Прозрачным быть, гореть, манить
И обещать, не обещая,
Вести расчисленную нить,
На бледных пажитях мерцай!

1915

Ведь это из Гейне что-то —
А Гейне я не люблю.
Твой шопот, полудремота
Весенняя, я ловлю.

Во Франкфурте, что на Майне,
Серебряный, теплый денек, —
Обречен я сладкой тайне
И свято ее сберег.

Зовут Вас фрейлейн Ревекка,
А может быть, фрау Рахиль.
Про Вас говорили от века
Песни, картина ль, стихи ль.

Увижу ль хоть край одежды?
Откроется ль новый мир?
Поэту так мало надежды:
Отец Ваш — важный банкир. —

На крыши надменных зданий,
Дождик, слезы пролей!
Из всех прощенных страданий
Страданья любви — светлей.

Разбукетилось небо к вечеру,
Замерзло окно...
Не надо весеннего ветра,
Мне и так хорошо.

Может быть, все разрушилось,
Не будет никогда ничего...
Треск фитиля слушай,
Еще не темно...

Не на веки душа замуравлена —
Разве зима — смерть?
Алым ударит в ставни
Страстной четверг!

1917

Равве звуки могут исчезнуть,
Или как теплая капля испариться?
В какой же небесной бездне
Голос Ваш должен отразиться?
Может быть и радуга стоит на небе
Оттого, что Вы меня во сне видали!
Может быть, в простом ежедневном хлебе
Я узнаю, что Вы меня целовали.
Когда душа становится полноводной,
Она вся трепещет, чуть ее тронь.
И жизнь мне кажется светлой и свободной,
Когда я чувствую в своей ладони Вашу ладонь.

1916

У всех одинаково бьется,
Но разное у всех живет,
Сердце, сердце, придется
Вести тебе с небом счет.
Что значит: „сердечные муки“?
Что значит: „любви восторг“?
Звуки, звуки, звуки
Из воздуха воздух исторг.
Какой же гений налепит
На слово точный ярлык?
Только слух наш в слове „трепет“
Какой то трепет ловить привык.
Любовь сама вырастает,
Как дитя, как милый цветок
И часто забывает
Про маленький, мутный исток.
Не следил ее перемены—
И вдруг . . . о, Боже мой,
Совсем другие стены,
Когда я пришел домой!

Где бег коня без уздечки?
Капризных бровей залом?
Как от милой, детской печки,
Веет родным теплом.
Широки и спокойны струи,
Как судоходный Дунай!
Про те, про те поцелуи
Лучше не вспоминай.
Я солнце предпочитаю
Зайчику мерклых зеркал,
Как Саул, я нашел и знаю
Царство, что не искал!
Спокойно ль? Ну да, спокойно.
Тепло ли? Ну да, тепло.
Мудрое сердце достойно,
Верное сердце светло.
Зачем же я весь холодею,
Когда Вас увижу вдруг,
И то, что выразить смею,—
Лишь рожденный воздухом звук?

1917

НОВОЛУНЬЕ

Мы плакали, когда луна рождалась,
Слезами серебристый лик омыли,—
И сердце горестно и смутно жжалось.

И в самом деле, милый друг, не мы ли
Читали в старом соннике приметы
И с детства суеверий не забыли?

Мы наблюдаем вещие предметы,
А серебро пророчит всем печали,
Всем говорит, что песни счастья спеты.

Не лучше ли, поплакавши вначале,
Принять как добрый знак, что милой ссорой
Мы месяц молодой с тобой встречали?

То с неба послан светлый дождь, который
Наперекор пророческой шептунье
Твердит, что месяц будет легкий, спорый,

Когда луна омылась в новолунье.

1916

Успокоительной прохладой
Уж веют быстрые года.
Теперь, душа, чего нам надо?
Зачем же ббешбся, как всегда?

Куда летят твои желанья?
Что знаешь, что забыла ты?
Зовут тебя воспоминанья,
Иль новые влекут мечты?

На зеленб пажитей небесных
Смотрю сквозь льдистое стекло.
Нечаянностей нет прелестных,
К которым некогда влекло.

О, солнце, ты ведб не устало . . .
Подольше свет на землю лей.
Как пламя прежде клокотало!
Теперь ровнее и теплей.

Тепло волнами подымаясь,
Так радостно крылит мне грудь,—
Что благодарно удивляясь,
Боюсь на грудь свою взглянуть.

Все кажется, что вот наружу
Воочию зардеет ток,
Как рдеет в утреннюю стужу
Зимою русскою восток.

Еще волна, еще румянец . . .
Раскройся грудь! Сияй, сияй!
О, теплых роз святой багрянец,
Спокойный и тревожный рай!

1916

По прежнему воздух душист и прост,
По прежнему в небе повешен мост,
Когда же кончится постылый пост?

Когда же по прежнему пойдем домой?
Когда успокоимся, милый мой?
Как жались мы тесно жалкой зимой!

Как стыла и ныла покорная кровь!
Как удивленно хмурилась бровь!
И теплилась только наша любовь.

Только и есть теперь одни мечты,
Только и есть теперь Бог, да ты,
Да маленький месяц с желтой высоты.

Месяц квадратит книги, да пол,
Ты улыбнешься, опершись на стол...
Какую сладкую пустыню я нашел!

1920

Это все про настоящее, дружок,
Про теперешнее время говорю.
С неба свесился охотничий рожок,
У окна я, что на угольях горю, —
Посмотреть бы на китайскую зарю,
Выйти вместе на росистый на лужок,
Чтобы ветер свежий щеки нам обжег!

Медью блещет океанский пароход.
Край далекий, новых путников встречай!
Муравейником черно кишит народ,
В фонарях пестрит диковинный Шанхай.
Янтареет в завитках душистых чай . . .
Розу неба чертит ласточек полет,
Хрусталем дрожит дорожный table d'hôte.

Тучкой перистою плаваются мечты,
Неподвижные, воздушны и легки,
В тонком золоте дрожащей высоты,
Словно заводи болотистой реки. —
Теплота святой, невидимой руки
Из приснившейся ведет нас пустоты
К странным пристаням, где живы я, да ты.

1920

СМЕРТЬ

В крещенски голубую прорубь
Мелькнул души молочный голубь.

Взволненный, долгий сердца вздох,
Его поймать успел ли Бог?

Испуганною трясогузкой
Прорыв перелетаю узкий.

Своей шарахнусь черноты . . .
Верчу глазами: где же ты?

Зовет бывалое влеченье,
Труда тяжеле облегченье.

В летучем, без теней, огне
Пустынно и привольно мне!

1917

Унылый дух от'иди!
Ты, праздность, улетай!
И в здешней Фиваиде
Найдем утешный край.

„Вы — дети не изгнанья!“
Прокликал Параклит
И радостное зданье
Построить нам велит.

Пологие ступени
К прозрачным воротам.
Внизу что значат тени,
Узнаешь зорко „там“.

И зори, и зарницы, —
Предвосхищенья слав, —
Зачем же сумрак снится,
Сиянье отослав?

Легчи мне душу, Отче,
И окрыли персты:
Ведь я же — Божий зодчий,
Как приказал мне ты.

1916

II

ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий,
На желтом небе золотой вулкан.
Как блюдечко природу странно узит!
Но новый трепет мелкой рябью дан.
Как облаков продолжных паутинки
Пронзает солнце с муравьиный глаз,
А птицы-рыбы, черные чайники,
Чертят лазури зыблемый топаз!
Весенний мир вместится в малом мире:
Запахнут миндали, затрубит рог,
И весь залив, хоть будь он вдвое шире,
Фарфоровый обнимет ободок.
Но ветка неожиданной мимозы,
Рассекши небеса, легла на них, —
Так на страницах философской прозы
Порою заблестит влюбленный стих.

1917

Далеки от родного шума
Песчинки на башмаках.
Фиалки в петлице у грума
Пахнут о дальних лугах.

И в стриженной пыльной аллее,
Вспоминая о волбном дне,
Все предсмертнее, все нежнее
Лиловеют на синем сукне.

1914

Тени косыми углами
Побежали на острова,
Пахнет плохими духами
Скошѣнная трава.

Жар был с утра неистов,
День, отдуваясь, лег.
Компания лицеистов,
Две дамы и котелок.

Мелкая оспа пота —
В шею нельзя целовать.
Кому же кого охота
В жаркую звать кровать?

Тенор, толст и печален,
Вздыхает: „я ждать устал“!
Над крышей дырявых купален
Простенѣкий месяц встал.

1914

Расцвели на зонтиках розы,
А пахнут они „foi agôte“ . . .
В такой день стихов от прозы
Мы, право, не разберем.
Синий, как хвост павлина,
Шелковый медлит жакет
И с мостика вся долина —
Королевски-сельский паркет.
Удивленно обижены пчелы,
Щегленок и чиж пристыжен,
И вторят рулады фонолы
Флиртовому поветрию жен.
На теннисе лишь рубашки
Мелко белеют вскачб,
Будто лилии и ромашки
Невидный бросают мяч.

1914

Всю тину вод приподнял сад,
Как логовище бегемота,
И летаргический каскад
Чуть каплет в глохлые болота.
Расставя лапы в небо, ель
Картонно ветра ждет, но даром!
Закатно-розовый кисель
Ползет по торфяным угарам.
Лягушке лень профлейтить „квак“,
Лишь грузно шлепается в лужу
И не представить мне никак
Вот тут рождественскую стужу.
Не наше небо . . . нет. Иду
Сквозь сетку липких паутинок . . .
Всю эту мертвую страду
И солнце, как жерло в аду,
Индуc в буддическом бреду
Придумал, а не русский инок!

1914

ПЕЙЗАЖ ГОГЭНА

(ВТОРОЙ)

Тягостен вечер в Июле,
Млеет морская медь . . .
Красное дно кастрюли,
Полно тебе блестеть!
Спряталась паучиха.
Облако складки мнет.
Песок золотится тихо,
Словно застывший мед.
Винно-лиловые грозди
Спустит небес лоза.
В выси мохнатые гвозди
Нам просверлят глаза.
Густо алеют губы,
Целуют, что овода.
Хрипы пастушьи трубы,
Блеют в разброд стада.

Скатилась звезда лилово . . .
В траве стрекозиный гром.
Все для любви готово,
Грузно качнулся паром.

1916

АНТИЧНАЯ ПЕЧАЛЬ

Смолистый запах загородью тесен,
В заливе сгинул зеленистый рог,
И так задумчиво тяжеловесен
В морские норы nereид нырок!
Назойливо сладкая фиалка
Свой запах тычет, как слепец костыль,
И волны полые лениво-валко
Переливают в пустоту бутыль.
Чернильных рощ в лакричном небе ровно
Ряды унылые во сне задумались.
Сова в дупле протяжно воет, словно
Взгрустнулось грекам о чухонском Юмале.

1917

МОРЕХОД НА СУШЕ

Курятся, крутят рошб отроги,
Синеются в сиянби дня,
И стрелы летнего огня
Так упоительно не строги!
Прозрачно розовеют пятки
Проворных нимф на небесах.
В курчавых скрытые лесах,
Кукушки заиграли в прятки.
И только снится иногда
Шатанбе накрененных палуб:
Ведь путевых не надо жалоб,
Коль суша под ногой тверда.

1917

БЕЛАЯ НОЧЬ

Загоризонтное светило
И звуков звучное отсутствие
Зеркальной зеленью пронзило
Остекляненное предчувствие.
И дремлет медленная воля, —
Секунды навсегда отстукала —
Небесно-палевое поле —
Подземного приемник купола,
Глядит, невидящее око,
В стоячем и прозрачном мреяньи.
И только за небом, высоко,
Дрожит эфирной жизни веянье.

1917

ПЕРСИДСКИЙ ВЕЧЕР

Смотрю на зимние горы я:
Как простые столы они просты.
Разостлались ало-золотоперые
По небу заревые хвосты.
Взлетишь стада фазаньего,
Хорасанских, шахских охот!
Бог дает, — примем же дань Его,
Как принимаем и день забот.
Не плачь о тленном величии,
Ширь глаза на шелковый блеск.
Все трещотки и трубы птичьи
Перецокает соловьиный треск!

1917

ХОДОВЕЦКИЙ

Наверно, нежный Ходовецкий
Гравировал мои мечты:
И этот сад полунемецкий,
И сельский дом, немного детский,
И барбарисные кусты.

Пролился дождь; воздушны мысли.
Из окон рокот ровных гамм.
Душа стремится (вдаль-ли? ввысь-ли?)
А капли на листьях повисли
И по карнизу птичий гам.

Гроза стихает за холмами,
Ей отвечает в роще рог,
И дядя с круглыми очками
Уж наклоняет над цветами,
В цветах невиданных шлафрок.

И радуга, и мост, и всадник, —
Все видится мне без конца:
Как блещет мокрый палисадник,
Как ловит на лугу лошатник
Отбившегося жеребца.

Кто приезжает? кто отбудет?
Но мальчик вышел на крыльцо.
Об ужине он позабудет,
А теплый ветер долго будет
Ласкать открытое лицо.

1916

III
ДНИ И ЛИЦА

ПУШКИН

Он жив! у всех душа нетленна,
Но он особенно живет!
Благоговейно и блаженно
Вкушаем вечной жизни мед.
Пленительны и полнозвучны,
Текут родимые слова...
Как наши выдумки докучны
И новизна как не нова!
Но в совершенства хладный камень,
Его черты нельзя замкнуть:
Бежит, горя, летучий пламень,
Взволнованно вздымая грудь.
Он — жрец и он веселый малый,
Пророк и страстный человек,
Но в смене чувства небывалой
К одной черте направлен бег.
Москва и лик Петра победный,
Деревня, Моцарт и Жуан,

И мрачный Герман, Всадник Медный
И наше солнце, наш туман!
Романтик, классик, старый, новый?
Он — Пушкин и бессмертен он!
К чему же школьные оковы
Тому, кто сам себе закон?
Из стран, откуда нет возврата,
Через года он бросил мост,
И если в нем признаем брата,
Он не обидится: он — прост
И он живой. Живая шутка
Живит арапские уста,
И смех, и звон, и прибаутка
Влекут в бывалые места.
Так полон голос милой жизни,
Такою прелестью живим,
Что слышим мы в печальной тризне
Дыханбе светлых именин.

1921

ГЕТЕ

Я не брошу метафоре:
„Ты — выдумка дикаря Патагонца“,
Когда на памяти, в придворном шлафоре
По Веймару разгуливало солнце.
Лучи свои спрятало в лысину
И скромно назвалось Geheimrath'ом,
Но ведь из сердца не выкинуть,
Что он был лучезарным и великим братом.
Кому же и быть тайным советником,
Как не старому Вольфгангу Гете?
Спрятавшись за орешником,
На него почтительно указывают дети.
Конечно, слабость: старческий розариум,
Под семидесятилетним плащом Лизетта,
Но все настоящее в немецкой жизни — лишь,
комментарий,
Может быть, к одной только строке поэта.

1916

ЛЕРМОНТОВУ

С одной мечтой в упрямом взоре,
На Божьем свете не жилец,
Ты сам — и Демон, и Печорин,
И беглый, горестный чернец.

Ты с малых лет стоял у двери,
Твердя: „нет, нет, я уйду.“
Стремясь и к первобытной вере
И к романтичному ножу.

К земле и людям равнодушен,
Привязан к выбранной судьбе,
Одной тоске своей послушен,
Ты миру чужд, и мир — тебе.

Ты страсть мечтал необычайной,
Но ах, как прост о ней рассказ!
Пленился ты Кавказа тайной, —
Могилой стал тебе Кавказ.

И Божьи радости мелькнули,
Как сон, как снежная мятель...
Ты выбираешь — что? две пули,
Да пошловатую дуэль.

Поклонник демонского жара,
Ты детский вызов слал Творцу.
Россия, милая Тамара,
Не верь печальному певцу.

В лазури бледной он узнает,
Что был лишь начат долгий путь.
Ведь часто и дитя кусает
Кормящую его же грудь.

1916

САПУНОВУ

Храня так весело, так волбно
Закон святого ремесла,
Ты плыл бездумно, плыл безболбно,
Куда судьба тебя несла.

Не знал, другая цель нужна ли,
Как ярче сделать завиток,
Но за тебя другие знали,
Как скромный жребий твой высок.

Всегда веселое горенбе
И строгость праздного мазка,
То в пестроте уединенья,
То в грусти шумной кабака.

Всегда готов, под мышки ящик,
Дворец раскрасить, иль подвал,
Пока иной, без слов, заказчик
От нас тебя не отозвал.

Наверно знал ты, не гадая,
Какой отмечен ты судьбой,
Что нестерпимо голубая
Кулиса красилась тобой.

Сказал: „я не умею плавать“
И вот отплыл плохой пловец
Туда, где уж сплетала слава
Тебе лазоревый венец.

1914

Т. П. КАРСАВИНОЙ

Пол неба в улице далекой
Болото зорь заволокло,
Лишь конькобежец одинокий
Чертит озерное стекло.
Капризы беглые зигзаги:
Еще полет, один, другой...
Как острием алмазной шпаги
Прорезан вензель дорогой.
В холодном зареве, не так ли,
И Вы ведете свой узор,
Когда в блистательном спектакле
У Ваших ног — малейший взор?
Вы — Колумбина, Саломея,
Вы каждый раз уже не та,
Но все яснее пламенея,
Златится слово „красота“.

1914

„ШВЕДСКИЕ ПЕРЧАТКИ“

Картины, лица — бегло-кратки,
Влюбленный вздох, не страстный крик,
Лишь запах замшевой перчатки,
Да на футбольной на площадке
Полу дитя, полу старик.

Как запах городских акаций
Напомнит странно дальний луг,
Так между пыльных декораций
Мелькнет нам дядя Бонифаций,
Как неизменный, детский друг.

Пусть веет пудрой по уборным
(О, дядя мудрый, не покинь!)
Но с послушаньем непокорным
Ты улыбнешься самым вздорным
Из кукольнейших героинь.

И надо всем, как ветер Вильны,
Лукавства вешнего полет.
Протрелит смех не слишком сильно
И на реснице вдруг умильно
Слеза веселая блеснет.

А. М. Кожебаткину

IV

СВ. ГЕОРГИЙ

(КАНТАТА)

Пеной
Персеев конь
у плоских приморий
белеет, взмылясь...
Георгий!

Слепя, взлетает
облаком снежным,
окрылив Гермесов петаз
и медяные ноги...
Георгий!

Гаргарийских гор эхо
Адонийски вторит
серебра ударам,
чешуй победитель,
Георгий!

Мытсья ли вышла царева дочь?
мытть ли белбе, портомоя странная?
В небе янтарном вздыбилась ночь.
Загородь с моря плывет туманная.

Как же окованной мытть порты?
Цепи тягчат твое тело нежное...
В гулком безлюдьи морской черноты
Плачет царица, что чайка снежная.

— Прощай, отец родимый,
прощай, родная мать!
По зелени любимой
мне не дано гулять!

И облака на небе
не буду я следить:
мне выпал горький жребий —
за город смерть вкусить.

Девичьего укора
не слышатъ никогда.
Вкушу, вторая Кора,
гранатова плода.

Рожденью Прозерпины
весною дан возврат,
а я, не зная кончины,
схожу в печальный ад!

Боги, во сне ли?
Мерзкий
выползок бездны на плоской мели,
мирней
свернувшейся рыбы
блестит в полумраке чешуйшатою глыбой
змей...
Сонная слюна
медленным ядом
синее меж редких зубов.
Мягким, сетчатым задом
подымая бескостный хребет,
ползет,
словно оставаясь на месте,
к обреченной невесте.
Руки прикрыть не могут стыд,
стоит,
не в силах охватить...
По гаду похоть,
не спеша, как обруч,
проталкивается от головы к хвосту.
Золотой разметался волос,
испуганный голос
по девьи звенит в темноту:
— Ты думаешь: я — Пасифая,
любовница чудищ?
Я — простая
девушка, не знавшая мужьего ложа,

почти без имени,
даже не Андромеда!
Ну что же!
Жри меня, —
жалкая в том победа! —
Смерть разжалобить трудно,
царевна, даже Орфею,
а слова непонятны и чудны
змею,
как саранче паруса.
Напрасно твоя коса
золотом мреет,
розою щеки млеют
и забыла гвоздика свои лепестки
на выгибе девьих уст, —
гибель,
костный хруст,
пакостной мякоти чавканье,
(ненавистный, думаешь, брак?)
сопенье, хрип и храп,
пенной вонь слюны,
зубов щелк,
и гибель, гибель, гибель
волочет тебе враг!
Вислое брюхо сосцато
поднялось...
— Ослепите, ослепите,
боги, меня!

Обратно возьмите
ужасный разум!
Где вы? где вы?
где ты, Персей?
Спите?
Не слышите бедной девы?!
Нагая, одна,
скована...
Разите разом,
топором,
как овна.
Скорей,
Зевс,
гром!!!
Пепели, пепели!
Как Семела,
пуская пылаю,
но не так
подло,
беззащитно,
одиоко,
как скот,
дохну!!! —

Мягко на грудь вскочила жаба
лягушечьи-нежная гада лапа...
Пасти вихрь свистный
близкой спицей

колет ухо...
Молчит, нос отвернув
Дальше от брюха.
— В вечернем небе широкая птица
реет, — верно, орел. —
Между ног бесстыдно и склизко
пополз к спине хвост...

— О-о-о!!!
Богов нет!
Богинь нет!
(Камнем эхо — „нет!“)
Кто-нибудь, кто-нибудь!
Небо, море,
Хлыньте, прикройте!
Горе!
Не дайте зверю!
Гад, гад, гад!
Проснитесь!
Слушай, орел, —
свидетель единственный, —
я верю (гибель — залогом)
верю:
спустится витязь
таинственный,
он же меня спасет.
Молюсь тебе, неведомый,
зову тебя, незнаемый,

спаси меня, трисолнечный,
моря белого белый конник!!!
Алилуйя, алилуйя,
помилуй мя. —

Глаза завела,
замерла
предсмертно и горько.
Жилы — что струны.
Вдруг
остановился ползучий холод
— Откраснела за мысом зорька —
Смерть?
Снова алеет твердь...
(Сердце, как молот,
кузнечным мехом: —
тук!)
разгорается свет
сверху, не с горизонта,
сильней, скоро брызнет
смехом.
Свету навстречу встает другая пена понта...
Жизни...
отлетавшей жизни вестник? —
Герой моленый?
Змей, деву оставив, пыхает на небо...
Смотрят оба,
как из мокрого гроба.
Серебряной тучей

трубчатый хвост
закрывает янтарное небо
(золотые павлины!)
наверху раскинулись задние ноги,
внизу копья длинная искра...
быстро,
кометой,
пущенной с небесной горы,
алмазной лавиной...
шесть ног,
грива,
хвост, шлем,
отрочий лик,
одежды складки
с шумом голубино-сладким
прядают, прядают!..
Четыре копыта прямо врылись в песок.
Всадник встал в стременах, юн и высок.

На месте пустом,
на небесное глядя тело
(веря, не верит,
не веря, верит)
пророчески руки раскинув крестом,
онемела.

Ржанбе — бою труба!
золотой облак

закрывает глаза,
иногда разверзаясь молнией, —
уши наполнены
свистом, хрипом,
сопением диким,
ржаньем, бряцаньем,
лязгом.

Трёмбово, трёмбово
тарабанит копытом конь —
Тра-ра —
комкает, комкает
узорной узды узел...
Тра-ра!

Стрел
лет —
глаз
взгляд.
Радугой реет радостный рай
Трубит ангел в рожок тра-рай!
И вот,
словно вдребезги разбили
все цепочки, подвески, звезды
стеклянные, золотые, медные
на рясном кадиле, —
последний треск, —
треснула бездна,

лопнуло небо,
и ящер
отвалился, шатаясь,
и набок лег спокойно,
как мирно почивший пращур.

— Не светлый ли облак тебя принес? —
— Меня прислал Господь Христос,

Послал Христос, тебя любя. —
— Неужели Христос прекрасней тебя? —

— Всего на свете прекрасней Христос,
И Божий цвет — душистее роз. —

— Там я — твоя Гайя, где ты — мой Гай,
В твой сокровенный пойду я рай! —

— Там ты — моя Гайя, где я — твой Гай,
В мой сокровенный вниди рай! —

— Глаза твои, милый, — солнца мечи,
Святой науке меня учи!

— Верной вере откройся ухо,
Во имя Отца и Сына и Святого Духа! —

— Верной вере открыто ухо
Во имя Отца и Сына и Святого Духа! —

— Чистые души — Господу да'б.
Царевна сладчайшая, невестой встань! —

— Бедная дева, верой слаба,
Вечно буду тебе раба! —

Светлое, трисолнечного света зеркало,
Ты, в котором благодать промерцала,
Белый Георгий!

Чудищ морских вечный победитель,
Пленников бедных освободитель,
Белый Георгий!

Сладчайший Георгий,
Победительнейший Георгий,
Краснейший Георгий,
Слава тебе!

Троице Святой слава,
Богородице Непорочной слава,
Святому Георгию слава
И царевне присновоспоминаемой слава.

1917

V

СОФИЯ

**ГНОСТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(1917—1918)**

СОФИЯ

В золоченой утлой лодке
По зеленому пространству,
По лазури изумрудной
Я ждала желанных странствий.
И шафранно-алый парус
Я поставила по ветру,
У кормы я прикрепила
Вешний пух пушистой вербы.
На расплавленном просторе —
Благостно и светозарно,
Но одна я в легкой лодке:
Сестры, братья — все попарно.
На престоле семистолбном
Я, как яхонт, пламенела
И хотенбем бесхотенным
О Тебе, Христос, хотела!
Говорила: „беззаконно
Заковать законом душу,
Самовольно ли, невольню-ль,
А запрет любви нарушу!“

Расковались, оборвались
Златокованны цепочки . . .
Неужель, Отец, не вспомнишь
О своей любимой дочке?
Солнце вверх летит, что мячик . . .
Сердцем быстрым холодею . . .
Ниже, ниже . . . видны горы . . .
Тяжелею, тяжелею . . .
Прорасту теперь травую,
Запою водой нагорной,
И немеркнувшее тело
Омрачу землею черной.
Вот, дышу, жених, и помню
Про селения благие,
Я, распятая невеста,
А зовут меня — София!

БАЗИЛИД

Даже лошади стали мне слонов огромней!
Чепраки ассирийские давят
Вспененных боков ущелья,
Ужасен зубов оскал! . . .
И ливийских солдат веселбе,
Что трубой и горлами вождя славят,
Тяжело мне,
Как груз сплюснутых скал.
Я знаю, что был Гомер,
Елена и павшая Троя.
Герои
Жрали и дрались
И по радуге боги спускались . . .
Муза, музища
Плоской ступней шагала,
Говоря во все горло . . .
Милая Музенька
Пальчиком стерла
Допотопные начала.

Солнце, ты не гори:
Это ужасно грубо,
— Только зари, зари —
Шепчут пересохшие губы, —
Осенней зари полоской узенькой!

Сегодня странный день.
Конечно, я чужд суеверий,
Но эта лиловая тень,
Эти запертые двери!
Куда деваться от зноя?
Я бы себя утопил . . .
(Смерть Антиноя!)
Но ужасно далеко Нил.
Здесь в саду
Вырыть прудок!
Будет не очень глубок,
Но я к нему приду.
Загородиться ото всего стеною!
Жизнь, как легкий из ноздрей дымок,
Голубок,
Вдали мелькнувший.
Неужели так и скажут: „умер“?
Я никогда не думал,
Что улыбку променяю на смех и плач.
Мне противны даже дети,
Что слишком шумно бросают мяч.

Я не боролся,
Был слаб,
Мои руки — плети,
Как неграмотный раб
Слушал набор напыщенных междометий.
И вдруг
Мимо воли, мимо желаний,
Разверзся невиданных зданий
Светозарный ряд,
Из бледности пламя исторг.
Глашатаем стал бородатый бродяга,
И знание выше знаний,
Чище любви любовь,
Сила силы сильнейшая,
Восторг, —
Как шар,
Кругло, круто,
Кричаще, кипяще
Кудесно меня наполнили.

Эон, Эон, Плэрома,
Плэрома — Полнота,
До домного до дома,
До тронного до трона,
До звона, громозвона
Ширяй, души душа!
Сила! Сила! Сила!
Напряженные мышцы плети!

Громче кричите, дети,
Красный бросая мяч!
Узнал я и смех и плач!
Что Гомер?
Сильней лошадей, солдат, солнца, смерти
и Нила, —

Семинебесных сфер
Кристалльная гармония меня оглушила.

Тимпан, воркуй!
Труба, играй!
Вой, бей!
Вихрь голубей!
Орлов клекот!
Стон лебедей!
Дух, рей,
вей, вей,
Дверей
Райских рай!
Рай, рай!

В руке у меня был полированный камень,
Из него струился кровавый пламень,
И грубо было нацарапано слово: "Αβραξας.

ФАУСТИНА

Серебристым рыба махнула хвостом,
Звезда зажелтела в небе пустом —
О, Фаустина!

Все ближе маяк, темен и горд,
Все тише вода плещет об борт —
Тянется тина . . .

Отбившийся сел на руль мотылек . . .
Как день свиданья от нас далек!
Тень Палатина!

Ветром запах резеды принесло.
В розовых брызгах мое весло.
О, Фаустина!

УЧИТЕЛЬ

Разве по ристалищам бродят учителя?
Разве не живут они в безмятежной обители?
(Голубой, голубой хитон!)
Хотите ли воскресить меня, хотите ли
Убить, уста, что покой похитили?
(И никто не знает, откуда он.)

Мало ли прошло дней, много ли
С того, как его пальцы мои трогали?
(Голубой, голубой хитон!)
С каких пор мудрецы причесываются, как щеголи?
В желтом сиянии передо мной не дорога ли?
(И никто не знает, откуда он.)

Полированные приравняю ногти к ониксу —
Ах, с жемчужною этот ворот прднизью . . .
(Голубой, голубой хитон!)

Казалось, весь цирк сверху донизу
Навстречу новому вздрогнул Адонису.
(И никто не знает, откуда он.)

Из Вифинии донеслось дыхание,
Ангельские прошелестели лобзания.
Разве теперь весеннее солнцестояние?

ШАГИ

Твои шаги в затворенном саду
И голос горлицы загорной: „я приду!“
Прямые гряды гиацинтов сладки!
Но новый рой уже ищет новой матки,
И режет свежую пастух дуду.

В пророческом кружится дух бреда,
Кадилами священной лихорадки
И шелестят в воздушном вихре схватки
Твои шаги.

Так верится в томительном аду,
Что на пороге прах пустынь найду!
Полы порфирные зеркально гладки . . .
Несут все радуги и все разгадки
Созревшему, прозрачному плоду
Твои шаги.

МУЧЕНИК

Сумеречный, подозрительный час . . .
Двусмысленны все слова,
Круги плывут по воде! —
Не святой ли это рассказ?
Отчего же так горит голова,
Чуя „быть беде“!
Варварское и нежное имя, —
Я не слышал такого . . .
Оно пахнет медом и хлебом . . .
В великом Риме
Не видали такого святого
Под апостольским небом!

РЫБА

Умилбно сидеть возле
Учительной руки!
— Рыбачат на плоском озере
Еврейские рыбаки.
Ползут облака снѣгово —
— Хлеба то взяли? Эй! —
Над заштопаннм неводом
Наклонился Андрей.
Читаем в затворенной комнате,
Сердце ждет чудес.
Вспомни, сынок, вспомни
Мелкий, песчаный лес.
Золотые полотнища спущены
(В сердце, в воде, в камыше?)
Чем рассудку темней и гуще,
Тем легче легкой душе.
Отчего в доме ветренно?
Отчего в ароматах соль?

Отчего, будто в час смертный,
Такая сладкая боль?
Ползут облака снѣгово . . .
По полотнищу вверх глянь, —
Играет серебряным неводом
Гольй Отрок, глаза — лань.
Наклоняется, подымается, бегаёт,
Круглится отрочески бедро.
Рядом — солнце, от жара белое,
Златодонное звонкое ведро.
Поймай, поймай! Благовестия
Самой немой из рыб.
Брошусь сам в твои сети я,
Воду веретенем взрыв!
Белое, снеговое сияние
Обвеваёт важно и шутя.
Ты мне брат, возлюбленный и няня,
Божественное Дитя.
Спадает с глаз короста,
Метелкой её отмести.
Неужели так детски просто
Душу свою спасти?
Все то же отцовское зало,
— Во сне ли, или грежу я? —
Мне на волосы с неба упала
Золотая, рыба чешуя.

ГЕРМЕС

Водителем душ, Гермесом,
Ты перестал мне казаться,
Распростились с болотистым адом
И стал ты юношей милым.
Сядем
Над желтым, вечерним Нилом.
Ныряет двурогий месяц
В сетке акаций.
Твои щеки нежно пушисты,
Не наглядится вдосталь!
— Чистым — все чисто, —
Помнишь, сказал Апостол?
В лугах заливных все темней,
Твой рот вишня, я — воробей.
 В твоих губах не эхо ли
 На каждый поцелуй?
 Все лодочки уехали,
 Мой милый, не тоскуй.

Все лодочки уехали
Туда, далеко, вдаль!
Одежда нам помеха ли?
Ужаль, ужаль, ужаль!
Но отчего этот синий свет?
Отчего этот знак на лбу?
Маленькие у ног трещоткой раскрылись крылья.
Где ты? здесь ли? нет?
Ужаса
Связал меня узел,
Напало бессилбе . . .
Снова дремлю в гробу . . .
Снова бледная лужица
(Выведи, выведи, водитель мой!)
Чахлый и томный лес . . .
(Ветер все лодки гонит домой)
Гермес, Гермес, Гермес!

Т. М. Персиц

VI

СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

(1919—1920)

ПЯТЬ

Веслом по прежнему причаль!
Не в Остии ли фонари?
Какая чахлая печаль
В разливах розовой зари!
А память сердцу все: „гори!“

Что ты, кормщик, смотришь с вышки?
Берег близок уж совсем.
Мы без карт и без систем
Все плывем без передышки.
Лишь предательские мышки
С обреченных прочь трирем.

Горит душа; горя, дрожит . . .
И ждет, что стукнет кто то в дверь
И луч зеленый побежит
Как и теперь, как и теперь . . .
А память шепчет: „друг, поверь.“

Лунный столб в воде дробится,
Пусто шарит по кустам . . .
Кто запекшимся устам
Из криницы даст напиток?
Пролетает грузно птица . . .
Мы увидимся лишь там! . . .

Я верю: день благословен!
Налей мне масла из лампад!
Какой молочный, сладкий плен!
О, мед несбывшихся услад!
А память мне: „Господень сад!“

Как болотисты равнины!
Вбьется пенбе вдалеке . . .
В вечной памяти реке
То поминки, иль крестины?
Слышу руку Фаустины
В помертвелой я руке . . .

Господень сад, великий Рим,
К тебе вернусь опять!
К тебе мы, странники, горим,
Горим себя распять! . . .
А эхо шепчет: „пять!“

ОЗЕРО НЕМИ

Занеридил ирис Неми,
Смарагдным градом прянет рай,
Но о надежде, не измене,
Зелено - серый серп, играй.

И словно лунный луч лукавы,
(Твой петел, Петр, еще не стих!)
Плывут гадательные славы
В пленительных полях твоих.

Сребристый стелет лен Селена
По влажным, топистым лугам . . .
Светло — болотистого плена
Тяжелый кружит финиам.

Под кипарисами бездомно
Белеют мрамором гроба.
„Италия!“ темно и томно
Поет далекая труба.

СНЫ

— Спишь ли? — Сплю; а ты? — Молчи!
— Что там видно с каланчи?
— Византийская парча
Ниспадает со плеча. —
— Слышишь? — Сквозь густую лень
Звонко белый ржет олень.
И зелена, и волна,
Мнет волокна льна волна!
— Видишь? — вижу: выпела
Нам мадонна привела.
Корабли, корабли
Из далекой из земли!
На высокое крыльцо
Покажи свое лицо.
Чтоб сподобиться венца,
Удостоиться конца,
Золотое брось кольцо.

СВ. МАРКО

Морское марево,
Золотое зарево,
Крась жарко
Узор глыб!
Святой Марко,
Святой Марко,
Пошли рыб!

ТРАЗИМЕНСКИЕ ТРОСТНИКИ

Затрепещут тразименские тростники, затрепещут
Как изменники,
Что болливую болтовню разболтали
У реки
О гибели прекрасной богини,
Не о смешной Мидасовых ушей тайне.
В стоячей тине
Они не знали,
Что румяная спит Фетида,
Не мертва, но покоится дремотно,
Ожидая золотого востока.
Мужественная дева воспрянет,
Протрет лавандовые очи,
Удивленно и зорко глянет
Сивиллой великого Буонаротта,
(Не напрасны были поруки!)

И озеро багряных поражений
Римскую медь воротит,
И трепетуны-тростники болтушки
Умолкнут
При возврате родимого солнца.

ВЕНЕЦИЯ

Обезьяна распостерла
Побрякушку над Ридотто,
Кристалличной сонатиной
Стонет дьявол из Казотта.
Синборина, что случилось?
Отчего вы так надуты?
Рассмешитесь: словно гуси,
Выступают две бауты.
Надушенные сонеты,
Мадригалы, триолеты,
Как из рога изобилья
Упадут к ногам Нинеты . . .
А Нинета в треуголке
С вырезным, лимонным' лифом —
Обещая и лукавая,
Смотрит выдуманным мифом.

Словно Тьеполо расплавил
Теплым облаком атласы...
На террасе Клеопатры
Золотеют ананасы.
Кофей стынет, тонкий месяц
В небе лодочкой ныряет,
Под стрекозьи серенады
Сердце легкое зевает.
Треск цехинов, смех проезжих,
Трепет свечки нагоревшей.
Не бренча стряхает полночь
Блестки с шали надоевшей.
Молоточки бьют часочки...
Нина — розочка, не роза...
И секретно, и любовно
Тараторит Чимароза.

ЭНЕИ

Нагая юность с зеркалом в руке
Зеленые заливы отражает,
Недвижной пикой змея поражает
Золотокудрый рыцарь вдалеке.
И медью пышат римские законы
В дымах прощальных пламенной Дидоны.

Какие пристани, Эней, Эней,
Найдешь ты взором пристально — прилежным
С каким товарищем, бродягой нежным,
Взмутишь голубизну седых морей?
Забудешь ты пылающую Трою,
И скажешь „город на крови построю“.

Всегда ограда — кровь, свобода — зверь.
Ты — властелин, так запасись уздою,
Железною ведешься ты звездой,
Но до конца звезде своей поверь.
Смотри, как просты и квадратны лица, —
Вскормила их в горах твоя волчица.

И обречен неколебимой доле,
Мечта бездомников — домашний гусь,
(Когда, о родичи, я к вам вернусь?)
Хранит новорожденный Капитолий.
Пожатые загрузбелых в битве рук
Сильней пурпурных с подписью порук.

Спинной хребет согнулся и ослаб
Над грудой чужеземного богатства, —
Воспоминание мужского братства
В глазах тиранов, юношей и пап.
И в распыленном золоте тумана
Звучит трубой лучистой: „Рах готана“.

АМУР И НЕВИННОСТЬ

(Аллегория со свадебного сундука)

- Невинность: Не учи в ручей подругу
Ловить радуги дугу!
По зеленому по лугу
Я бегу, бегу, бегу!
- Амур: Охотник, метко целю в дичь,
Стрелок крылатый я.
Откуда ты, куда бежишь, —
Ты все равно — моя.
- Невинность: Ты ль меня предашь испугу?
Не поддамся хвастуну.
Ты — стрелок, а я кольчугу —
Свои косы протяну.
- Амур: Бесцельно убегашь стрел.
Плетешь по детски речь.
Никто не мог, никто не смел
От стрел себя сберечь.

Невинность: Свой букварь забросил школьник,
Мух пугает по лесам.
Ах, как страшно, ах, как больно!
Не бежать ли вздумал сам?

Амур: Пряма стрела, натянут лук,
Кручена тетива.
Не убежишь желанных рук,
Помнется мурава.

Невинность: Мой младенец просит соски?
Подбородок не колюч.
Сундучка красивые доски,
Но прибрать — задача — ключ.

Амур: Замкнешь, — я отомкну замок,
Бежишь — я нагоню, —
Ведь снег противиться не мог
Весеннему огню.

Невинность: Оступилась, ах, упала!
Закружился луг пестро...
Сладко радугу поймала
В золоченое ведро.

АССИЗИ

Месяц молочный спустился так низко,
Словно рукой его можно достать.
Цветики милые братца Франциска,
Где же вам иначе расцветать?
Умбрия, матерь задумчивых далей,
Ангелы лучшей страны не видали.

В говоре птичьем — высокие вести,
В небе разводы павлинья пера.
Верится вновь вечеровой невесте
Тень Благовещенья в те вечера.
Лепет легчайший — Господне веленье —
Льется в разнеженном благоволеньи.

На ночь ларьки запирают торговцы,
Сонно трубит с холма пастух,
Блея, бредут запыленные овцы,
Розовый час, золотая, потух.
Тонко и редко поет колокольня:
„В небе привольнее, в небе безбольней.“

Сестры серебристые, быстрые реки,
В лодке зеленой сестрица луна,
Кто вас узнал, не забудет во веки, —
Вечным томлением душа полна.
Сердцу приснилось преддверие рая, —
Родина всем умиленным вторая!

РАВЕННА

Меж сосен сонная Равенна,
О, черный, золоченый сон!
Ты и блаженна, и нетленна,
Как византийский небосклон.
С вечерних гор, далекий звон
Благовестит „Благословенна.“

Зарница отшумевшей мощи,
Еле колеблемая медь,
Ты бережешь святыя мощи,
Чтоб дольше, дольше не мертветь,
И ветер медлит прошуметь
В раздолиях прибрежной рощи.

Изгнанница, открыла двери,
Дала изгнанникам приют,
И строфы Данте Алигьери
О славном времени поют,
Когда вились поверх кают
Аллегорические звери.

Восторженного патриота
Загробная вернет ли тень?
Забята пестрая забота,
Лениво проплывает день,
На побледневшую ступень
Легла прозрачная дремота.

Не умерли, но жить устали,
И ждет умолкнувший амвон,
Что пробудившихся Италий
Завееет вещей аквилон,
И строго ступят из икон
Аполлинарий и Виталий.

Мою любовь, мои томленья
В тебе мне легче вспоминать,
Пусть глубже, глуше что ни день я
В пучине должен утопать, —
К тебе, о золотая мать,
Прильну в минуту воскресенья!

ИТАЛИЯ

Ворожея зыбей зеленых,
О, первозданная краса,
В какую сеть твоя коса
Паломников влечет спасенных,
Вновь умиленных,
Вновь влюбленных
В твои былые чудеса?

Твой рокот заревой, сирена,
В янтарной роще Гесперид
Вновь мореходам говорит:
„Забудьте, други, козость тлена.
Вдали от плена
Лепечет пена
И золото богов горит.“

Ладья безвольная пристала
К костру неопалимых слав.
И пениться, струя, устав,
У ног богини замолчала.
Легко и ало
Вонзилось жало
Твоих пленительных отрав.

Ежеминутно умирая
Увижу ль, беглый Арион,
Твой важный и воздушный сон,
Италия, о мать вторая?
Внемлю я, тая,
Любовь святая,
Далеким зовам влажных лон.

Сонамбулически застыли
Полуоткрытые глаза...
— Гудит подземная гроза
И крылья сердца глухо взвыли, —
И вдруг: не ты ли?
В лазурной пыли —
Отяжеленная лоза.

VI
С Н Ы

А Д А М

В осеннем кабинете
Так пусто и бедно
И, радужно на свете
Дробясь, горит окно.
Под колпаком стеклянным
Игрушка там видна:
За ограждением странным
Мужчина и жена.
У них есть ручки, ножки,
Сосочки на груди,
Вокруг летают мошки,
Дубочек посреди.
Выводит свет, уводит
Пигмейская заря,
И голый франтик ходит
С осанкою царя.
Жена льняные косы,
Что куколка, плетет,
А бабочки и осы
Танцуют хоровод.
Из-за опушки козы
Подходят, не страшась,

И маленькие розы
Румяно вяжут вязь.
Тут, опершись на кочку,
Устало муж прилег,
А на стволе дубочка
Пред дамой — червячок.
Их разговор не слышен,
Но жар у ней в глазах, —
Вдруг золотист и пышен
Круглится плод в руках.
Готова на уступки...
Как любопытен вкус!
Блеснули мелко зубки...
О, кожицы надкус!
Колебя звонко колбу,
Как пузырек рекой,
Адам ударил по лбу
Малюсенькой рукой!
— Ах, Ева, Ева, Ева!
О, искуситель змей!
Страшись Иеговы гнева,
Из фиги фартук шей! —
Шипящим тут зигзагом
Вдруг фосфор разлиловел...
И расчертился магом
Очерченный предел.
Сине плывут осколки,
Корежится листва...

От дыма книги, полки
Ты различишь едва...
Стеклом хрустят стоны
Как стон, хрустит стекло...
Все — небо, эмбрионы
Канавкой утекло.
По прежнему червонцем
Играет край багет,
Пылится острым солнцем
Осенний кабинет.
Духами нежно веет
Невысохший флакон...
Вдали хрустально реет
Протяжный, тонкий стон.
О, маленькие душики!
А мы, а мы, а мы?!
Летучие игрушки
Непробужденной тьмы.

ОЗЕРО

В душе журавлино просто,
Чаша налита молоком сверх меры...
Вдоль плоских полотнищ реки
Ломко стоят тростники
Выше лошадиного роста,
Шурша как из бус портверы.
Месяц (всегда этот месяц!) повис
Рожками вниз,
Как таинственный мага брелок...
Все кажется, где-то караулит — лежит
(В траве, за стволами раки?)
Стрелок.
Подхожу к самой воде...
Это — длинное озеро, не река. —
Розовые, голубые лужицы.
Ястреб медленно кружится,
И лоб трет рука:
„Где, где?“
Лодка, привязанная слабо,
Тихонько скрипит уключинами.

Птицы улетели в гнезда.
Одиноко свирелит жаба.
Милыми глазами замученными
Лиловеют звезды.
Кажется, никогда не пропоет почтовый рожок,
Никогда не поднимется пыль,
Мимо никакой не лежит дороги.
И болотный лужок
Ничьи не топтали ноги.
Прозрачный, фиалковый сон,
Жидкого фосфора мреянбе,
Веянбе
Невечернего света
Топит зарей небосклон.
Тростник все реже,
Все ниже.
Где же, где же,
Я все это видел?

Журавлино в сердце просто,
Мысли так покорно кротки,
Предо мной стоит подросток
В голубой косоворотке.

Высоко застегнут ворот
И худые ноги босы...
Сон мой сладостно распорот
Взглядом глаз его раскосых.

За покатыми плечами
Золоченый самострел,
Неуместными речами
Дух смущаться не посмел.
Молча на него смотрел,
А закат едва горел
За озерными холмами.

Наконец
Будто не он,
А воздух
Звонким албтом
Колебясь побежал:
„Червонный чернец
Ответа ждал
О том,
Где венец,
Где отдых?
Я — встречный отрок,
Меня не минуешь,
Но не здесь, а там
Все узнаешь
О чуде,
О том, где обетный край. —
Я молчал,
Все молчало,
При лиловой звезде,
Но сердце дрожало:

— Где? —
Косил, косил
Неподвижно зеленым глазом...
— Там живут блаженные люди! —
И указал
(Вдруг такую желанную,
Что только бы ее целовать,
Целовать и плакать)
Рукою
На еле-освещенный зарею
На далеком холме
Красный, кирпичный сарай.

1920

ПЕЩНОЙ ОТРОК

Дай вспомнить, Боже! научи
Узреть нетленными очами,
Как отрок в огненной печи
Цветет аврорными лучами.
Эфир дрожащий, что роса,
Повис воронкою воздушной
И ангельские голоса
В душе свиваются послушной.
Пади, Ваал! пади, Ваал!
Расплавленною медью тресни!
Лугов прохладных я искал —
Но жгучий луг — еще прелестней.
Огонь мой пламенную печь
В озерную остудит влагу.
На угольбя велишь мне лечь —
На розы росные возлягу.
Чем гуще дымы — легче дух,
Оковы — призрачны и лживы.
И рухнет идол, слеп и глух,
А отроки пещные живы.

1921

РОЖДЕНИЕ ЭРОСА

Пурпуровые паруса
Курчаво стали в сизых тучах
И бирюзово полоса
Тускнеет на зеленых кручах,
В тяжелых островах пловучих
Зеркально млеют небеса.
Предлунная в траве роса
Туманит струи вод текучих.

Поет таинственно звезда
Над влажным следом каравана,
Ложится важно борода
На сумеречный блеск кафтана,
Дыханбе далбнего ливана
Несет угасшая вода,
Полумертвая иногда
Восточным сотом Гюлистана.

Кофейноокий эфиоп
В дуге дикарской самострела,

Склонив к кормилу плоский лоб,
К неизвестному ведет пределу.
Крестом искривленное тело,
Стройней гигантских антилоп,
Заране видя тщетным гроб,
Пророчески окаменело.

Загадочно в витом браслете
Смуглеет тусклый амулет.
(Кто этот юноша, кто третий?)
Шестнадцать ли жасминных лет
Оставили весенний след
В полете медленных столетий?
Предмет влюбленных междометий,
Смущенный выслушай привет.

Какая спутница, какая,
Тяжелый ладан рассекая,
Лазурно-острыми лучами,
Как бы нездешними мечами,
Из запредельных сонных стран
Ведет пловучий караван?

Линцей, Линцей!
Глаза — цепи!
Не в ту сто-
рону цель
взор.

Пусто...
Синие степи...
Корабель-
щики всей
шири,
четыре
стороны горизонта
соединяет понта
простор!
Остри зренбе,
Жмурь, жмурь
веки! —
(зрачек-лгун)
ни бурь,
ни лагун,
ни зарева,
(виденбе, виденбе,
зачем тебе реки?)
не надо видеть, —
Все — марево!
Чу, — пенбе!
Медвяный сирен глас!
Круги пошли в сердце...
Смотри,
слухом прозревший!
Настал час...
Тише, тише
Чудо рожденбе!

Медвяный сирен глас:

Чудо рожденбе! заря розовеет,
В хаосе близко дыханбе Творца,
Жидкий янтарь золотея густеет,
Смирной прохладною благостно веет
Роза венца!

Эрос!

Слезы стекают священного воска,
Чадно курится святой фитиль,
Затрепетала от ветра березка,
Падает храмина плавно и плоско,
Вспенилась пыль.

Эрос!

Лоно зеленое пламенно взрыто,
Вихрем спускается на море рай,
Радужной влагой рожденбе повито,
О, белоногая, о, Афродита,
Сладостно тай!

Эрос!

Скок высокий, Эрос, Эрос!
Пляс стеклянный, райский скок!
Отрок вечный, Эрос, Эрос,
Лет божественный высок!
В розе, в радуге рожденбе,
В пене брызг плескучий рай,

В вещий час уединенья,
Гость весенний, заиграй.
По сердцам, едва касаясь,
Ты летишь, летишь, летишь!
И свиваясь, развиваясь,
Голубую взрежешь тишь.
Все наяды, орады
И дриады вслед тебе,
Не обманчивы отрады,
Розы брошены судьбе.
Танец водит караваны,
Хороводит ход планет.
Как цветут святые раны!
Смерть от бога — слаще нет!
Эрос, всех богов юнейший
И старейший всех богов,
Эрос, Ты — коваль нежнейший
Раскователь всех оков.

Отрок, прежде века рожденный,
ныне рождается!
Отрок прежде хаоса зачатый
зачинается!
Все, что конченным снилось до века,
век не кончается!

1920

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

О, невзвешенные вечера	Стр. 9
----------------------------------	-----------

I. ЛОДКА В НЕБЕ

1. Я встречу с легким удивленьем	13
2. Весны я никак не встретил	14
3. Как месяц молодой повис!	15
4. Ведь это из Гейне что то	16
5. Разбукетилось небо к вечеру	18
6. Листья, цвет и ветка	19
7. У всех одинаково бьется	21
8. Новолуние	23
9. Успокоительной прохладой	24
10. По прежнему воздух	26
11. Это все про настоящее	27
12. Смерть	29
13. Унылый дух, от'иди	30

II. ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

1. Фузий в блюдечке	35
2. Далек от родного шума	36
3. Тени косыми углами	37
4. Расцвели на зонтиках розы	38
5. Всю тину вод	39

	Стр.
6. Пейзаж Гогэна	40
7. Античная печаль.	42
8. Мореход на суше	43
9. Белая ночь	44
10. Персидский вечер	45
11. Ходовецкий.	46

III. ДНИ И ЛИЦА

1. Пушкин	51
2. Гете	53
3. Лермонгову.	54
4. Сапунову	56
5. Карсавиной.	58
6. Шведские перчатки.	59

IV. СВ. ГЕОРГИЙ 63

V. СОФИЯ

1. София	77
2. Базилид	79
3. Фаустина	83
4. Учитель	84
5. Шаги	86
6. Мученик.	87
7. Рыба	88
8. Гермес	90

VI. СТИХИ ОБ ИТАЛИИ

1. Пять	95
2. Озеро Неми	97
3. Сны	98

	Стр.
4. Св. Марко	99
5. Тразименские тростики	100
6. Венеция	102
7. Эней	104
8. Амур и невинность	106
9. Ассизи	108
10. Равенна	110
11. Италия	112

VII. СНЫ

1. Адам	117
2. Озеро	120
3. Пещной отрок	124
4. Рождение Эроса	125

М. К У З М И Н

ПАРАБОЛЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1921 — 1922

ПЕТРОПОЛИС

ПЕТЕРБУРГ — БЕРЛИН

1 9 2 3

I

СТИХИ ОБ ИСКУССТВЕ

Косые соответствия
В пространство бросить
Зеркальных сфер, —
Безумные параболы,
Звоня, взывают
Побег стеблей.

Зодиакальным пламенем
Поля пылают,
Кипит эфир,
Но все пересечения
Чертеж выводят
Недвижных букв

Имени твоего!

Как девушки о женихах мечтают,
Мы об искусстве говорим с тобой.
О, журавлей таинственная стая!
Живых полетов стройный перебой!

Обречена Христу Екатерина,
И бьется в двух сердцах душа одна.
От щек румянец ветренный отхлынет,
И загораются глаза до дна.

Крылато сбивчивое лепетанье,
Почти невысказанное „люблю“.
Какое же влюбленное свиданье
С такими вечерами я сравню!

1921

Невятен смысл твоих велений:
Молиться ль, проклинать, бороться ли
Велишь мне, непонятный гений?
Родник скудеет, скуп и мал,
И скороход Беноццо Гоццолли
В дремучих дебрях задремал.

Холмы темны медяной тучей.
Смотри: я стройных струн не трогаю.
Твой взор, пророчески летучий,
Закрит, крылатых струй не льет,
Не манит майскою дорогою
Опережать Гермесов лет.

Не ржут стреноженные кони,
Раскинулись, дряхлая, воины...
Держи отверстыми ладони!
Красна воскресная весна,
Но роши тьмы не удостоены
Взыграть, воспрянув ото сна.

Жених не назначает часа,
Не соблазняйся промедлением,
Лови чрез лед призывы гласа.
Елеем напоен твой лен,
И распротясь с ленивым мнением,
Воскреснешь, волен и влюблен.

1921

Легче пламени, молока нежней,
Румянцем зари рдяно играя,
Отрок ринется с золотых сеней.
Раскаты в кудрях раева грая.

Мудрый мужеством, слепотой стрелец,
Когда ты без крыл в горницу внидешь,
Бельма падают, замерцал венец,
Земли неземной зелени видишь.

В шуме вихревом, в осияньи лат, —
Все тот же гонец воли вельможной!
Память пазухи! Откровений клад!
Плывите, дымы прихоти ложной!

Царь венчается, вспоминает гость,
Пришлец опочил, строятся кущи!
Всесожжение! возликует кость,
А кровь все поет глуше и гуще.

1921. Декабрь

ИСКУССТВО

Туман и майскую росу
Сберу я в плотные полотна.
Закупорив в сосудец плотно,
До света в дом свой отнесу.
Созвездья благостно горят,
Указанные в Зодиаке,
Планеты заключают браки,
Оберегая мой обряд.
Вот жизни горькой и живой
Истлевшее беру растение.
Клокочет вещее кипенье...
Пылай союзник огневой!
Все, что от смерти, ляг на дно.
(В колодце ль видны звезды, в небе ль?)
Былой лозы прозрачный стебель
Мне снова вывести дано.
Кора и розоватый цвет, —
Все восстановлено из праха.
Кто тленного не знает страха,
Тому уничтоженья нет.
Промчится ль ветра буйный конь, —
Верхушки легкой не качает.
Весна нездешняя венчает
Главу, коль жив святой огонь.

1921. Май

МУЗА

В глухие воды бросив невод,
Под вещей лепет темных лип,
Глядит задумчивая дева
На чешую волшебных рыб.

То в упоении зверином
Свивают алые хвосты,
То выплывут аквамаринном,
Легки, прозрачны и просты.

Восторженно не разумея
Плодов запечатленных вод,
Все ждет, что голова Орфея
Златистой розою всплывет.

1922. Февраль

В раскосый блеск зеркал забросив сети,
Склонился я к заре зеленоватой,
Слежу узор едва заметной зыби, —
Лунатик золотеющих озер!
Как кровь сочится под целебной ватой,
Яснеет отрок на гранитной глыбе,
И мглой истомною в медвяном лете
Пророчески подернут сизый взор.

Живи, Недвижный! затрепещут веки,
К ладоням нежным жадно припадаю,
Томление любви неутолимой
Небесный спутник мой да утолит.
Не вспоминаю я и не гадаю, —
Полет мгновений, легкий и любимый
Вдруг останавливаешь ты навеки
Роскошеством юнеющих ланит.

1922. Апрель

МУЗЫКА

Тебя я обнимаю, —
И радуга к реке,
И облака пылают
На Божеской руке.
Смеешься, — дождь на солнце,
Росится резеда,
Ресницею лукавит
Лиловая звезда.
Расколотой кометой
Фиглярит Фигаро.
Таинственно и внятно
Моцартово Тарó.
Летейское блаженство
В тромбонах сладко спит,
Скрипичным перелеском
Звенит смолистый скит.
Какие бросит тени
В пространство милый взгляд?
Не знаешь? и не надо
Смотреть, мой друг, назад.
Чье сердце засияло
На синем, синем Si?
Задумчиво внимает
Небывший Дебюсси.

1922. Май

„А это — хулиганская“ сказала
Приятельница милая, стараясь
Ослабленному голосу придать
Весь дикий романтизм полночных рек,
Все удалство, любовь и безнадежность,
Весь горький хмель трагических свиданий.
И дальний клетот слушали, потупясь,
Тут романист, поэт и композитор,
А тюлевая ночь в окне дремала,
И было тихо, как в монастыре.
 „Мы на лодочке катались...
 Вспомни, что было!
 Не гребли, а целовались...
 Наверно забыла.“

Три дня ходил я вне себя,
Тоскуя, плача, и любя,
И наконец четвертый день
Знакомую принес мне лень,
Предчувствие иных дремот,
Дыхание иных высот.
И думал я „взволненный стих,
Пронзив меня, пронзит других,—
Пронзив других, спасет меня,
Тоску покоем заменя.“

И я решил,
Мне было подсказано:
Взять старую географию России
И перечислить
(Всякий перечень гипнотизирует
И уносит воображение в необъятное)
Все губернии, города,
Села и веси,
Какими сохранила их
Русская память.
Костромская, Ярославская,
Нижегородская, Казанская,
Владимирская, Московская,
Смоленская, Псковская.

Вдруг остановка,
Провинциально роковая поза
И набекрень нашлепнутый картуз.
„Вспомни, что было!“
Все вспомнят, даже те, которым помнить
То нечего, начнут вздыхать невольно,
Что не живет для них воспоминанье.

Второй волною
Перечислить
Хотелось мне угодников
И местные святыни,

Каких изображают
На старых образах,
Двумя, тремя, и четырьмя рядами.
 Молебные руки,
 Очи горе, —
 Китежа звуки
 В зимней заре.

Печора, Кремль, леса и Соловки
И Коневец Корельский, синий Саров,
Дрозды, лисицы, отроки, князья,
И только русская юродивых семья,
И деревенский круг богомолений.

Когда же ослабнет
Этот прилив,
Плывет неистошимо
Другой, запретный,
Без крестных ходов,
Без колоколов,
Без патриархов...

Дымятся срубы, тундры без дорог,
До выга не добраться полицейским.
Подпольники, хлысты и бегуны
И в дальних плавнях заживо могилы.
Отверженная, пресвятая рать
Свободного и Божеского Духа!

И этот рой поблек,
И этот пропал,
Но еще далек
Девятый вал.
Как будет страшен,
О, как велик,
Средь голых пашен
Новый родник!

Опять остановка
И заманчиво
Со всею прелестью
Прежнего счастья,
Казалось бы невозвратного,
Но и лично, и обще,
И духовно, и житейски,
В надежде неискоренимой
Возвратимого —
Наверно забыла?

Господи, разве возможно?
Сердце, ум,
Руки, ноги,
Губы, глаза,
Все существо
Закричит:
„Аще забуду Тебя?“

И тогда
(Неожиданно и смело)
Преподнести
Страницы из „Всего Петербурга“
Хотя бы за 1913 год —
Торговые дома,
Оптовые, особенно:
Кожевенные, шорные,
Рыбные, колбасные,
Мануфактуры, писчебумажные,
Кондитерские, хлебопекарни, —
Какое-то библейское изобилие, —
Где это?
Мучная биржа,
Сало, лес, веревки, ворвань...
Еще, еще поддать...
Ярмарки... там
В Нижнем, контрасты, другие...
Пароходства... Волга!
Подумайте, Волга!
Где не только (поверьте)
И есть,
Что Стенькин курган.
И этим
Самым житейским,
Но и самым близким
До конца растерзав,

Кончить вдруг лирически
Обрывками русского быта
И русской природы:
Яблочные сады, шубка, луга,
Пчельник, серые широкие глаза,
Оттепель, санки, отцовский дом,
Березовые рощи, да покосы кругом.

Так будет хорошо.

Как бусы нанизать на нить
И слушателей тем пронзить.
Но вышло все совсем не так, —
И сам попался я впросак.
И яд мне оказался нов
Моих же выдумок и слов.
Стал вспоминать я например,
Что были вёсны, был Альбер,
Что жизнь была на жизнь похожа,
Что были Вы и я моложе,
Теперь же все мечты бесцельны,
А песенка живет отдельно,
И, верно, плоховат поэт,
Коль со стихами сладу нет.

1922

Серым тянутся тени роем,
В дверь стучат нежеланно гости
Шепчут: „Плотью какой покроем
Мы прозрачные наши кости?
В вихре бледном — темно и глухо,
Вздригнут трупы при трубном зове...
Кто вдохнет в нас дыханье духа?
Кто нагонит горячей крови?“

Вот кровь; — она моя и настоящая!
И семя, и любовь — они не призрачны.
Безглазые я вам дарую зрение
И жизнь живую и неистощимую.
Слепое племя, вам дано приблизиться,
Давно истлевшие и нерожденные,
Идите, даже не существовавшие,
Без родины, без века, без названия.
Все страны, все года,
Мужчины, женщины,
Старцы, и дети,
Прославленные и неизвестные,
Македонский герой,
Гимназист даже не застрелившийся,

Люди с метриками
С прочным местом на кладбище,
И легкие эмбрионы,
Причудливых мозговых частиц
Поросль...
И русский мальчик,
Что в Угличе зарезан,
Ты, Митенька,
Живи, расти и бегай!

Выпейте священной крови!
Новый „Живоносный Источник“ — сердце.
Живое, не метафорическое, сердце
По всем законам Божьей анатомии созданное,
Каждым ударом свой конец приближающее,

Дающее,
Берущее,
Пьющее,
Напояющее
Жертва и жертвоприноситец,
Умиращий воскреситель,

Чуда чудотворец чающий,
Таинственное, божественное,
Слабое, родное, простейшее
Сердце!

1922. Июнь

КОЛОДЕЦ

В степи ковыленной
Забыты истоки,
Томится малиной
Напрасно закат.

В бесплодных покосах
Забродит ребенок,
Ореховый посох
Прострет, златоокий, —
Ручьется уж тонок,
Живительный клад.

Клокочет глубоко
И пенье, и плески, —
В живом перелеске
Апрельский раскат.

И чудеснее Божьих молний
Сухую грудь мнимых нербдиц
Подземным молоком полнит
Любви артезианский колодец.

1922. Май

Шелестом желтого шелка,
Венерина аниса (медь-ей металл) волною
искрой розоватой,
радужным колесом,
двойника поступью,
арф бурными струнами,
ласковым,
словно телефонной вуалью пониженным
голосом,
синей в спине льдиной,
(„пить! пить!“ пилит)
твоими глазами,
янтарным на солнце пропеллером
и розой (не забуду!) розой!
реет,
мечется,
шепчет,
пророчит
неуловимая,
слепая...
Сплю, ем,
Хожу, целую...
ни времени,
ни дня,
ни часа,

(разве ты — зубной врач?)
неизвестно.
Муза, муза!
Золотое перо
(не фазанье, видишь, не фазанье)
обронено.

Раздробленное — один лишь Бог цел!
Безумное — отъемлет ум Дух!
Непонятное — летучий Сфинкс — взор!
Целительное — зеркальных сфер звук!

Муза! Муза!

— Я — не муза, я — орешина,
Посошок я вещей, отрочий.
Я и днем, и легкой полночью
К золотой ладье привешена.

Медоносной вьюсь я мушкой,
Пеленой стелюсь я снежною.
И не кличь летунью нежную
Ни женой, ты ни подружкой.
Обернись, — и я соседкою.
Любишь? сердце сладко плавится,
И плывет, ликует, славится,
Распротяжь с постылой клеткою.

1922. Май

Поля, полольщица, поли!
Дева, полотнища полощи!
Изида, Озириса ищи!
Пламень, плевелы пепели!
Ты, мельница, стучи, стучи, —
Перемели в муку мечи!

Жница ли, подземная ль царица
В лунном Ниле собирает рожь?
У плотин пора остановиться, —
Руку затонувшую найдешь,
А плечо в другом поймашь месте,
Уши в третьем... Спину и бедро...
Но всего трудней найти невесте
Залежей живительных ядро.

Изида, Озириса ищи!
Дева полотнища полощи!

Куски разрубленные вместе слагает.
Адонис, Адонис загробных высот!
Душа — ворожея божественно знает,
Что медом наполнен оплаканный сот.

И бродит, и водит серебряным бреднем...
Все яви во сне мои, сны наяву!
Но сердце, Психея, найдешь ты последним,
И в грудь мою вложишь, и я оживу.

Пламень, плевелы пепели!
Поля, полольщица, поли!

В раздробленьи умирает,
Целым тело оживает...
Как Изиды, ночью бродим,
По частям его находим,
Опаляем, омываем,
Сердце новое влагаем.

Ты мельница стучи, стучи, —
Перемели в муку мечи!

В теле умрет — живет!
Что не живет — живет!
Радугой сфер живет!
Зеркалом солнц живет!
Богом святым живет!
Плотью иной живет
Целостной жизни плод!

1922

II

ПЕСНИ О ДУШЕ

По черной радуге мушиного крыла
Бессмертье щедрое душа моя открыла.
Напрасно кружится немолчная пчела, —
От праздничных молитв меня не отучила.

Медлительно плыву от плавней влажных снов.
Родные пастбища впервые вижу снова,
И прежний ветерок пленителен и нов.
Сквозь сумрачный узор синё яснит основа.

В слезах расплавился значеный небосклон,
Выздоровления не вычерпано лоно.
Средь небывалых роц сияет Геликон
И нежной розой зорь аврорится икона!

1921

Вот барышня под белою березой,
Не барышня, а панна золотая, —
Бирюзовато тянет шелковинку.
Но задремала, крестики считая,
С колен скользнула на траву ширинка,
Заголубела недошитой розой.

Заносчиво, как молодой гусарик,
Что кунтушем в мазурке размахался,
Нагой Амур широкими крылами
В ленивом меде неба распластался,
Остановясь, душа моя, над нами, —
И по ресницам спящую ударил.

Как встрепенулась, как захопотала!
Шелка, шитье, ширинку, — все хватает,
А в золотом зрачке зарделась слава,
И пятки розоватые мелькают.
И вдруг на полотне — пожар и травы,
Корабль и конница, залив и залы.

— Я думал: „Вышьешь о своем коханном!“
Она в ответ: „Во всем — его дыханье!
От ласки милого я пробудилась
И принялась за Божье вышиванье,
Но и во сне о нем же сердце билось, —
О мальчике минутном и желанном.“

1921

Врезанные в песок заливы —
кривы,
и плоски;
С неба ускакала закатная конница,
ивы,
березки —
тощи.
Бежит, бежит, бежит
девочка вдоль рощи:
то наклонится,
то выгнется,
словно мяч бросая;
треплется голубая
ленточка, дрожит,
а сама босая.
Глаза — птичьи,

на висках кисточкой румянец..
Померанец
желтеет в осеннем величьи..
Скоро ночь схимница
махнет манатъей на море,
совсем не античной.
Дело не в мраморе,
не в трубе зычной,
во вдовьей пазухе,
материнской утробе,
теплой могиле.
Просили
обе:
внучка и бабушка
(она — добрая,
старая все знает)
зорьке ясной подождать,
до лесочка добежать,
но курочка рябушка
улетела,
в лугах потемнело..
„Домой!“
кричат за рекой.
Девочка все бежит, бежит,
глупая.
Пробежала полсотни лет,
а конца нет.
Сердце еле бьется.

Наверху в темноте поется
сладко пленительно,
утешительно:

— Тирли, тирлинда! я — Психея.
Тирли-то-то, тирли-то-то.
Я пестрых крыльев не имею
Но не поймал меня никто!
Тирли-то-то!

Полно бегать, мышонок мой!
Из-за реки уж кричат: „домой!“

1921

ЛЮБОВЬ

Любовь, о подружка тела,
Ты жаворонком взлетела,
И благостна, и смела,
Что Божеская стрела.

Теперь только песня льется,
Все вьется вокруг колодца.
Кто раз увидал отца,
Тот радостен до конца.

Сонливые тени глуше...
Восторгом острятся уши,
И к телу летит душа,
Жасмином небес дыша.

1922

АРИАДНА

У платана тень прохладна,
Тесны терема князей, —
Ариадна, Ариадна,
Уплывает твой Тезей!

Лепесток летит миндальный,
Цепко крепнет деревцо.
Опускай покров венчальный
На зардевшее лицо!

Не жалея весны желанной,
Не гонись за пухом верб:
Все ясней в заре туманной
Золотеет вещей серп.

Чередую плод за цветом,
Синий пурпур кружит вниз, —
И, увенчан вечным светом,
Ждет невесты Дионис.

1921

Стеклянно сердце и стеклянна грудь, —
Звенят от каждого прикосновенья,
Но, строгий сторож, осторожен будь,
Подземная да не проступит муть
За это блещущее огражденье.

Сплетенье жил, теченье тайных вен,
Движение частиц, любовь и сила,
Прилив, отлив, таинственный обмен, —
Весь жалостный состав — благословен:
В нем наша суть искала и любила.

О звездах, облаке, траве, о вас
Гадаю из поющего колодца,
Но в сладостно-непоправимый час
К стеклу прихлынет сердце, — и алмаз
Пронзительным сияньем разольется.

1922

III

МОРСКИЕ ИДИЛЛИИ

ЭЛЕГИЯ ТРИСТАНА

Седого моря соленый дух,
За мысом зеленый закат потух,
Тризной Тристану поет пастух —
О, сердце! Оле-олайе!
Ивы плакучей пух!

Родимая яблоня далека.
Розово спит чужая река...
Ни птицы, ни облака, ни ветерка...
О, сердце! Оле-олайе!
Где же твоя рука?

Угрюмый Курвенал умолк, поник,
Уныло булькает глохлый родник,
Когда-же, когда-же настанет миг
О, сердце! Оле-олайе!
Что увидим мы transatlantiques?

1921

СУМЕРКИ

Наполнен молоком опал,
Залиловел и пал бесславно
И плачет вдаль с унылых скал
Кельтическая Ярославна.

Все лодки дремлют над водой,
Второй грядюю спят на небе.
И молится моряк седой
О ловле и насущном хлебе.

Колдунья гонит на луну
Волну смертельных вожделений.
Grand Saint Michel, protège nous!
Сокрой от сонных навождений!

1922. Май

БЕЗВЕТРИЕ

Эаоэу иоэй!

Красильщик неба, голубей
Горшечек глиняный пролей
Ленивой ленте кораблей.

Эаоэу иоэй!

О, Солнце-столпник, пожалей:
Не лей клокочущий елей
Расплавленных тобой полей!

Эаоэу иоэй!

Мне реи — вместо тополей,
От гребли губы все белей
И мреет шелест голубей...

Эаоэу иоэй!

1922. Май

КУПАНЬЕ

Конским потом,
Мужеским девством
Пахнет тело
Конников юных.
Масло дремлет
В локонах вольных.
Дрогнул дротик,
Звякнула сбруя.
Лаем лисьим
Лес огласился.
Спарта, Спарта!
Стены Латоны!

Песок змеится плоско,
А море далеко.
Купальная повозка
Маячит высоко.
На сереньком трико
Лиловая полоска.

Лаем лисьим
Лес огласился.

Английских спин аллея...
Как свист: „How do you do!“
Зарозовела шея
На легком холоду.
Пастух сопит в дуду,
Невольню хорошея.

Спарта, Спарта!
Стены Латоны!

Румяно руки всплыли, —
Султанский виноград —
Розовоцветной пыли
Разбился водопад.
О, мужественный сад,
Возобновленной были!

Спарта, Спарта!

1921. 30 Мая

ЗВЕЗДА АФРОДИТЫ

О, Птоломея Филадельфа фарос,
Фантазии факелоносный знак,
Что тучный знак
Из златолаковых смарагдов моря
Возносится аврорной пыли парус
И мечет луч, с мечами неба споря.

И в радуго иных великолепий,
Сосцами ряби огражденный круг,
Волшебный плуг
Вплетал и наше тайное скитанье.
Пурпурукудрый, смуглый виночерпий
Сулил магическое созиданье.
Задумчиво плыли
По сонному лону
К пологому склону
Зеленых небес.
На зло Аквилону
О буре забыли
У розовой пыли
Зардевших чудес

Растоплено время,
На западе светел —
Далек еще петел —
Пророческий час...
Никто не ответил,
Но вещее семя,
Летучее бремя
Спустилось на нас.

К волне наклонился...
Упали ветрила,
Качались светила
В стоячей воде.
В приморьи Нила
Священно омылся,
Нездешне томился
К вечерней звезде.

И лицо твое я помню,
И легко теперь узнаю
Пепел стынущий пробора
И фиалки вешних глаз.
В медном блеске парохода,
В винтовом движеньи лестниц,
В реве утренней сирены
Слышу ту-же тишину.
Ангел служит при буфете,
Но в оранжевой полоске

Виден быстрый нежный тóрок
У послушливых ушей.
Наклонился мальчик за борт, —
И зеленое сиянье
На лицо ему плеснуло,
Словно вспомнил старый Нил.
Эта смелая усмешка,
Эти розовые губы,
Окрыленная походка,
И знакомые глаза!
Где же море? где же фарос?
Океанский пароходик?
Ты сидишь со мною рядом
И не едем никуда,
Но похоже, так похоже!
И поет воспоминанье,
Что попрежнему колдует
Афродитина звезда.

1921

Юр. Юркуну

IV

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ

ПРИГЛАШЕНИЕ

Понежилось солнце на розовом кресле,
Перебралось на кровать.
Хоть вы и похожи порою на Бердсли,
Все же пора вставать.

В Бедакере ясно советы прочтете:
Всякий собравшийся в путь,
С тяжелой поклажей оставь все заботы,
Леность и грусть забудь.

Весеннего утра веселый глашатай
Трубит в почтовый рожок:
„Поспеете ночью поспать на кровати,
Розу мой луч зажег“.

1921. Май

УТРО ВО ФЛОРЕНЦИИ

Or san Michele,
Мимоз гора!
К беспечной цели
Ведет игра.
Веточку, только веточку
В петлицу вдень, —
Проходишь весело
С ней целый день.
В большой столовой
Звенит хрусталь,
Улыбки новой
Сладка печаль!
Какой-то особенный,
Легкий миг:
Блестят соломенно
Обложки книг.
В каком Апреле
Проснулись мы?
На самом деле
Нет тюрьмы?
Свежо и приторно...
Одеколон?
Тележка подана,
Открой балкон!

1921. Апрель

РОДИНА ВИРГИЛИЯ

Медлительного Минчо к Мантуе
Зеленые завидя заводи,
Влюбленное замедлим странствие,
Магически вздохнув: „веди!“

Молочный пар ползет болотисто,
Волы лежат на влажных пастбищах,
В густые травы сладко броситься,
Иного счастья не ища!

Голубок рокоты унылые,
Жужжанье запоздалых пчельников,
И проплывает тень Virgiliya,
Как белый облак вдалеке.

Лети, лети! Другим водителем
Ведемся, набожные странники:
Ведь ад воочию мы видели
И нам геенна не страшна.

Мы миновали и чистилище —
Венера в небе верно светится,
И воздух розами очистился
К веселой утренней весне.

1921. Апрель

ПОЕЗДКА В АССИЗИ

Воздух свеж и волен после
Разморительных простынь...
Довезет веселый ослик
До высоких до святынь.

Осторожным вьемся ходом,
Город мелок и глубок.
Плечи пахнут теплым медом,
Выплывая на припек.

По траве роса живая
И пичуг нагорных писк, —
Славил вас, благословляя,
Брат младенческий Франциск.

За лозовыми стеблями
Облупившийся забор.
Остановка, сыр, салями,
Деревенский разговор.

Небо, ласточки, листочки!
Мелкий треск звенит кругом.
И топазовые точки
В сером галстухе твоём.

Дома сладко и счастливо
Ляжем и потушим свет,
Выполнив благочестивый
И любовный наш обет.

1921. Апрель

КОЛИЗЕЙ

Лунный свет на Колизее
Видеть (стоит una lira),
Хорошо для forestieri
И скитающихся мисс.
Озверелые затеи
Театральнейшего мира
Помогли гонимой вере
Рай свести на землю вниз.

Мы живем не как туристы,
Как лентяи и поэты,
Не скупясь и не считая,
Ночь за ночью, день за днем.
Под окном левкой душистый,
Камни за день разогреты,
Умирает, истекая,
Позабытый водоем.

1921

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ЛУНА

Вожденья полнолуний,
Дездемонины светлица...
И протяжно, и влюбленно
Дух лимонный вдоль лагун...

Заигралась зеркалами
Полусонная царевна,
Лунных зайчиков пускает
На зардевшее стекло.

Словно Дандоло я славен
Под навесом погребальным.
О, лазоревые плечи!
О, лаванда в волосах!

Не смеемся, только дышим,
Обнимаем, да целуем...
Каждый лодочник у лодки
В эту ночь — Эндимион.

1921

КАТАКОМБЫ

Пурпурные трауры ирисов приторно раят
И медленно веянье млеет столетнего тлена
Тоскуют к летейскому озеру белые лани,
Покинута, плачет на отмели дальней сирена.

О *via Arria!* о, *via Arria!*
Блаженный мученик, святой Калликст!
Какой прозрачною и легкой памятью,
Как мед растопленный, душа хранит.
О *via Arria!* О, *via Arria!*
Тебе привет!

Младенчески тени заслушались пеня Орфея.
Иона под ивой все помнит китовые недра.
Но на плечи Пастырь овцу возлагает жалея,
И благостен круглый закат за верхушкою кедра.

О *via Arria!* О, *via Arria!*
О, душ пристанище! могильный путь!
Твоим оплаканным, прелестным пастбищем
Ты нам расплавила скупую грудь,
О, *via Arria!* О, *via Arria!*
Любя вздохнуть.

1921

V

ПЛАМЕНЬ ФЕДРЫ

ПЛАМЕНЬ ФЕДРЫ

Палючий заразу ветер несет,
Стекает лава с раскаленных высот,
Смертельные открылись ключи,
Витая труба
Хрипит
Древний рассказ.
Глаз
Мечи
Сквозь страстных туч
Лиловым
(Каким известным и каким новым!)
Блеском слепят
(Критской Киприды яд
Могуч!)
Сердце!
Шелковых горлиц борьба
Глухо спит.

Уймись, Сердце!
Вспомни высокий дом!
Пафии голубь,
Не мути Иордана
Сизым крылом!

Златопоясная Критянка
В синеве тоскующей кедра,
Алчная ветра нагорного,
Предсмертно томится
Злополучная Федра
(Не подземная ли царица?)
Как ядом полная склянка.

Опустились лиловые веки,
Рукам грузны запястья.
Сжигают рыжие косы,
Покрывал пена
Тяжкà страсти!
(Измена! Измена!)
Не сойдут медвяные росы
На перси вовеки!

Сожженной сестра Семелы,
Род и кровь Пасифаи,
Чудищ зачатъе,
Конника зря Ипполита,

Дианины грозы зная,
Неистовым духом повито
В пустом объятьи
Безумствует тело.

Кто прокричал „Безумье“?!
Сахары дыханье,
Пахнув, велело
Запыхавшейся Эхо
Прохрипеть на „любовь“ — „смерть“.
Глухие волны глухому небу
Урчали: „безумье!“

Душа моя, душа моя!

Утром рано ты вставала,
Умывалась и молилась,
И за дело принималась,
Не томясь и не грустя.
Рай в земле ты узнавала.
Как небес высоких милость,
Веселила тебя малость,
Словно малое дитя.

И младенчески ты знала,
Что всему свое довлеет
И сплетается согласно
Дней летучих хоровод,

Что весной снега играют,
Летом ягода алеет,
Что в плоде осенне-красном
Спеет Богу зрелый год.

Крылатая свирель поет!

Небесный узор,
Земная ткань.
Забудь укор,
Человеком встань!

Крылатая свирель поет!

Кто прокричал „Безумье“?!

Подними лиловые веки, Федра!
Взгляни на круглое солнце, Федра!
Печени моей не томи, Федра!

Безумная царица, знаешь,
Что отражаешь
Искривленным зеркалом?
Что исковеркало
Златокосмого бога образ?

Солнце — любовь!!

Любовью зиждется мир.
Любящий, любовь и любимый —

Святая Троица!
Она созидает,
Греет и освещает,
Святит и благословляет,
Но собери самовольно
Лучи в магический фокус
Страсти зеркала, —
И палящую кару,
Гибель Икара,
Пожар Гоморры
Получишь в оплату!
Горе! Горе!

Зачем-же тусклый и тягостный обман
Застилает и мои глаза?
Гроза
Гудит в беспросветных недрах
Федра! Федра! Федра!

Узкобедрый отрок,
Бодрый хранитель,
Может быть, Вилли Хьюз,
Гонец крылатый,
Флорентийский гость,
Где ты летаешь,
Забыв наш союз,
Что не отгонишь
Веянья чумного

Древних родин?
Ты — бесплодный,
Ты — плодоносный,
Сеятель мира,
Отец созданий,
По которым томятся сонеты Шекспира.

Покой твой убран,
Вымыт и выметен,
Свеча горит,
Стол накрыт,
— Любящий, любовь и любимый —
Святая Троица,
Посети нас,
И ветер безумной Федры
Да обратится
В Пятидесятницы вихрь вещей!

1921. Май

VI

ВОКРУГ

Любовь чужая зацвела
Под новогоднюю звездою, —
И все ж она почти мила,
Так тесно жизнь ее сплела
С моей чудесною судьбою.

Достатка нет — и ты скупец,
Избыток — щедр и простодушен.
С юницей любитя юнец,
Но невещественный дворец
Любовью этой не разрушен.

Пришелица, войди в наш дом!
Не бойся, снежная Психея!
Обитель и тебе найдем,
И станет полный водоем
Еще полней, еще нежнее.

1921

А. Д. РАДЛОВОЙ

Как птица, закликать и биться
Твой дух строптивый не устал.
Все золотая воля снится
В неверном отблеске зеркал.

Свои глаза дала толпе ты,
И сердце — топоту копыт,
Но заклинанья уж пропеты
И вещей знак твой не отмыт.

Бестрепетно открыты жилы,
Густая кровь течет, красна.
Сама себя заморозила
Твоя „Вселенская весна“.

1921. Апрель

ПОРУЧЕНИЕ

Если будешь, странник, в Берлине,
у дорогих моему сердцу немцев,
где были Гофман, Моцарт и Ходовецкий
(и Гете, Гете, конечно), —
кланяйся домам и прохожим,
и старым, чопорным липкам
и окрестным плоским равнинам.
Там, наверно, все по другому, —
не узнал бы, если б поехал,
но я знаю, что в Шарлоттенбурге,
на какой-то, какой-то штрассе,
живет белокурая Тамара
с мамой, сестрой и братом.
Позвони не очень громко,
чтоб она к тебе навстречу вышла
и состроила милую гримаску.
Расскажи ей, что мы живы, здоровы,
часто ее вспоминаем,
не умерли, а даже закалились,
скоро совсем попадем в святые,

что не пили, не ели, не обувались,
духовными словами питались,
что бедны мы, (но это не новость:
какое же у воробьев именье?),
занялись замечательной торговлей:
все продаемъ и ничего не покупаем,
смотрим на весеннее небо
и думаем о друзьях далеких.
Устало ли наше сердце,
ослабели ли наши руки,
пусть судят по новым книгам,
которые когда-нибудь выйдут.
Говори не очень пространно,
чтобы, слушая, она не заскучала.
Но если ты поедешь дальше
и встретишь другую Тамару, —
вздогни, вздогни, странник,
чтобы тебе не умереть на месте,
слыша голос забываемо крылатый,
следуя за движеньями вещей Жар-Птицы,
смотря на телесное, летучее солнце.

1922. Май

РОЖДЕСТВО

Без мук Младенец был рожден,
А мы рождаемся в мученьях,
Но дрогнет вещей небосклон,
Узнав о новых песнопеньях.

Не сладкий глас, а ярый крик
Прорежет темную утробу:
Слепой зародыш не привык,
Что путь его подобен гробу.

И не восточная звезда
Взвилась кровавым метеором,
Но впечатлелась навсегда
Она преображенным взором.

Что дремлешь, ворожейный дух?
Мы потаённы, сиры, наги...
Надвинув на глаза треух,
Бредут невиданные маги.

1921. Декабрь

ЗЕЛЕНАЯ ПТИЧКА

В ком жив полет влюбленный
Крылато сердце бьется,
Тех птичкою зеленой
Колдует Карло Гоцци.
В поверхности зеркальной
Пропал луны топаз,
И веется рассказ
Завесой театральной.

Синьоры, Синьорины,
Места скорей займите!
Волшебные картины
Внимательней смотрите!
Высокие примеры
И флейт воздушный звук
Перенесут вас вдруг
В страну чудесной веры,

Где статуи смеются
Средь королей бубновых,
Подкидыши найдутся
Для приключений новых...
При шелковом шипеньи
Танцующей воды
Певучие плоды
Приводят в удивленья.

За розовым плюмажем
Рассыпалась ракета.
Без масок мы покажем
Актера и поэта,
И вскроем осторожно
Мечтаний механизм,
Сиявший романтизм
Зажечь опять возможно.

И сказки сладко снятся
Эрнеста Амедея...
Родятся и роятся
Затея из затей...
Фантазия обута:
Сапог ей кот принес...
И вдруг мелькнет твой нос,
О, Доктор Дапертутто!

1921

АНГЛИЙСКИЕ КАРТИНКИ
(СОНАТИНА)

а) ОСЕНЬ

Бери, Броун! бритвой, Броун, бряк!
Охрипый флейтист бульк из флаг.
Бетси боится бегать в лес.
В кожаной куртке курит Уэлс.

Стонет Томми на скрипке.
Облетели липки...
Простите, прогулки!
Простите, улыбки!
В неметеном дому
Шаги — гулки,
Спущен флаг...
К чему?

Джин, Броун! Джигу, Броун! У дров дремать.
Постным блином поминать покойную мать.
Что нам до Уэлса, что до Бетси?
Будет пора дома насидеться.
В смятых шляпках торчат ромашки,
По площади плоско пляшут бумажки...
Бодрись, Броун, Бомбейский князь!

Не грязь в грязь.
Фонарь... Что такое фонарь?
Виски, в висок ударь!
Ну!

„Пташечки в рощице славят согласно
Все, что у Пегги приятной прекрасно!“

Морской чорт,
Не будь горд!
Я самому лорду
Готов дать в морду.

„Лишь только лен, мой лен замнут,
Слезы из глаз моих побегут“.

б) ИМЕНИНЫ

Алисы именины,
Крыжовенный пирог,
В гостинной — пол-куртины,
Кухарка сбилась с ног.
Саженный мореходец
Краснеет до рыжа.
Ну-ну, какой народец:
Зарежет без ножа!
Бульдог свирепо скачет
И рвется из окна.
Хозяйка чуть не плачет,
Соседка смущена.
— Нелепо в Пикадилли
Болтаться целый день. —
„Зачем не приходили
Вчера вы под сирень?“
— Алисин нынче праздник, —
Кладите потроха! —
„Хоть вы большой проказник,
Но я вас... ха, ха, ха!“
Ах, вишни, вишни, вишни
На блюдах и в саду
— Я может быть, здесь лишний,
Так я тогда уйду. —
— О, нет! — ликуют ушки.
Веселый взгляд какой!
И поправляет рюшки
Смеющейся рукой.

в) ВОЗВРАЩЕНИЕ

Часы буркнули „бом!“
Попугай в углу „каково!“
Бабушка охнула „Джо!“
И упала со стула.

Малый влетел, как шквал,
Собаку к куртке прижал,
Хлопнул грога бокал, —
Дом загудел, как улей.

Скрип, беготня, шум,
Трубки, побитый грум,
Рассказы, пиф-паф, бум-бум!
Господи Иисусе!

Нелли рябая — „Мам
Я каморку свою отдам.
Спать в столовой — срам:
Мальчик то не безусый.“

Гип-гип Вест-Индия!!

1922

У печурки самовары,
Спит клубком сибирский кот.
Слышь: „Меркурий“ из Самары
За орешником ревет.

Свекор спит. Везде чистенько.
Что-то копоть от лампад!
„Мимо сада ходит Стенька“.
Не пройтись ли мне в сад?

Круглы сутки все одна я.
Расстегну тугой свой лиф...
Яблонь, яблонька родная!
Мой малиновый налив!

Летом день — красной, да долгий.
Пуховик тепло томит.
Что забыла там, за Волгой?
Только теткин тошный скит!

1921

На площадке пляшут дети.
Полон тени Палатин.
В синевато-сером свете
Тонет марево равнин.
Долетает едкий тмин,
Словно весть о бледном лете.

Скользкий скат засохшей хвои,
Зноя северный припек.
В сельской бричке едут двое,
Путь и сладок и далек.
Бьется белый мотылек
В утомительном покое.

Умилен и опечален,
Уплываю смутно вдаль.
Темной памятью ужален,
Вещую кормлю печаль.
Можжевельника ли жаль
В тусклом золоте развалин?

1921

Барабаны воркуют дробно
За плотиной ввечеру...
Наклоняться хоть неудобно,
Васильков я наберу.

Все полнеет, ах, все полнеет,
Как опара мой живот:
Слышу смутно: дитя потеет,
Шевелится теплый крот.

Не сосешь, только сонно дышишь,
В узком сумраке тесноты.
Барабаны, может быть, слышишь,
Но зари не видишь ты.

Воля, воля! влажна утроба.
Выход все же я найду
И взгляну из родимого гроба
На вечернюю звезду.

Все валы я исходила,
Поднялся в полях туман.
Только-б маменька не забыла
Желтый мой полить тюльпан.

1921

Сквозь розовый утром лепесток посмот-
реть на солнце,
К алой занавеске медную поднести кадилницу, —
Полюбоваться на твои щеки.

Лунный луч через желтую пропустить вино-
градину,
На плоскогорьи уединенное встретить озеро, —
Смотреться в твои глаза.

Золотое, ровное шитье — вспомнить твои волосы,
Бег облаков в Марте — вспомнить твою походку,
Радуги к небу концами встали над вертя-
щейся мельницей — обнять тебя.

1921. Май

VI

ПУТИ ТАМИНО

ЛЕТАЮЩИЙ МАЛЬЧИК

Звезда дрожит на нитке,
Подуло из кулис...
Забрав свои пожитки,
Спускаюсь тихо вниз.

Как много паутины
Под сводами ворот!
От томной каватины
Кривит Тамино рот.

Я, видите ли, Гений:
Вот — крылья, вот — колчан.
Гонец я сновидений,
Жилищ волшебных стран.

Летаю и качаюсь,
Качаюсь день и ночь...
Теперь сюда спускаюсь,
Чтоб юноше помочь.

Малеванный тут замок
И ряженая знать,
Но не легко из дамок
Обратно пешкой стать.

Я крылья не покину,
Крылатое дитя,
Тамино и Памину
Соединю, шутя.

Пройдем огонь и воду,
Глухой и темный путь,
Но милую свободу
Найдем мы как-нибудь.

Не страшны страхи эти:
Огонь, вода и медь,
А страшно, что в квинтете
Меня заставят петь.

Не думай: „не во сне ли?“
Мой театральный друг.
Я сам на самом деле
Ведь только прачкин внук.

1921

FIDES APOSTOLICA

Et fides Apostolica
Manebit per aeterna...
Я вижу в лаке столика
Пробор, как у экстерна.

Рассыпал Вебер утренний
На флейте брызги рондо.
И блеск щеки напудренной
Любого демимонда.

Засвиристит без совести
Малиновка соседка,
И строки вашей повести
Летят легко и едко.

Левкой ли пахнет палевый
(Тень ладана из Рима?)
Не на заре ль узнали вы,
Что небом вы хранимы?

В кисейной светлой комнате
Пел ангел — англичанин...
Вы помните, вы помните
О веточке в стакане,

Сонате кристаллической
И бледно-желтом кресле?
Воздушно-патетический,
И резвый росчерк Бердсли!

Напрасно ночь арабочка
Сурдинит томно скрипки, —
Моя душа, как бабочка,
Летит на запах липки.

И видит в лаке столика
Пробор, как у экстерна,
Et fides apostolica
Manebit per aeterna.

1921

Брызни дождем веселым,
Брат золотой Апреля!
Заново пой свирель!
Ждать уж недолго пчелам:
Ломкого льда неделя,
Голубоватый хмель...

При свете зари неверной
Загробно дремлет фиалка,
Бледнеет твоя рука...
Колдует флейтой пещерной
О том, что земли не жалко
Голос издалика.

1922

Вот после ржавых львов и рева
Настали области болот,
И над закрытой пастью зева
Взвился невидимый пилот.

Стоячих вод прозрачно-дики
Белесоватые поля...
Пугливый трепет Эвридики
Ты узнаешь, душа моя?

Пристанище! поют тромбоны
Подземным зовом темноты.
Пологих гор пустые склоны —
Неумолимы и просты.

Восточный гость угас в закате,
Оплаканно плывет звезда.
Не надо думать о возврате
Тому, кто раз ступил сюда.

Смелее милая подруга!
Устала? на пригорке сядь!
Ведет причудливо и туго
К блаженным рощам благодать.

1921

Я не мажусь снадобьем колдуний,
Я не жду урочных полнолуний,
Я сижу на берегу,
Тихий домик стерегу
Посреди настурций да петуний.

В этот день спустился ранним рано
К заводям зеленым океана, —
Вдруг соленая гроза
Ослепила мне глаза —
Выплеснула зев Левиафана.

Громы, брызги, облака несутся...
Тише! тише! Господи Иисусе!
Коням — бег, героям — медь.
Я — садовник: мне бы петь!
Отпусти! Зовущие спасутся.

Хвост. Удар. Еще! Не переспорим!
О, чудовище! нажрися горем!
Выше! Выше! Умер? Нет?...
Что за теплый, тихий свет?
Прямо к солнцу выблеван я морем.

1922. Май

ПЕРВЫЙ АДАМ

Йони-голубки, Ионины недра,
О, Иоанн Иорданских струй!
Мирты Киприды, Кибелины кедры,
Млечная мать, Маргарита морей!

Вышел вратами, немотствуя Воле,
Влажную вывел волной колыбель.
Берег и ветер мне! Что еще боле?
Сердцу срединному солнечный хмель.

Произрастание — верхнему севу!
Воспоминание — нижним водам!
Дымы колдуют Дельфийскую деву,
Ствол богоносный — первый Адам!

1922. Май

Весенней сыростью страстной седмицы
Пропитан Петербургский бурый пар.
Псковское озеро спросонок снится,
Где тупо тлеет торфяной пожар.

Колоколов переплывали слитки
В предпраздничной и гулкой пустоте.
Петух у покривившейся калитки
Перекликался, как при Калите.

Пестро и ветренно трепался полог,
Пока я спал. Мироний мирно плыл.
Напоминание! твой путь недолог
Рожденный вновь, на мир глаза открыл.

Подводных труб протягновенно пенье.
Безлюдная, дремучая страна!
Как сладостно знакомое вельенье,
Но все дрожит душа, удивлена.

1922

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА

Я шел дорожкой Павловского парка,
Читая про какую-то Элизу
Восемнадцатого века ерунду.
И было это будто до войны,
В начале Июня, жарко и безлюдно.
„Элизиум, Элиза, Елисей“,
Подумал я и вдруг мне показалось,
Что я иду уж очень что-то долго:
Неделю, месяц, может быть года.
Да и природа странно изменилась:
Болотистые кочки все, озерца,
Тростник и низкорослые деревья,—
Такой всегда Австралия мне снилась,
Или вселенная до разделенья
Воды от суши. Стаи жирных птиц
Взлетали невысоко и садились
Опять на землю. Подошел я близко
К кресту высокому. На нем был распят
Чернобородый ассирийский царь.
Висел вниз головой он и ругался
По матери, а сам весь посинел.

Я продолжал читать, как идиот,
Про ту же все Элизу, как она
Забыв, что ночь проведена в казармах,
На утро удивилась звуку труб.
Халдей, с креста сорвавшись, побежал
И стал точь в точь похож на Пугачева.
Тут сразу мостовая проломилась,
С домов посыпалась штукатурка,
И варварские буквы на стенах
Накрасились, а в небе разливалась
Труба из глупой книжки. Целый взвод
Небесных всадников в персидском платьи
Низринулся,— и яблонь зацвела.
На персях у персидского Персея
Змея свой хвост кусала кольцевидно,
От Пугачева на болоте пятка
Одна осталась грязная. Солдаты
Крылатые так ласково смотрели,
Что показалось мне,— в саду публичном
Я выбираю крашенных мальчишек.
„Ашанта бутра первенец Первантра!“
Провозгласили,— и смутился я,
Что этих важных слов не понимаю.
На облаке ж увидел я концовку,
Гласящую: конец второго тома“.

1922

VIII

ЛЕСЕНКА

ЛЕСЕНКА

Опусти глаза, горло закинь!
Белесоватая без пятен синь...
Пена о прошлом напрасно шипит.
Ангелом юнга в небе висит.
Золото Рейна... Зеленый путь...
Странничий перстень, друг не забудь.

Кто хоть однажды не смел
Бродяжно и вольно вздохнуть,
Завидя рейнвейна звезду
На сиреновом (увы!) небосклоне?
Если мы не кастраты и сони,
Путь — наш удел.
Мертв без спутника путь,
И каждого сердце стучит: „найду!“

Слишком черных и рыжих волос берегись:
Русые — вот цвет.
Должен уметь
Наклоняться,
Подниматься
Бегать, ходить, стоять,
Важно сидеть и по детски лежать,
Серые глаза, как у друга,
Прозрачны и мужественны мысли,
А на дне якорем сердце видно,
Чтоб тебе было стыдно
Лгать
И по женски бежать
В пустые обходы.
Походы
(Труба разбудит) ждут!
Всегда опоясан,
Сухие ноги,
Узки бедра,
Крепка грудь,
Прям короткий нос,
Взгляд ясен.
Дороги
В ненастье и ведра,
Битвы, жажду,
Кораблекрушенья, —
Все бы с ним перенес!

Все, кроме него, забудь!
Лишний багаж — за борт!

Женщина плачет

Засох колодезь, иссяк...
Если небо не шлет дождей,
Где влаги взять?
Сухо дно моря,
С руки улетел сокол
Не за добычей обычной.
Откуда родятся дети?
Кто наполнит мир,
За райскую пустыню ответит?
Тяжелей, тяжелей
(А нам бы все взлегчиться, подняться)
Унылым грузилом
В темноту падаем.

Критски ликовствуя,
Отрочий клик
С камня возник,
Свят, плоского!

Гелиос, Эрос, Дионис, Пан!
Близнецы! близнецы!
Где двое связаны — третье рождается.
Но не всегда бывает тленно.
Одно, знай, — неизменно:
Где двое связаны, третье рождается.

Спины похитились
Впадиной роз,
Радуйтесь: рос
Рок мой, родители!

Гелиос, Эрос, Дионис, Пан!
Близнецы! близнецы!

Рожаемое тело небу угодно,
Угоден небу и рождаемый дух...
Если к мудрости ты не глух,
Откроешь, что более из них угодно.

Близнецы, близнецы!

Частицы, семя,
Легкий пух!
Плодовое племя,
Молочный дух!
Летишь не зря,
Сеешь, горя!

В воздухе, пламени, земле, воде, —
Воскреснет вольный Феникс везде,

Наши глаза полны землею,
Виевы веки с трудом поднимаются,
Смутен и слеп, глух разум,
Если не придет сестра слепая.

Мы видим детей, башни, лес,
Мы видим радугу в конце небес,
Львов морских у льдистых глыб,
Когда море прозрачно, мы видим рыб,
Самые зрячие вскроют живот,
И слышно: каша по кишкам ползет.

Но мы не видим,
Как рождаются мысли, — взвесишь ли?
Как рождаются чувства, — ухватишь ли?
Как рождается Илиада — откуси кусок!
Как летают ангелы, — напрасно нюхать!
Как живут покойники, — разговорись!

Иногда мы видим и не видим вместе,
Когда стучится подземная сестра,
И мы говорим: „что за сон!“
А смерть, — кто ее видел?

Кроты, кроты, о чем вы плачете?
Юнга поет на стройной мачте:

— Много каморок у нас в кладовой,
Клады сияют, в каждой свой.
Рожь ты посеешь, — и выйдет рожь,
Рожь из овса — смешная ложь.

Что ребенка рождает? Летучее семя.
Что кипарис на горе вздымает? Оно.
Что возводит звенящие пагоды? Летучее семя.
Что движением кормит Divina Comedia? Оно!
Что хороводы вверх водит
Платоновских мыслей
И Фокинских танцев,
Серафимских кругов?
Летучее семя.

Что ничего не рождает,
А тяжелой смертью
В самом себе лежит,
Могильным, мокрым грузом?
Бескрылое семя.

Мы путники: движение — обет наш,
Мы — дети Божьи: творчество — обет наш,
Движение и творчество — жизнь,
Она же Любовь зовется.
Движение только вверх:
Мы — мужчины, альпинисты и танцоры.
Воздвиженье!

В тени Бразильской Бросельяны
Сидели девушки кружком,

Лиловые плетя лианы,
Над опустелым алтарем.

„Алác! Алác! Нашло бесплодьє!
Заглох вещательный Мерлин.
Точил источник половодье
Со дна беременных долин.

Пары сырые ветр разгонит,
Костер из вереска трещит.
„Алác, Алác!“ удод застонет,
И медно меркнет полый щит.

Любовь — движенье,
Недвижный не любит,
Без движенья — не крылато семя,
Девы Бросельянския.

Отвечали плачем Мерлиновы:

— Бесплодие! Бесплодие!
Алác! Алác!
Двигался стержень,
Лоно недвижно.
Семя летело,
Летело и улетело,
А плода нет.—

Удоды, какаду, пересмешники,
Фламинго, цапли, лебеди
Захлопали крыльями,
Завертели глазами.

Алác, Алác!
А плода нет!

Над лесом льдина плывет;
На льдине мальчик стоит,
Держит циркуль, весы и лесенку.
Лесенка в три ступеньки.

Лесенка золотая,
Мальчик янтарный,
Льдина голубая,
Святой Дух розовый.

— Девы Бросельянские,
Умеете считать до трех?
Не спросит Бог четырех.
Глаза протри:
Лесенка, — раз, два, три
Только: раз, два, три,
А не три, два, раз, —
Иначе ничего не выйдет у нас.
Я говорю о любви,

О том же думаете и вы.
Где раз и два,
Там и три.
Три-одно не живет.
Раз и три,
Два и три,
Опять не живет.
Скакать и выкидывать нельзя.

Такая загадка.
Разгадаете — все вернется.
Раз для двух,
Два для раза,
Три для всех.
Если раз для всех
Два плачет,
Если два для всех
Раз плачет,
А три не приходит.

Только три для всех,
Но без раза для двух
И без двух для раза.
Трех
Для всех
Нет, —
Вот и весь секрет! —

Мыс запылал меж корабельных петель,
Вином волна влачится за кормой.
Все мужество, весь дух и добродетель
Я передам тебе, когда ты — мой.

Кто любит, возвышается и верен,
В пустынях райских тот не одинок,
А путь задолго наш судьбой измерен.
Ты — спутник мой: ты — рус и светлоок.

1922

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

СТИХИ ОБ ИСКУССТВЕ

Косые соответствия	9
Как девушки о женихах	10
Невнятен смысл твоих велений	11
Легче пламени	12
Искусство	13
Муза	14
В раскосый блеск зеркал	15
Музыка	16
Мы на лодочке катались	17
Сердце	23
Артезианский колодец	25
Муза-Орешина	26
Новый Озирис	28

II

ПЕСНИ О ДУШЕ

По черной радуге мушиного крыла	33
Вот барышня под белою березой	34
Бегущая девочка	35

Любовь	38
Ариадна	39
Стеклояно сердце	40

III

МОРСКИЕ ИДИЛЛИИ

Элегия Тристана	43
Сумерки	44
Безветрие	45
Купанье	46
Звезда Афродиты	48

IV

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ

Приглашение	53
Флорентийское утро	54
Родина Вергилия	55
Поездка в Ассизи	56
Коливей	58
Венецианская луна	59
Катакомбы	60

V

Пламень Федры	63
-------------------------	----

VI

ВОКРУГ

Любовь чужая зацвела	71
А. Радловой	72

Поручение	73
Рождество	75
Зеленая птичка	76
Английские картинки	78
а) Осень	78
б) Именины	80
в) Возвращение	81
У печурки самовары	82
На площадке пляшут дети	83
Барабаны воркуют дробно	84
Сквозь розовый утром	85

VII

ПУТИ ТАМИНО

Летающий мальчик	89
Et Fides Apostolica	91
Брызни дождем веселым	93
Блаженные рожи	94
Иона	95
Первый Адам	96
Весенней сыростью	97
Конец 2 ^{го} тома	98

VIII

Лесенка	103
-------------------	-----

М. КУЗМИН

НОВЫЙ ГУЛЬ

„ACADEMIA“

1924

Посвящается Л. Р.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Американец юный Гуль *)
Убит был доктором Мабузо:
Он так похож... Не потому ли
О нем заговорила муза?
Ведь я совсем и позабыл,
Каким он на экране был!

Предчувствий тесное кольцо
Моей душою овладело...
Ах, это нежное лицо,
И эта жажда жизни смелой,
И этот рот, и этот взор,
Где спит теперь мой приговор!

*) Гуль и гипнотизер Мабузо—действующие лица в известной кинематографической картине «Доктор Мабузо». Взаимоотношения их отчасти выясняются из данного стихотворения.

М. К.

Все узнаю... вот он спит
(Иль это Вы сидите?) в ложе.
Мабузо издали глядит...
Схватились за голову... боже!
Влюбленность, встречи, казино...
Но выстрел предпрещен давно.

Конечно, Вы судьбе другой
Обречены. Любовь и слава!
У жизни пестрой и живой
Пивив смертельной отравы,
Направить верно маруса
Под золотые небеса.

Но так же пристально следит
За Вами взгляд, упрям и пылок.
Не бойтесь: он не повредит,
Не заболит у Вас затылок.
То караулит звездочет,
Каким путем звезда течет.

Март 1924.

ФЕВРАЛЬ—МАРТ
1924 года.

1.

Ты слышишь ветер? Солнце и февраль!
Зеленый рай, Тристанов Irish boy!
Крестильным звоном задрожал хрусталь...
Лопавых тополей теперь не жаль:
Взвился пухатый парус над тобой.

— Подобно смерти промелькенье.—
Один восторг, одно волненье
Сулит летучее движенье,
Где радостна сама печаль.

Не писанная—мокрая река,
Не призрачный—любвиый, крепкий руль,
Жасминный дух плывет издалека...
И разгорается заря, пока
Не перестанет улыбаться Гуль...

В любви расплавятся сомненья.
Одна весна, одно влеченье!
Протянута, как приглашенье,
К тебе горячая рука.

Февраль 1924.

2.

Античность надо позабыть
Тому, кто вздумал Вас любить,
И отказаться я готов
От мушек и от париков.
Ретроспективный рекви́зит
Неу́жной вето́шью лежит,
Сего́дняшний, крылатый час
Сместся из зыблящих глаз,
А в глубине, не искривлен,
Двойник мой верно прикреплен.
Я все забыл и все гляжу, —
И «Orbus pictus» *) нахожу.

*) «Orbus pictus». — «Вселенная в картинах» — распространенные в старину альбомы — географическая, этнографическая, историческая и ремесленно-художественная наглядная энциклопедия. Особенно замечательна «Orbus pictus» Д. Ходовецкого с учебными.

Тут — Моцарт, Гофман, Гете, Рим, —
Все, что мы любим, чем горим,
Но не в туман облечено,
А словно брызнуло вином
Воспоминаний. Муза вновь,
Узнав пришельцу любовь,
Черту проводит через ладонь...
Сферически трещит огонь...

Февраль 1924.

3.

Я этот вечер помню, как сегодня...
И дату: двадцать третье ноября.
Нас музыка, прелестнейшая сводня,
Уговорила, ветренно горя.

Недаром шел я «Случай и Дорину» *),
Пропагандируя берлинский нрав!
Мне голос вторил: «Вас я не покину,
Открой глаза, сомненья отогнав».

Вдруг стало все так ясно, так желанно,
Как будто в руку мне вложили нить.
И я сказал: «Быть может, это — странно,
Но я Вас мог бы очень полюбить!»

С каким слова приходят опозданием!
Уж сделался таинственным свиданием
Простой визит, судьбу переменив.
А дурочка Дорина с состраданием
Нас слушала, про шизми позабыв,
Как будто были мы ее созданием!

Февраль 1924.

*) «Дорина и случай» (Dorine und der Zufall) — оперетта Жюль
Бера 1923 г.

4.

Разлетаются, как птицы,
Своевольные мечты.
Спится мне, или не спится,
Но всегда со мною ты.
Притворяться не умею,
А всего сказать не смею,
 И робею,
 И немею
У пленительной черты.

От весеннего похмелья
Каруселью голова..
Сладость этого веселья
Мне знакома и нова!
Как должны быть полновесны,
Необычны, неизвестны,
 И чудесны,
 И прелестны
Легковесные слова!

**И беру, приготовившикой,
Логарифмов толстый том.
Не портю, а ворюшкой
Чувствую себя во всем!
Но замки, замки,
Неумелость, лепетанье,
 И молчанье,
 И желанье —
Все о том, о том, о том!**

Февраль 1924.

5.

К Вам раньше, знаю, прилетят грачи.
И соловьи защелкают на липах,
И талый снег в канавах побежит...
Но ласточки, что делают весту
И вечера жемчужные пророчат,
Уж прочертили небеса мои,
И если легкой рябью ваших глаз
Коснулся,—то было отраженье
Моиx зрачков, узорных и смущенных.

Февраль 1924.

6.

Он лодку оттолкнул. На сером небе
Заметил я неясную фигуру.
Высокий, плоский берег только тучи
Давал мне видеть, да пучки травы.
Его лицо наклонено ко мне..
Я пристально старался угадать,
Не тот ли он, о ком мне говорили.
Глаза смотрели смело и легко,
Прелестный рот, упрямый подбородок,
И ожидание далеких страстей,
Друзей, завоеваний и побед..
Но в юности такое выраженье,
Пытливое и нежное, встречаем
Довольно часто... Вдруг он улыбнулся.
Я посмотрел еще раз и сказал:
«Мне говорили... нас предупреждали,
Что в этом месте, в этот день и час
Мы встретим человека, но приметам

Похожего на Вас. Он—тайный друг
И уготован для любви и славы,
Быть может, это Вы? Тогда садитесь,
Поедьте,—нам надо торопиться.
Но может быть... Я слышу запах роз...
Высокий берег этот так келепо
Устроил, что никак нельзя узнать,
Что дальше там находится. Наверно,
Там—поле, сад и Ваш отцовский дом,
Невеста и шотландская овчарка...
Пожалуй, все это придется бросить,
Коль не хотите, сидя Вы на месте,
Скончаться мирно мировым судьей.
А если, мистер, Вы — простой прохожий
И просто так мою толкнули лодку,
Благодарю Вас и за то. Услуги
Я не забуду Вашей!.. Добрый путь!..
А очень жаль...»

Март 1924.

7.

Слова — как мирный договор:
Параграфы и пункты,
Но прозвенел веселый взор,
Что к плаванию весна.

Взлетит волна, надет волна...
Мы не боимся качки!
Кому Голконда суждена,
Тому — не гладкий путь.

Люби одно, про все забудь!
За горизонтом звезды...
В единый вздох вместила грудь
И море и поля.

Стою у смуглого руля, —
Безлюдно в плоском блеске,
Но с мачты, пристани суля,
«Любовь кричит: «Земля!»

Март 1924.

8.

Я мог бы!.. мертвые глаза
Стеклались в прорезах узких,
И ни усмешка, ни слеза
Не оживят их отблеск тусклым!..
Целую... ближе... грудь тепла...
Ни содрогания, ни пульса...
Минута в вечность протекла...
Непрерываемо искусство!

Я мог бы!.. в комнате своей
Встаете Вы. Луна ущербна.
Сомнамбулических очей
Недвижен взгляд. Утихло сердце...
Проспект, мосты, и сад, и снег —
Все мимо... Незаметно встречных...
Автоматический свой бег
Остановили... Церь и свечи...

Я мог бы, мог!. Напрасный бред!
Надежде верить и не верить,
Томительно ловить ответ
В твоих глазах прозрачно серых.
Взлетать и падать... Жар и лед...
Живое все — блаженно шатко, —
Таких восторгов не дает
Каббалистическое счастье.

Март 1924.

9.

Уходит пароходок в Штеттин,
Остался я на берегу.
Не знаменит и незаметен, —
Так больше жить я не могу!

Есть много разных стран, конечно,
Есть много лиц, и книг, и вин, —
Меня ж приковывает вечно
Все тот же взор, всегда один.

Ведь не оставишь сердца дома,
Не запереть любви на ключ...
Передвешенная истома,
Хоть ты остановись, не мучь!

Ну, вот и солнце, вот и тает...
Стекло блестит, сверкает глядь...
Любовь весенними считает
Лишь те часы, что под ле Вас.

Мы ясновидим не глазами,
Не понимаем сами, чем,
А мне весь мир открылся Вами,
Вдали от Вас я — слеп и нем.

Без Вас и март мне не заметен,
Без Вас и думать не могу...
Пусть пароход уходит в Штеттин,
Когда и Вы — на берегу.

Март 1924.

10.

Я имени не назову...
Ни весел, ни печален,
Посея садовод траву
На выступе развалин.
 Свирель поет,
 Трава растет,
А время быстрое не ждет.

Прогулкой служит старый вал,
Покрыт травою юной.
Влюбленный всякий увидал
И башенку за дюной,
 И дальний бор,
 И косогор,
И моря плоского простор...

Пришел и прежний садовод:
— Ого, как дуг-то зелен!
Не думал я, что проживет
Зерно в сени расселин! —
 Медяный дух,
 Жужжанье мух,
Да вдалеке дудит пастух.

Находит сладкий, теплый сон..
Вдруг голос, прост и тонок,
Пост: «Ты спишь, Эдипион,
Магический ребенок!
 Меня взрастил,
 Себя пленил,
Прими ж ирток взаимных сил».

Март 1924.

11.

Держу невиданный кристалл,
Как будто множество зеркал
Соединило грани.
Особый в каждой клетке свет:
То золото грядущих лет,
То блеск воспоминаний.

Рука волшебною навела
На правильный квадрат стекла
Узорные фигуры:
Моря, леса и города,
Потоки, радуга, звезда,
Все «таинства Природы».

Различных лиц летучий рой:
Поэт, отшельник и герой,
И звуки и дыханья.
И каждый быстрый поворот
Все новую с собой несет
Игру и сочетанье.

Когда любовь в тебе живет,
Стекла ничто не разобьет:
 Ни молоток, ни пуля.
Я ближе подхожу к окну,
Но, как кристалл ни поверну, —
 Все вижу образ Гуля.

Март 1924.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	стр.
Вступление	9
1. Ты слышишь ветер?	13
2. Античность надо позабыть	14
3. Я этот вечер помню, как сегодня	16
4. Разлетаются, как птицы	17
5. К Вам раньше, знаю, прилетят грачи	19
6. Он лодку оттолкнул	20
7. Слова, как мирный договор	22
8. Я мог бы!	23
9. Уходит пароходик в Штеттин	25
10. Я имени не назову	27
11. Держу невиданный кристалл	29

М. Кузмин

Ф О Р Е Л Ь Р А З Б И В А Е Т
Л Е Д

• • • • •
1925 1928

1929

Издательство Писателей в Ленинграде

ПЕРВОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Ручей стал лаком до льда.
Зимнее небо учит.
Леденцовые цыпи
Ломко брянчаг, как лютин
Ударь, форель, проворней!
Тебе надоело ведь
Солнце авваамрином
И птиц скороходом — тень.
Чем круче сжимаешься
Звук резче, возврат дружбы.
На льду стоит крестьянин.
Форель разбивает лед.

В ГОРОФ ВСТУПЛЕНИЕ

Непрощенные гости
Сошлись ко мне на чай,
Тут, хочешь или не хочешь,
С улыбкою встречай.

Глаза у них померкли
И пальцы словно воск.
И нищенски играет
По швам убогий лоск

Забитые названия,
Небывшие слова...
От темных разговоров
Тупеет голова .

Художник утонувший
Голочет каблучком,
За ним гусарский мальчик
С простреленным виском...

А вы и не рождались
О, мистер Дорнан,
Зачем же так свободно
Садитесь на диван?

Ну, память — экономка
Воображение -- боу,
Не пропущу вам даром
Проделки я такой!

ПЕРВЫЙ УДАР

Стояли холода, и шел „Гринган“.
В оркестре мело раннее море,
Зеленый край за паром голубым,
Остановившееся дико сердце.
Никто не видел, как в театр вошла
И оказалась уж сидящей в ложе
Красавица, как пологно Брюлова.
Такие женщины живут в романах,
Встречаются они и на экране...
За них свершают кражи, преступления,
Подкармливают их кареты
И отравляются на чердаках.
Теперь она внимательно и скромно
Следила за смертельной любовью,
Не поправляя алого платочка.
Что стоило у ней с жемчужного плеча,
Не замечая, что за ней упорно
Следят в театре многие бинокли...
Я не был с ней знаком, но все смотрел
На полумрак пустой, казалась, ложи.
Я был на спиритическом сеансе,
Хоть не люблю спиритов, и казался
Мне жалким медиум забитый чех.
В широкое окно лился свободно
Голубоватый леденящий свет.
Луна как будто с севера светила
Исландия, Гренландия и Тула,
Зеленый край за паром голубым...
И вот я помню: тело мне сковала
Какая-то дремота перед взрывом.
И ожидание, и оглашение,
Последний стыд и полное блаженство

А легкий стук внутри не прерывался,
Как будто рыба бьет хвостом о лед...
Я встал, шатаясь, как слепой лунатик
Дошел до двери . Вдруг она открылась .
Из аванложи вышел человек
Лег двадцати, с зелеными глазами,
Меня он принял будто за другого,
Пожал мне руку и сказал „покурим!“
Как сильно рыба двинула хвостом!
Безволие - - преддверье высшей воли!
Последний стыд и полное блаженство!
'Зелечый край за паром голубым!

ВТОРОЙ УДАР

Кони бьются, храпят в испуге,
Синей лентой обвиты дуи,
Волки, снег, бубенцы, пальбы!
Что до страшной, как ночь, расплыви!
Разве дрогнут гвои Карпаты?
В старом роге ластынег мед?

Полость треплется, диво - птица,
Визг полозьев — „гайда, Марица!“
Стоп .. бежит с фонарем гайдук .
Выл кляое твое домовье:
Свет мидонны у изголовья
И подкова храниг порои.

Галереи, сугроб на крыше,
За шпалерой скребутся мыши,
Чепраки, кружева, ковры!

Тяжело от парадных спавен!
А в камин целый лес навален.
Словно ладан шипит смола...

Отчего ж твои губы желты?
Сам не знаешь, на что пошел ты?
Тут о шутках, дружок, забудь!
Не богемских лесов вампиром
Смертным братом пред целым миром
Ты назывался, так будь же брат!

А алконы у нас в остроте.
Ах, привольны они и строги
Кровь за кровью, за любовью любовь
Мы берем и даем по чести.
Нам не надо кровлвой месги
От ларока развяжет бог

Сам себя осуждает Каин
Поблудил молодой хозяин
Резанул по ладони вкось...
Тихо каплет кровь в стаканы
Звук обмена и звук охраны.
На конюшню везут коней .

ТРЕТИЙ ЭТАП

Как недобитое крыло,
Висит модель: голландский богик.
Оранжевое светло
В стекле подобных библиотек.

Вчерашняя езда и нож,
И клятвы в диком иступленьи
Пророчили мне где-то ложь,
Пародию на преступленье . .

Узнать хотелось . . Очень жаль . . .
Но мужественный вид комфорта
Доказывал мне, что чокаль
Не для бесед такого сорта.

Вы только-что ушли, Шекспир
Открыт, дымится папироза . . .
„Сонеты!“ . Кляк несложен мир
Под мартовский напев вопроса!

Как тает снежное шитье.
Весенними гонясь лучами,
Так юношеское житье
Идет капризными путями!

ЧЕТВЕРТЫЙ УДАР

О этот завтрак так почок
На оркестрованные дни,
Когда на каждый явук и мысль
Встает, любя, противопес:
Рожок с кларнетом говорит,
В объятьях арфы флейта спит,
Вещает траурный тромбон -
Покойникам приятен он

О, этот завтрак так похож
На ярмарочных близнецов:
Одни живот, а сердца два,
Две головы, одна спина...
Родились так, что просто срам,
И тайна непонятна нам.
Буквально выразил обмен, —
Базарный выйдет феномен

Ты просыпался — я не сплю,
Мы два крыла — одна душа,
Мы две души — один творец.
Мы два творца — один венец...
Зачем же заперт чемодан
И взял на станции билет?
О, этот завтрак так похож
На подозрительную ложь!

ПЯТЫЙ УДАР

Мы этот май проводим как в деревне
Спустили штормы, сняли пиджаки,
В переднюю бильярд перетащили
И половину дня стучим киями
От явтрака до чая. Ранний ужин.
Встапанье на заре, купанье, день...
Раз вы уехали, казалось нужным
Мне жить, как подобает жить в разлуке
Немного скучно и гигиенично.
Я даже не особенно ждал писем
И вадрогнул, увидевши штемпель. „Гринюк“
— Мы этот май проводим как в бреду,

Безумству шиповник, море сине,
И Элинор прекрасней, чем всегда!
Прости, мой друг, но если бы ты видел,
Как поутру она в цветник выходит
В голубовато-серой амазонке, --
Ты понял бы, что страсть сильнее воли.
Так вот она - зеленая страна! --
Кто вдумал, что мирные пейзажи
Не могут быть ареной катастроф?

ШЕ С Т О Й У Д А Р *Баллада*

Ушел моряк, румян и рус,
За дальние моря.
Идут года, седает ус,
Не ждет его семья.
Уж бабушка за упокой
Молилась каждый год,
А у невесты молодой
На сердце тяжкий лед.
Давно убрали со стола,
Собака гложет кость,
Завылка, морду подняла...
А на пороге гость
Стоит моряк, лет сорока.
Кто тут хозяйн? Эй!
Привез я весть издалека
Для миссис Анны Рэй.
- Какие вести скажешь нам?
Жених погиб давно! --
Он засучил рукав, в том
Родимое платно

Я Эрвин Грин. Прошу встречать! —
Без чувств невеста — хлоп...
Отец заплакал, плачет мать,
Целует сына в лоб.
Везде звонят колокола
„Динг-донг“ среди равнин,
Всичаться Анна Рэй пошла,
А с нею Эрвин Грин.
С волынками проводят их,
Оставили вдвоем
Она: — Хочу тебя, жених.
Спросить я вот о чем:
Объездил много ты сторон,
Пока жила одной, —
Не позабыл ли ты закон
Своей страны родной?
Я видела: не чтишь святынь.
Колен не преклонял,
Не отвечаешь ты „аминь“,
Когда поют хорал,
В святой воде не мочишь ружь,
Сядишь с без креста, —
Уж не отнергся ли ты, друг,
Списигеля Христа?..
— Ложись спокойно, Анна Рэй,
И вздрфа не мели!
Знать, не видала ты людей
Из северной земли
Там светит всем зеленый свет
На небе, на земле,
Иа-под лоды выходит цвет
Как сердце на стебле,
И все ясней для смелых душ
Замерзшая звезда ..

А твой ли я жених и муж,
Смотри, смогни сюда! —
Сна гадит и так и сяк, —
В себя ей не прийти...
Сорокалетний где моряк,
С которым жизнь вести:
И благороден, и высок,
Морщины не отыскать,
Ресницы, брови и виски, —
Ну, глаз не оторвать!
Румянец нежный заиграл,
Зарделся щек, —
Тяжким никто ведь не шлопа
И в детстве морилка,
И волос тонки словно лан,
И губы горячей,
Чудесной силой наделен
Зеленый блеск очей...
И вспомнилось, как много лет...
Тут... в камке... на горе...
Скончался юный баронет
На утренней заре.
Цветочком в гробе он лежал,
И убивалась мать,
А голос Аннушке шептал
«С таким бы вот поспать!»
И легкий треск, и синий воя,
И огоньки кругом,
Зеленый и холодный сон
Окутал сиящий дом.
Она горит и слезы льет,
Молится ей не в мочь.
А он стоит, ответа ждет...
Звонит тихонько ночь ..

— Быть может, душу я гублю.
Ты, может, сатана
Но я таким тебя люблю,
Твоя на смерть жена!

СЕДЬМОЙ УДАР

Неведомы купальщик
Купается тайком.
Он водит простодушно
Обиженным глазом
Напрасно прикрываешь
Спиданность наготы, --
Проходим деревенским
Ненигерсен ты.
Перекрестился мелко,
Нырнул с обрыва вниз .
А был бы ты умнее,
Так стал бы сам Нарцисс.
И кошки, и стрекозы,
И сельский солищенек ..
Ты в небо прямо смотришь
И от земли далекий ..
Намек? . Воспоминанье?
Все тело под водой
Блестит и оглаивает
Зеленою слюдой
Держи скорей напев
И напынешь на мель! .
Серебряная бьется
Фирель, фирель фирель!

ВОСЬМОЙ УДАР

На составные части разлагает
Кристалла лучи — и радуга видна,
И вайчики веселые живут.
Чтоб вновь родиться, надо умереть
Я вышел на крыльцо, темнели розы
И пахли розовою плавцаницей
Закатное малиновое небо
Чертили ласточки, и пруд блестял.
Вдали пылало стадо. Вдруг я вижу
Автомобиль несется как стрела
(Для здешних мест редчайшее явление)
И развеивается зеленый плащ.
Я не успел еще сообразить,
Как уж смогнул в зеленые глаза,
И руку жали мне другие руки,
И пыльное усталое лицо
Попрежнему до боли было мило.
— Вот я пришел... Не в силах . Погибаю
Наш ангел превращений отлетел.
Еще исниного - я совсем ослепну,
И станет роза розой, небо небом,
И больше ничего! Тогда я, прах,
И возвращаюсь в прах! Во мне иссрли
Кровь, желчь, мозги и лимфа. Боже!
И подкрепленья нет и нет обмана!
Несокрушимо окружен стеклом я
И бьюсь как рыба! „А зеленый плащ?“
Зеленый плащ? Какой? „Ты в нем приехал“.
То призрак - нет зеленого плаща.
Американское пальто от пыли,
Перчатки лайковые, серый галстук
И кепка, цветом нежной rose champagne.

„Останься здесь!“ Ты видишь: не могу!
Я погружаюсь с каждым днем все глубже!
Его лицо покрылось мелкой дрожью,
Как будто рядом с ним был вивисек гор.
Поцеловал меня и быстро вышел,
Внизу машина уж давно пытела.
Дней через пять я получил письмо,
Стоял все тот же страшный штампель: „Гринюк“.
— Я все хотел тебе писать, но знаешь,
Забывчивость прощительна при счастье.
А счастье для меня то — Эллинор,
Как роза — роза и окно — окно.
Ведь, надобно признаться, было б глупо
Упрямо утверждать, что все словами
Скрывается какой-то „высший смысл“.
Итак, я — счастлив, прямо, просто — счастлив
Приходит письма к нам на пятый день

ДЕВЯТЫЙ УДАР

Не друзей — приятелей зову я:
С ними лучше время проводить
Что прошло, о том я не горюю,
А о будущем что ворожить?
Не разгул — опрятное веселье,
Гладкие, приятные слова,
Не томит от белых вин похмелье
И исна пустая голова.
Каждый час наполнен так прилежно,
Что для суток сорок их готовь,
И щекочет эпидерму нежно
То, что называется любовь.

Да менять как можно чаще лица,
Не приваляваться к одному.
Неужели мне могли присниться
Бредни про зеленую страну?
— Утонули? — В переносном смысле,
— Гринюк? — Есть, Шотландский горюк.
Все метафоры как дыи повисли,
Не уйдут кольцом под потолок,
Трезвый день разгонит все химеры,—
Можно многие привести примеры.
А голос пел слегка, слегка:
— Шумит зеленая река,
И не спасти нам челнока.
В перчатке лайковой рука
Все будет авать надалеки,
Не примешь в сердце ты пока
Эвина Грина, моряка.

ДЕСЯТЫЙ УДАР

Чередование милых развлечений
Бывает иногда скучнее службы.
Притти на помощь может только случай,
Но случая не придержишь, как Жучку.
Храм случая — игорные дома
Описывать аварт спящих глаз,
Губ перекошенных, помертвевших абор
Не стану я. Под выкрики крупье
Просиживал я ночи напролет.
Казалось мне, снизу я под водою.
Зеленое сушко напоминало
Зеленый край за паром голубым...

Но я искал ведь не воспоминаний,
Которых тщателью я набегал,
А дожидая случая. Однажды
Ко мне подходит некий человек
В больших очках и гоморги: — Как видно,
Вы вовсе не игрок, скорей любитель,
Или, верней, искатель ощущений.
Но в сущности идесь — сгущал тоска!
Одинобрюию и неинтересно.
Теперь еще не поздно. Может быть,
Вы не откажетесь прийти со мною
И осмотреть сибирские небольшие
Диковинки? Изъездила всю Европу
Я с книжк дег; в Египте даже был.
Обращался маленький музей, —
Меж хламом есть запитные вещицы,
И я, как всякий коллекционер,
Целю внимание; без разделения,
Как все другие, эта сгореть -- мертва. —
Я быстро согласился, хоть, по правде
Сказать, не нравился мне этот человечек:
Квавался он пухляком и глухим.
Но было только, целю черноты члс.
И я решительно не знал что делать.
Конечно, если разбираться как случай —
Убого было это приключение!
Мы шли квартал три; подъезд обычный,
Обычные мещанския квартирки,
Обычные подделки екарабев,
Мушкеты, сломанные телескопы,
Подъеденные молью парчки
Да заводные куклы без ключей.
Мне на мозги садилась плутиня,
Поташнивало, голова кружилась,

И я уж собирался уходить . . .
 Хозяин чуть замаялся и сказал:
 Вам, кажется, не нравится? Конечно,
 Для знатока далеко не товар.
 Есть у меня еще одна забава,
 Но не вполне закончена она.
 Я все ищу вторую половинку.
 На-днях, надеюсь, дело будет в шляпе.
 Быть может вгляните? Блинец! Блинец?!"
 - Блинец .И одиночка?" — Одиночка
 Вошли в каморку мы: посередине
 Стоял аквариум, покрытый сверху
 Стеклом голубоватым словно лед.
 В воде форель билась меланхолично
 И мелодично била о стекло.
 Она пробьет его, не сомневайтесь.
 ..Ну, где же ваш блинец?" — Сейчас, терпение
 Он отворил в стене, с ужимкой, шланг
 И отскочил за дверцу. Там, на сугле,
 На коленкорковом зеленом фоне
 Оборванные спало существо
 (Как модница мелькнуло „Калигари!“)
 Сквозь кожу зеленая явственно сквозила,
 Кривились губы горько и преступно,
 Ко лбу прилипли русые колечки
 И билась вена на сухом виске.
 Я с ожиданием и отвращением
 Смотрел, смотрел, не отрывая глаз. .
 А рыба бьет тихонько о стекло . . .
 И легкий треск и синий зыбн смалился .
 Американское пальто и галстук . .
 И кепка цветом нежной розы шампрагле
 Схватился за сердце и дико вскрикнул .
 Ах, боже мой, да вы уже знакомы!"

И даже... может быть... не верю счастью!..
 „Открой, открой зеленые глаза!
 Мне все равно, каким тебя послала
 Ко мне назад зеленая страна!
 Я — смертный брат твой. Поминишь, там, в Кар-
 ватах?
 Шекспир еще тобою не дочтает
 И радугой раскодиет слова.
 Последний стыд и полное блаженство!..“
 А рыба бьет, и бьет, и бьет, и бьет.

ОДИННАЦАТЫЙ УДАР

- Ты дышишь? Ты живешь? Не приврал ты?
 -- Я -- перянец зеленой пустоты.
 -- Я слышу сердца стук, теплеет кровь...
 -- Не умерли, кого зовет любовь...
 -- Румяной щеки, исчезает тлен...
 -- Таинственный свершается обмен...
 -- Что перым обновленный взгляд найдет? —
 -- Цорель, я вижу, разбивает лед. —
 -- На руку обопришь... Попробуй... встань...
 -- Плотнее выветрившаяся ткань...
 -- Зеленую ты повабудишь лень?
 -- Выхожу на следующую ступень! —
 -- И снова можешь духом пламенеть?
 -- Огонь на золото расплавит медь.
 -- И ангел превращений снова здесь?
 -- Да, ангел превращений снова здесь.

ДВЕНАДЦАТЫЙ УДАР

На мосту белочьи кони,
Оснеженные вьюгой,
И, прижав ладонь к ладони,
Быстро едем мы домой.

Нету слоп, одни улыбки,
Нет луны, горит звезда —
Иламенья и ошибки
Протекают как вода.

Вдоль Невы, вокруг канля, —
И по лестнице в кивром
Ты высклелшь как бывало,
Как всегда в липкомый дом.

Для пончика на фарфора,
Для прибора на столе,
И в твоём желеном мире
По две розы на сгледе.

Слышно, на часах в передний
Не веша двенадцать бьет...
То мни форель последний
Рябннвает вонки лед.

Живи мы? и все живые,
Мы мертвы? Завидный гроб!
Чти обряды вековые,
И в бугмани пробка -- хаин!

Места нет печали тмурой;
Ни сомнений, ни забот!
Входи в двери белокурый,
Сумасшедший Новый год!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А знаете? Ведь я хотел сначала
Двенадцать месяцев изобрести
И каждому придумать назначение
Из круга занятий легких и влюбленных.
А вот что получалось! Видно, и
И не влюблен, да и отяжелел.
Толпой нахлынули воспоминания,
Отринки из причудливых романов,
Пожойники ем: шались с живыми,
И так же переживались, что я
И сам не рад, что все это вытесла.
Двадцать месяцев я сохранил
И призрачную для погоды, --
И то не плохо. И потом я верю,
Что лед рубить возможно для форели,
Когда она упорна. Вот и все.

1927

2. П А Н О Р А М А С В Ы Н О С К А М И

**1. ПРИРОДА ПРИРОДСТВЯЮЩАЯ
И ПРИРОДА ОПРИРОДЕННАЯ**

Natura naturans et natura naturata

Кассирша ласково твердила:
— Зайдите, миленький, в барак,
Там вам покажут крокодила,
Там ползает японский рак. —
Но вдруг завила дико пума,
Как будто грешники в аду,
И, озираясь угрюмо,
Сказал я тихо: „Где пойду!
Зачем искать верей опасных,
Резущих на багровой мгле,
Когда на вывесках прекрасных
Они так протки и милы?“

2 ВНОСКА ПЕРВАЯ

Скок, скок!
Лакированный ремешок
Крепче затяни,
Гермес!
Винау, в тени --
Лес ..
Дальше моря,
С небом споря,
Голубеет рог чудес
Следом
За Ганимедом
Спешит вестник.
А прыгун -- предестник
Катит обруч палочкой,
Не думая об обручснви.
Ни об учснви.
Ни ужели ловкий бог,
Идох беременных жен.
Не мог
Догнать простого мальчика.
А пришел
Хохлатый орел
С гор?
Совка, совка, бровь не хмурь
Не зови несносных бурь!
Как завидишь корабли
Из Халдейской из земли,
Повабудешь алую дурь! --

3 МЕЧТЫ ПРИСТЫЖАЮТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Есть ли что-нибудь нелепей,
Когда в комнатке убогой
От земных великолепий
Разбегаются глаза?
По следам науки строгой
Не излечит и Асклепий,
Если висельник двурогий
Заберется вам в глаза.

Комфортабельны покои,
Есть и выезд, и премьеры.
Телефоны и лифтбон,
Телеграммы, вечера.
Всех мастей и всякой меры,
То гурьбою, то их двое,
Молодые кавалеры
Коротают вечера.

Приглашенья и изданыя
На веленовой бумаге,
От поклонников приваныя,
Путешествия, моря,
Легкомысленной отваги
Мимолетные свиданья, --
И сверканья резвой влаги
Разливаются в моря...

Летний сад, надутый геий,
Бестолковый спутник Лева,
Иностранных отделений
Доморощенный Вольтер.

Грустно скажет Бюльбюков...
От бласных сновидений
Впечатленья шкального,
Будто прав мосье Вольтер.

А повны, а романы,
Переписки, мемуары, —
Что же, это все обманы
И приснилось лишь во сне?
Поэтические пары —
Идиотские чурбаны?
И пожары и угары —
Это тоже все во сне?

Право, печалью портрету
Выдесать живьем из рамок.
Если сделала глупость эту,
Получилась чепуха.
Живогисен дальний замок, —
Приблизжаться толку нету:
Ведь для дядек и для мамок
Великий гений - чепуха.

4. УЕДИНЕНИЕ ПИТАЕТ СТРАСТИ

Ау, Сергунька! серый скит оспрегел.
Ау, Сергунька! тихий ангел пролагел.
Куда пойду, кому скажу свою печаль?
Начальным старцам сердца бедного не жаль.
Зайду в покоец — на постели твоя нет,
Зайду в борочек — на полянке тебя нет.
Спускаю к речке — и у речки тебя нет.

На том песочке потерялся милый след.
Войду на клирос и читаю наобум.
Ударь в клепало, не отгонишь грешных дум.

Настань, градовая пора.
Столбом левейся, мошкара!
Конопатка — матушка,
Батюшка — огонь,
Попали тела наши,
Души успокой!

Что сидитесь, что жалеть?
Рав ведь в жизни умереть.
Скидавай кафтан, Сережа.
Помогай нам, святый боже!
Братья все дивуются,
Сестры все красуются.
'1' стоим мы посреди,
Как два отрока в печи,
Хороши и горячи.
Держись удобиси, -- нипкому уж не отдам.
За этот грех ответим пополам!

С ПИ НОСКА В Т О Р А Я

Дымок сладкими вьется.
На завесе — вьезда.
Я знаю: друг мой милая
Потерян навсегда,

Один у нас заступник.
Он в длинном сюртуке
Мскает тонкой палочкой
В грошовом котелке

Заплачено за помощь
(Считал я) пять рублей, —
А сердце бьется верою
Быстрее и веселей.

Мяукает на печке
Какой-то пошлый кот
Помощник остановится,
Отрет платочком пот. .

И дальше зачитает.
Тоска, тоска, тоска!
Прозрачней с каждым словом
Сосновая доска.

Тошнотное круженье .
В руке пустой бокал . .
За сердце я схватился —
И друга увидал.

★ ТЕМНЫЕ УЛИЦЫ РОЖДАЮТ ТЕМНЫЕ ЧУВСТВА

Не так, не так рождается любовь!
Вошла стареющая персидка,
Держа в руках поддельный документ,
И пронеслось в обычном кабинете
Восточным клетком сладостное: -- мечь!
А как неутомим твой легкий шаг,
О, кавалер умученных Жизелей!
Остановился у портьера . стоишь...
Трещит камин, затопленный весною.
Дыханье с той и с этой стороны
Непримиримо сталкивают искры. .

Имагинация замкнула круг
И бешено спасталась в голове.
Уносится тайком чужой портфель.
Подносится отравленная роза,
И пузырьками булькает со дна
Вовмевдне тяжелым водолавом.
Следят за тактом мертвые глаза
И сумочку волною не качает...
Уйди, уйди, не проливалась кровь,
А та безумица давно далеко!
Не говор — шопот, эхо -- не шаги...
Любовь сиротка, кто тебя калечил?
Кто выпивает кровь фарфоровых лиц?
Благословенне или заклятье
Исходит волнами от тонких рук?
Над девичьей постелью в изголовьи
Висит таинственный знакомый знак,
А колдовские сухожилья Винчи
Люциферически возносят тело,
И снова падают природой косной
Где ты, весенняя, сквиэнья роща?
Где ты немолменная дико бровь?
Скорей бежать из этих улиц темных
Поверь, не там рождается любовь!

7 ДОБРЫЕ ЧУВСТВА ПОЫЖДАЮТ
ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Есть у меня вещица --
Подарок от друзей,
Кому она приснится,
Тот не сойдет с ума.

Безоблачным денечком
Я получил ее,
По гатям и по кочкам
С тех пор меня ведет.

Устну ли, вадрыну ли
В неровном я пути, —
Уж руки протянули
Незримые дружи.

Предпел ль малодушным
Мечтальня и тоске, —
Утешинком послушным,
Что Моцарт запоет.

Меж тем она — не носок,
Не флейта, не кларнет,
Но взгляд очей расколых
На ней запечатлен.

И дружба, и искусства,
И белый инакий зал,
Обещанные чупетня
И верные дружи.

Пускай они в Париже,
Берлине или г.е, —
Любимее и ближе
Быть на земле нельзя.

А как та вещь, ловетя,
Я вам не назову, —
Вещунья разобьется
Сейчас же пополам.

8. ВЫНОСКА ТРЕТЬЯ

По неслому морю летит пароход,
Облака раступились что мартовский лед,
И зеленая влага поката,
Кирпичом поначищены ручки кают,
И матросы все в белом сидят и поют,
И будить мне не очется брата.
Ничего не осталось от прожитых дней...
Виду к морю купаться ведут лошадей,
Но не знаю заливу названья
У колющих бока золотые, как рай,
И, играя, кричат пароходу: „прощай!“
Да и я не скажу „до свиданья“
Не у чайки ли спросишь „летишь ты зачем?“
Скоро люди двухлетками станут совсем,
Заводною заскучеет лошадка
Ветер, ветер, летящий, плывучий простор,
Раздувает у брата упрямый винтор. —
И в душе моей пусто и сладко.

Юр. Юрину

Ж. С Е В Е Р Н Ы И В Е Е Р

1

Слоновой кости страус поет
Оледенела Фелиця! –
И лав, и лес, Виндзорский лед,
Китайский лебедь Бердежи снится
Дощечек семь Сомкии, не ней!
Не зней – буква совокупление!
На пчельниках льняных полей
Голубоватое рождение.

Персидская сиринь! „Двенадцатая ночь“
Желтеет колючку водораздел желаний.

Сидит за прялкою придурковато дочь
И не идет она понть псаломских ланей.
Без звонка, через кухню, минуя швейцаря,
Не один, не прямо, прямо и просто
И один,
Как закаяное письмо
С точным адресом под расписку,
Вы пришли.
Я видел глазами (чем же?)
Очень белос лицо,
Светлые глаза,
Светлые волосы,
Высокий для лет рост.
Все было не так.
Я видел не глазами,
Не ушами я слышал:
От желтых обоев пело
Шекспировски плотное тело:
- „За дело, лентяйка, за дело“

4
О, завтрак, чок! о, завтрак, чок!
Поворотись зимой, скачок!
Румяных крыльев какая рань!
Луком улыбки зныло рчень.
Холодный потик рюмку скрил,
Иголкой в плечи - росточек крыл
Апрель январский, Альбер, Альбер,
„Ганец стрекоз“, арена мер!

4
Невидимого шум мотора,
За поворотом сердце бьется.

Рэспирет муза капризную грудь.
В сферу удивленного взора
Алмазный Нью-Йорк беретса
И океанский, горный, полевой путь.
Раскидав могильные обломки,
Готова заплакать от весны незнакомка.
Царица, не верящая своему царству,
Но храбра готова покорить переулок
И поймать золотую пчелу.
Ломаны брови, ломаны руки,
Глаза ломаны.
Пупок то подымается, то опускается...
Жива! Жива! Здравствуй!
Недоверие, смелость,
Желание, робость,
Прелесть перворожденной Евы
Среди австралийских тростников,
Свяст уличного мальчишки,
И ласточки, ласточки, ласточки.

4

.
.
.
.
.
.
.
.

6

На улице моторный фонарь
Днем. Свет без лучей

Казался несдешним рассветом.
Будто и теперь, как встарь,
Заблудился Орфей
Между зимой и летом.
Надеждинская стала лужайкой
С загробными анемонами в руяс,
А Вы, малышкин, идете с Файкой,
Заплетая ногами, вдалеке, вдалеке.
Собака в сумеречном зале
Лает, чтобы вы не ждали.

;

Двечдцать - вещее число
А тридцать Рубиком
Оно носитею несло
Подземных звезд закон
Раскройся, север, плавно ичи,
Пусти все планки в ход.
Жичотные земли, огней,
Ч воздуха и вод
Стихий четыре: север, юг,
И запад, и восток
Корою твердой кроет друг
Живительный росток.
Быть может, в щедром моря
Или лейки нежность лью,
Возьми ее она твоя,
Возьми и яичь мою.

С Чирокшиной

4 П Л Л Ь Ц Ы Д Н Е И

1 ПОНЕДЕЛЬНИК Луна

Прикосновение лунных пальцев
Вставай, лунатик, в путь-дорогу.
Дорога — чище серебра,
Белеет Ева из ребра,

Пронарастают звери, птицы.
Цветы есеут земную грудь.
Все, что свечой в субботу снится,
Ты можешь в небо окунуть

Закладка. Радуга. Молебен
Ковчег строгают старый Ной,
И день простой уже не беден --
Играет радостью иной.

В окошко зорю мирозданья
Пронзает школьникам пегух.
О, первых почек клейкий дух,
О, ранисе в росе свиданье!

2 ВТОРНИК Марс

Приемисто краснея, глаз
Траншен тускло оларяет
Какой неслыханный раская
Глухая пушка повторяет?
Висит туман янтарево,
Столбом тускнеет зарево,
Клокочет в колбе варево,
Из-за моря нам марево
Свары, ссоры
Схватки, своры,
Шпоры, шоры
И барабан, барабан, барабан. .

А люди тонки и стройны,
Неколебимы и высоки,
Как будто стеклами войны
Стекла бушующие соки
Гляди в продольные глаза:
Не в сером вечере гроза,
Блестит каюга на востоке.

Когда вы сидели на кресле, я думал, я думал, я думал
Зачем этот стан, эти ноги и ребра не чоут прижаться,
Зачем не могу я погладить затылок, и плечи, и щеки,
Зачем не измерить, целуя, длину протянувшего тела,
Не вычерпать воду озер, где испуганно «да» рассмеялось?
И в город -- начало конца -- от углички тихо вползали.

1. СРЕДА Меркурий

Меркурий, Меркурий,
Черных курей зарешем.
Рудокоп с ногами крылатыми,
Рулевой задумчиво-юный,
Ходок по морям и по небу,
Безбородый Никола,
Офеня небесный
Без брони, без пики архангел,
Шапка есть у тебя невидимка,
Посошок волшебный,
Учишь купцов торговать,
Корабельщиков плавать,
Повтам нагоняешь сон,
Развязываешь воображенья,
Связываешь несвяуемое,
Изобретать ты учишь
Выходить из положения,
Отталкиваться от земли
И снова к ней прикасаться.
Покор тебе ненавистен,
Умерши ты даешь мудрость.
В любви ты учишь уломкам,
Ревности, нежности,
Ссорам и примиренью.
Переходим к последней победе.
Ты переменчив как радуга,
Твой день посреди недели, --
Катись в любую сторону.
Соро ивы клонятся,
Соро девы клонятся,
Прошуршала конница
Шумом беспумимым

Ветер уважонится
Крылья утяжонятся, —
Веди, бледноколонница,
К думам бездушным.
Пастух и хранитель серебряных полей,
На горячую мажовку молоко пролей!

4. ЧЕТВЕРГ Юпитер

Довольно Я любим. Стоит в вените
Юпитер неподвижный В кабинет
Ко мне вошла советник тайный Гете,
Пожал мне руку и сказал: „Вас ждет
Эрцгерцог на бистон. Кольцо и якорь“.
Закрыв окно, я потушила свечу.

5 ПЯТНИЦА Венера

Кто скривали понижает.
Кто блуждуя весть улавляет.
Тог не удивляется.
Но полям пятнистым идя
И двугуший крест увидя,
Сердцем умиляется

Разоживались вес и мера.
У креста стоит Венера,
Они тонно кружатся
Но морю дымятся флоты,
Пташек мартовских полеты
Радробила лужица.

Нискождение — сострадание.
Восхождение — обладание
 Огибает струями.
О, святейший день недели,
Чтоб не знали и не ели, —
 Жили поцелуями

6 С У Б Б О Т А

Беременная Рай,
Субботу приготовь
 Все вымеси.
 Все вычисти,
Чтоб оживились вновь
Мы запахами рая

О, елка, о, ребята.
О, щука, о, чеснок.
 Не выразить,
 Не высказать
Как жребий наш высок,
Как наша жизнь богата.

Ну, опустите полог.
Считай: рабочих шесть,
 А день седьмой.
 А день святой
На то у бога есть,
Чтобы покой был долон

Теперь тут пахг, тушите свечн
До деловой, жигейской встречи

7 ВОСКРЕСЕНЬЕ

Только колоколам работа.
Равны рябы божин
Паруса опустились
Штиль, безмолвие.
Если я встречу вас, -
Не узнаю
На всех крахмальные воротнички
И шляпы, как на корове седло.
Бездействие долг воячки.
Все блаженно ристекнется
В подобии небытия.
Сердце боится остановок
И думает, что это сон,
Выдуманный Стрра и Лафортон
Подходило бы, чтобы у соседей
Непрерывно играли гаммы
И гуляли принцессы,
Или ваяла от пустоты
Точка, на которой ристекнется
Расходятся будущие лучи

1925

С Н Демьянчу

Б Д Л Я А В Г У С І Л

1 ГИ

Так долго шляпой ты махал,
Что всем ужасно надоел.
Вяла брикетка на прищел,
Подруга всталили „накал“.
И долго крикал капитан,
Который здорово был пьян.

Махал, махал и, наконец,
Когда остался ты один,
Какой-то платный господин
Тебя уведит как отец.
В одной на светленьких кают
Уж скоро рюмки запоют.

Ты треугольник видишь брн
И рядом страсбургский пирог . .
Тут удержишься уж не мож,
Подумал: „Ах, чорт поберн!
Я никогда их не едал,
У Блока кое-что читал“.

Отец неожиданный стороной
Заводит речь о том, о сем:
Да сколько лет, да как живем,
Да есть ли свой у вас портиной . .
То Генрих Манн, то Томас Манн
А сам рукой тебе в карман

Папаша, папа, эй-эй-эй!
Не по отцовски вы смелы .
Но тот, к кому вы так милы,
Выдавший виды воробей
Спустилась шторка на окне,
Корабль несется по волне.

2 ЛУНА

А ну, луна, печально!
Печатать про луну
Считается банально.
Не знаю, почему.

А ты внушаешь знание
И сердцу, и уму.
Понягней расстоянье
При взгляде на луну,

И время, и разлука,
И тетушка искусства,
Оккультная наука,
И много разных чувств

Покойницкие лица
Ты милым придаешь,
А иногда приснится
Приятенькая ложь.

Без всякого умения
Ты крыши зеленишь,
И вызовешь на пенье
Несмысленную мышь.

Ты пугаешь, вещаешь,
Кувыркаешь свой сери
И точно отмечаешь
Лишь прибыль да ущерб

Тебя зовут Геката,
Тебя зовут Пастух,
Коты тебе оплака
Да вороной петух

Не думай, ради бога,
Что ты - хозяйка мне.
Лежит моя дорога
В обратной стороне

Но, чистая невеста
И ведьма, нету злен,
Тебе найдется место
И в повести моей

З а н

Стоит в конце проспекта сад,
Для многих он -- приют усад,
А для друич, ну -- сад, как сад.

У тех, кто ходит и сидят
Особенный какой-то взгляд,
А с виду -- ходит и сидят.

Куда бы ни пришлось идти, --
Все вот сад мне по пути,
Никак его не обойти.

Уж в августе темнее ночи,
А под деревьями еще темнее
Я в сад не заходил нарочно
Попутчика нашел себе случайно
Он был высокий, в серой кепке,
В потертом несколько, но чистом платье.
Я голоса его не слышал --
Мы познакомились без разговоров,
А мне казалось, что, должно быть -- друицай.

На Вознесенском ближе дом ..
Мы скоро до него дойдем .
Простите, очень грязный дом.

Улыбка бедня скольконит.
Какой у Вас знакомый вид!
Надежды, память -- все скольконит.

Ведь не был я несколько пьян.
Но рот, фигура и туман
Твердили -- ты смертельно пьян!..

60

Разделся просто, детски лег. .
Метафизический намек
Двусмысленно на сердце лег

4. ТОТ

Поверим ли словам цыганки, —
До самой смерти продрожим.
А тот сидит в стеклянной банке,
И молодежь и нечредем.

Сидит у столика и пишет, —
Тут каждый Бердсли и Шекспир, —
Апрельский ветер тюль колышет,
Сиреневый трепещет мир,

Звенят, звенят невыносимо
Иголки, искры и вино,
И ласточки просвищут мимо
Американкою в окно

Измены здесь для примиренья,
А примиренья для измен.
Политонльнейшее ценье
От лаковых несется стен.

Все кружится, и все на месте
Все близко так, и все поет,
Отчетливо, как при Норд-Эсте.
Прозрачно, словно жидкий мед .

Куда пропал ты беспечальный
И чистый роздуж медных скал?
На Вознесенском дом скандальный
Да вароходный тот наказ!

5 ТЫ 2-ое

— Остановка здесь от часа до шести
А хотелось бы неделю провести.

Словно зайчики зеркал,
Городок из моря встал.
Все каналы для плотины,
Со стадами луговины,
Нет ни пропастей, ни скал. —

Кабчикок стоит на самом берегу.
Пароход я из окна устерегу

Только море, только высь
По земле бы мне пройтись
Что ни город — все чудесно,
Неизвестно и прелестно,
Только знай себе дивись! —

Если любишь, разве можно устоять?
Это утро повторится ли опять?

И галантна и крепка
Стариковская рука.
Скрипнула блок Пахнуло влеч,
Челучу сейчас замелем,
Не услышать нам свистка

6 А Я 2-ое

Постучали е.ч слышно
Спичка чирк .. шага .. глыва .

Шопот. „Вася, осторожней:

По домам идет обход“.—

— Шпалер, шпалер .. Брось за печку...

Гость? . смывайтесь... разве пьян?..
— Черный хол еще не заперт, —
Мина Карловна сидит. --
— Извиняюсь... не нарочно..
Я и сам тому не рад...
Я засыпаюсь, наверно,
На Конюшенной налет.
Ну, пока! — поцеловались...
Стой! и я с тобой — Куда? —
— Все равно! -- А попадетесь?
Укрывателю тюрьма. —

Отчего же хриплый голос
Стал прозрачным и любимым,
Будто флейта заиграла
Из-за толстого стекла.
Отчего же эта нежность
Щеки серые покрывала,
Словно в сердце заключенной
Оставаться не могла?
Разве ты сидишь и пишешь,
Легче бабочки из шелка,
И причесан, и напудрен,
У апрельского стола?

— Что же стали? — кот — басило...
Опрокинулось ведро.
— Тише, черти! — Сердце бьется,
Заливается свисток.
— Значит, ты?.. — До самой смерти! —
Улыбнулся в темноте
— Может, ждать совсем не долго,
Но спасибо и на том.
Тут калитка возле ямы
Прозодной я знаю двор

Деньги есть? Айда, на Остров
Там знакомый пароход
Паспортов у нас не спросят,
А посадят прямо в трюм
Дней пяток поголодчем
Вместе, милый человек!

7 ГОТ 2-ое

Февральский радио поёт,
Приволье молодости дальном,
Натопленность весенней спальней
И межпланетный переле..

Перечит нежности начальной
Воспоминаний праздный счет.
Сереет снег, тончает лед,
Не уберечь зимы венчальной!

Хрусталь на прежнее стекло
Воображенье налагает,
Именчивое так светло!

Плынут вуали, воздух тает..
И сонный вой гавайских труб
Напоминает трепет губ.

8 ЛУНА 2-ое

Луна! Где встретились!.. сквозь чини
Ты беспрепятственно глядишь,
Как будто фокусника трюки,
Что на цилиндра тянет мимь.

44

Тебе милей была бы урна,
Руины, жалостный пейзаж!
А мы устроились недурно,
Забравшись за чужой багаж!
Все спит; попахивает детем,
Мочалой прелой от рогож...
И вдруг, как у Рэнбо, под ногтем
Торжественная щелкнет вошь.
И нам тепло, и не темно нам.
Уютно. Качки нет следа.
По фантастическим законам
Не вспоминается еда.
Сосед хрипит. Луна свободно
Гло ласкает как угодно,
И сладострастна и чиста
Во всевозможные места
Я не ревнив к такому горю
Редь стоит руку протянуть,
И я с луной легко поспорю
На деле, а не как нибудь!
Вдруг... Как?... смотрю, смотрю... чергы
Чужие вовсе. . Разве ты
Таким и был? И нос, и рот...
Он у того совсем не тот.
Зачем же голод, трюм и море
Зубов нечищенных оскал?
Ужели влых фантазмагорий.
Луна, игрушкой я стал?
Но так доверчиво дыханье,
И грудь худая так тепла,
Что в темном, горестном лобзании
Я забываю все до тла

У Т Н 30

— Вы мне не нравитесь при дунном свете
Откуда-то взялись брюшко и плешь,
И вообще, пора бы шутки эти
Оставить вам, — Голландия скучна!
— Но, детка, вы же сами захотели
Остановиться в этом городке
Не думал я, что в столь прелесном теле
Такой упрямец маленький сидит
— Вы лишены духовных интереса
Что надо вам, легко б могли найти
В любом из практикующих балбесов!
А я .. а я ... Брюссельская капуста
Приправлена слезами. За окном
На горизонте растушван густо
Далекий дождь..
В глазах плывет рампытай фиалка,
Так самого себя бьет жалко!
— Вы сами можете помочь невгодам,
Ведь дело не в Голландии, а в вас!
Нет, завтра, завтра, первым пароходом!
А вас освобождаю хоть сейчас!
Забарабани дружно дождь по крышам,
Все стало простодушней и ясней
Свисток теперь, конечно, мы услышим,
А там посмотрим „Утро вечера мудреней“

Ю В С I ЧЕТВЕРО Апофеоз

Тра-та-та-та-та тра-та-та-та-та,
Тра-та-та-та-та, тра-та-та-та!
Непту и траубуци м гристонов гонит
Апофеоз. Апофеоз!

Гра-та-та-та. Дельфин играет!
Гра-та та-та-та Ярка лавурь!
Брады завеса ключом валлетает.
Апофеоз Апофеоз!

Парная роскошь былая мокреда
Повел ужас, дымит восторг .
И ты не тот ведь, и тот не тот ведь!
Апофеоз Апофеоз!

Потягиваясь сладко, вышли.
Голландия! Конец пути.
Итти легко как паре в дышла
И заодно глядят глаза:
Земля и воздух все другое
Кругом народ, все видим мы.
И все-таки нас только двое.
И мы другие, как и все.
Какой чудесный день сегодня.
Как пьяно вывески твердят.
Что велика любовь господня!
Поют опущенные сходи,
Танцуют краны, паруса.
Ты не сидишь уже окован
В стеклянном пресном далеке,
Кисейный столик расколдован
И бьется в сердце как живой
Вдруг .. боже мой. Намстричу пар.
И машет та же шляпа мне
Ах, в ожидании удара,
Прижаться в нежной простоте
Другой кричи: гадалека.
- Fichue rencontre' c'est toi! c'est moi!

Толчком проворным старик за бортом
Такая жертва, такой отказ
Считаться мог бы первейшим сортом
Апофеоз. Апофеоз!

Ведь я все тот же! минута бреда
Опять с тобою -- и нет измен. -
Круги бросайте! Тщитесь деда!
Апофеоз. Апофеоз!

Тра-та-та-та. Но я не тот же!
Гр-та-та-та-та. Я не один!
Какая черствость! и с кем? о, боже!
Тра-та-татата-та, тра-та-та-та

Триумф Нептуна туземцев гешит
И остаются все при своем.
В восторге дядя затылок чешет.
Апофеоз! Апофеоз!

К ' Покровскому

Б Л А З А Р Ь

1 ЛАЗАРЬ

Припадочно заколотился джаз,
И Мицци дико завизжала: „Лазарь!“
К стене прилипли декольте и фраки
И на гитары негры засмотрелись,
Как будто видели их в первый раз. .

Но Мицци, Мицци, что смутило вас?
Ведь это брат ваш Вилли. Не узнали?
Он даже не переменял костюма,
Позодка та же, тот же рост, прическа,
Оттенок тот же сероватых глаз. --

- Как мог мой Вилли выйти из тюрьмы?
Он там сидит, ты знаешь, пятый месяц.

Четыре уж прошло... Четыре чувства,
Четыре дня, четырехдневный Лаазарь!
Сошли с ума и он, и бог, и мы!

Ах, Мицци дорогая. О, позволь
Мне опуститься вновь в небытие,
Где золотая кровь и золотые
Колосья колются, и запах тленья
Животворит спасительную боль!

Охриплой горлицей крик латин
Где наш любимый загородный домик,
Сестрица Марта с Моцартом и Гете!
Но успокоилось уже смятенье,
И застонала музыка „Für dich!“

2 ДОМИК

С тех пор прошло уж года два,
А помню, как теперь
Высоких лип едва-едва
Коснулся месяц май

Веселый дождик Духов день
Садовник рвет цветы.
Едва ступил я на ступень,
Услышал титчи смех

А за стеклом две пары глаз
Смеются словно май, —
И Вилли в комнату сейчас
Со скрипкою бежит.

Как мог быть с вами незнаком
Я целых тридцать лет?
Благословен ваш сельский дом,
Благословен господь!

3. МИЦЦИ И МАРТА

Не переводятся гости у нас, уж так повелось.
Только проводишь одних, смотришь – других принимаешь.
Едут и старый и малый: банкиры, купцы, лейтенанты,
Кино-актеры, певцы летчик, боксер, инженер.
Марта сбилась с ног: принять, занять разговором,
Всех накормить, напоить, розы поставить на стол.
Мицци – та не хозяйка: только бы ей наряжаться,
Только бы книги читать, только бы бегать в саду
Мицци имеет успех гораздо больший, чем Марта,
Не потому, что всего только семнадцать ей лет.
Марте тоже не много, она и добрей и спокойней,
Меньше капризов у ней, чаще улыбка видна.
Мицци, за что ни возьмется, нигом все одолеет.
Нигом забросит одно, нигом другое в уме.
То ненасытно танцует, хочочт, правит мотором,
То помрачнеет как ночь, молча запрется одна,
Час, полтора просидит, плача, она неподвижно.
Губы кривятся, дрожат, сводит суставы болезнь...
Выйдет, как после припадка, сидит, и ничит виновато
Спрашивать вздумает кто, молвит: ... сидела у ног
Слава не очень хороша: ходит про наших сестричек
Марту трезвожит она, Мицци на все наплевать...
Ну, а друзья? Да что же друзья? Какое им дело
Музыка, танцы, игра, вечно вино на столе

А Вилли — брат любимый;
Румян, высокий рост,
И сердце золотое,
И нравом очень прост
Вилли несчастный, милый мой друг,
Зачем это время я вспомнил вдруг?

Быстро в беседку вошла и бросилась к Мицци на шею,
Розою вся запыхав, старшая, Марта сестра.

Мицци, послушай меня, какая забавная новость!

Всех я корки за любовь, -- вот полюбила сама

Марточка, Марточка, ты? Признаться -- разодржила

Можно и имя узнать? - Помнишь, высокий блондин ..

В Духов день он пришел и на крыльце спотыкнулся .

Вилли со скрипкой тогда в комнату быстро вбежал,

Гость покраснел и смутился . Ужели не помнишь, родная?

Мицци умолкла на миг, тень пробежала по лбу.

Марта, разумная Марта, все для других ты рассудишь.

А доведись до себя — выйдешь ребенка глупей.

Ты полюбила его. Я верю и этому рада.

Но рассудила ли ты, что ты получишь в ответ? —

Марта, еще покраснев, смущенная молвит: - Зачем же ?

Он не выходит от нас, словно забыл о делах.

Он человек занятой, а вечно сидит да играет,

Слушает песни мои, робко краснеет, молчит —

Мицци прищурила глаз и тихо, раздельно сказала

Мы тут, поверь, ни при чем; хочет он с Вилли дружить .

А Вилли, брат любимый,

Глядит себе во двор...

Вот бы расхохотался.

Услыша разговор.

Вилли несчастный, милый мой друг,

Зачем это время я вспомнил вдруг?

« ЭДИТ

Весь город поутру твердит:
- Вчера убита Джойс Эдит.
А кто она и где жила,
И с кем тот вечер провела?

Чужая смерть невинна нам
Показали — и по делам.
Кто на завод, кто в магазин,
В контору, в банк, и ни один

Из них не думал, что когда -
Нибудь исчезнет навсегда.

Звенят трамваи, слаб ледок,
А девушка глядит в листок:
Все те же десять черных строк,
А уж заныл от боки бок,

Расширенно стоят глаза
И не бежит на них слеза,
И рот запекшийся твердит
-- Моя Эдит, моя Эдит

Куда девался милых смех,
Улыбки и соболий мех,
Сережки длинные в ушах,
И воробьиная душа?

Кто будет в опере бывать,
Блэк-беттом с Виали танцевать?
Где ты упала, где лежишь,
Не обновивши модных лыж?

Теби в саду я не найду...
Вдруг вскрикнула и на ходу
С трамвая бросилась в мотор.
Все так же дик недавний взор

Скорей, скорей, скорей, скорей
В простор сугробистых полей!
Прокрикнул адрес кое-как...
Шофер, как видно, не дурак.

Пускает запрещенный ход.
Застопорил лишь у ворот
Не надо сдачи!-- Вот звонок.
Рукою жмет себе висок.

Где Вилли? — Старшая сестра
Шепнула — Он еще вчера
Был арестован — Мицци, ах,
Не устоял на ногах

5. СУД

Дамы, дамы, молодые люди,
Что вы не гуляете по липкам,
Что не забавляетесь в Давосе,
Веселя снега своим мянцем?
Отчего, как загнанное стадо,
Вы толпитесь в этом душном зале,
Прокурора слушая с волнением,
Словно он объявил приз за хоккей?
Замелькали дамские платочки,
Котелки сползают на затылок

Видно и убитую шалют,
Жалко и убийцы молодого.
Он сидит, закрыв лицо руками.
Лишь порою вдрагивают уши
Да пробор меж лаковых волось - в
Проведен не очень что-то ровно.
Он взглянуть бонся на скамейку,
Где сидят его родные сестры,
Отвечает он судье, не глядя.
И срывается любимый голос.
А взглянул бы Виали на скамейку.
Увидал бы Мицци он и Марту,
Рядом пожилого господина
С черн лй бороною, в волчен шапки
Мицци крепко за руку он держит.
Та к нему лисичкою прижалась.
-- Не волнуйтесь, барышня, о брат.
Как бы судьи тут ни рассудили,
Бог по-своему всегда рассудит.
Вижу ясно всю его дорогу, —
Труден путь, но велика награда.
Отнимаются четыре чувства
Осязание, зрение, слух - возьмутся.
Обоняние испарится в воздух.
Распадутся связки и суставы.
Станет человек плачевней трупы
И тогда то в гишине утробной
Пятая сестра к нему подходит.
Даст вкусить от золотого хлеба.
Золотым вином его напоит:
Золотая кровь вольется в жилы,
Золотые мысли - словно пчелы,
Чувства все вернутся хороводом

В обновленное свое жилище
Выйдет человек, как на гробницы
Вышел прежде друг господень Лазарь.
Все писцы внезапно встрепунулись.
Перья приготовили, бумагу,
Из дверей свидетелей выводят,
Четверых подводят под присягу
Первым нищий тут слепорожденный
Пилкою настукивал доску у,
А ла ним домашняя хозяйка —
Не то бондарша, не то сиделка
Вышел тут же и посадский шкстик,
Дико рот накришен, ручки в брючки,
А четвертым — долговзвый сыщик
И при нем ищейка на цепочке.
Встали все и приняли присягу.
Отчего их четверо, учитель?
Что учил ты про четыре чувства,
Что учил про полноту квадрата,
Неужели в этом страшином месте
Понимать я начинаю числа?
Видали, слушай! Видали, брат любимый,
Опускайся ниже до предела!
Насладись до дна своим позором,
Чтоб и я могла с тобою вместе
Золотым ручьем протечь из снега!
Я люблю тебя, как не полюбил
Ни жена, ни мать, ни брат, ни ангел!
Стали белыми глаза у Видали
И на Мицци он ваглянул с улыбкой.
А сосед ее тихонько гладит,
Успокаивает и ласкает;
А в кармане у него конвертик

Шелестит с американской маркой
„Часовых дел мастеру в Берлине,
Вильмерсдорф, Эммануилу Прошке“

6 ПЕРВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ Слепорожденные

Слепым родился я на свет.
И так живу уж сорок лет.
Лишь по наслышке, смутно знаю,
Что есть и зорька золотая,
Барашки белые в реке,
Румянец свежий на щеке
И как бы ни твердили нянтяно,
А пестрота мне непонятна
Природы: для меня она
В глубокий мрак погружена.
Я рос и вырос сиротою
И по домам хожу с сумою
Кто даст -- господь того с'асти.
А нет -- пустой суму неси
Конечно, есть между слепыми
Живут ремеслами какими,
Меня же смолоду влекло
На ветер, дождик, снег, теплота'
Что близких нет, так мне не жалко.
Верней родни слепому -- палка.
Она и брат, она и друг,
Пока не выпадет из рук.
Вот так-то, плакою водимый.
Я брел равниною родимой.
Вдруг палкой ткнул - нельзя идти
Лежит прегрда на пути

Остановился. Шум далеко.
Собака лает одиноко.
Провел рукою — предо мной
Лежит мужчина молодой...
Потрогал, он не шевелится,
А сердце бьется, ровно птица.
Послушай, встань! Напился, брат?
Пора домой идти назад
Замерзнешь на снегу... — Очнулся,
Вскочил и сам ко мне нагнулся.
Кто здесь? Ты видел? Боже мой.
Собака гонится за мной! —
Я слеп и ничего не вижу,
А и видал бы — не обиду.
Тебе не страшно? — Нет, чего?
Я, может быть... убил кого!
Все может быть. Не нам, убогим.
Пристало быть к другому строгим.
Я просто бедный человек. —
Умолю Руку сгребает снег,
А снег ледок освещив крест,
Да столб от телеграфа вост.
Да поезд по мосту стучит.
Да ночь снеговая молчит...
Оцупай мне лицо рукою!
Скажи, кто здесь перед тобою?
Глубоко врезалась печать?
Черты уж начали кричать?
Ты — молодой и добрый мальчик.
В нужде и горе не бывалый.
Есть у тебя друзья и дом,
Ты с лаской нежною знаком
В труде рука не загрубела.

Еще приятно, гладко тело...
Ты говоришь, что ты убил, —
Но грех до кожи не допала:
Она попрежнему чиста,
Она попрежнему святая,
Попрежнему ее коснуться —
Для жизни и любви проснуться. —
Она весь дрожит и руку жмет,
На снег умятый слезы льет.
— Есть люди, для которых Видали
Его грехи не изменили!
Он денег дал, простился, встал...
С тех пор его я не встречала

: ВТОРОЙ СВИДЕТЕЛЬ Ховалева

Покойный муж говаривал мне: „Мивна,
Умру спокойно — ты не пропадешь, —
Сумеешь грош нажить на каждый грош
И в деле разобраться, как мужчина“.
А Фрнц мой знал отлично в людях толк.
Не даром шуцманом служил лет десять;
На глав определит — того повесят.
А тот поступит в-гренадерский полк.
Ко мне, быть может, был он и пристрастен:
Свою жену, ну, как не похвалить?
Но вскоре приказал он долго жить.
В таких делах уж человек не властен!
Живым — живое, а умершим — тленье.
И вот, покрывшись траурным чепцом,
Открыла гарнированный я дом,
Чтоб оправдать супружеское мнение.
Вложила весь остаток капитала

Я в этот дом; не мало и хлопот...
А через год — глядь — маленький доход.
Но большего ведь я и не искала.
Без нищеты дни протянуть до смерти —
Вот вся задача. Но зато труда
Потратила не мало, господа,
На это дело, верьте или не верьте! —
Руководить жильцовскою оравой,
Распределять и строгость и привет —
Трудней такой работы в свете нет.
Должны бы мы увенчиваться славой
Как полководцы, или как дипломаты,
Или как какой известный зирнер...
Все должен знать хозяйский слух и взор
Насчет скандалов, нравственности, платы
Перебывала масса квартирантов;
Видала я и фрейлин, и певиц,
И адмиралов, и простых девиц.
И укротителей, и модных франтов.
И Джойс Эдит была между другими.
Актрисою писалася она,
Нужды не знала, но была скромна
И превосходно танцевала шимми
Конечно, к ней ходили тоже гости,
Но человек — всегда ведь человек,
И так короток наш девичий век!
Степанным быть успешь на погосте
Я никого — мой бог! — не осуждаю.
За молодость, кто может быть судья?
Как вспомнится: „К Максиму еду я“.
Так до сих пор теряюсь и вадыхаю...
Меж прочими к нам приходил и Вилли,
И наконец — бывал лишь он один.
Ну, что ж? Вполне причинной господин.

И по-семейному мы время проводили
И барышня к нам часто забегала,
Его сестра, да друг его, блондин
Высокий, то же милый господин.
И ничего я не подозревала.
В день роковой я около полночи
Решила спать. А Вилли был у нас
Св.й человек!.. Я потушила газ
В передней и легла, сомкнувши очи.
Поутру встала. С виду все в порядке.
Эдит вставала рано. Стук-стук-стук.
Стучу... Еще... Хотя бы единый звук
Из-за дверей в ответ! Как в лихорадке
Какао я скорей на подоконник...
Стучу, что мочи, в двери кулаком,
Ломаю их, не думая о том,
Что, может, не ушел еще поклонник
Ах, ах! как замертво я не упала?
Как упустил свою добычу чорт?!
Бутылки между роз, слоеный торт
И два недопитых до дна бокала...
Лишилась дара речи... рву косынку
Как дура... А Эдит моя лежит —
Как спит; кинжал в груди у ней торчит,
И кровь течет на новую простынку!..
Ну, кто бы тут, скажите, не рехнулся?
Никто же ведь не думал, не гадал!
Такое преступленье и скандал!
Я на пол — бух, и речи дар вернулся
Поверите, я никому на свете
Такого не желаю пережить
Как застрахованной от горя быть,
Когда мы все как маленькие дети? .

я. ТРЕТИЙ СВИДЕТЕЛЬ /Шлет

Что ж, хоть да, вы хотите знать?
Видел что? — ничего не видел.
Знал кого? — ничего не знал.
Слышала кой-что, да в го случайно.
Род ваяний? — как вам сказать?
Чем придется — всего вернее.
Возраст? — Двадцать. Холост. Крещен.
Местожительства не имею...
Был не очень большой моряк,
Как вы помните: сухо, ясно
Примо, погода как на глеза
Для такой вот бездонной братии.
Тут кино, а туда — в кафе,
Так — фонарь, там — сличича трюча.
Место бойкое, свет во всю!
Можно выбрать, ного угодно!
Клюнуло... Видно, важный гусь.
Я за ним в переулоч темный.
Вдруг куда-то пропала мой тип,
Будто сквозь землю провалился.
Закурна... Надо подожждать.
Слышу в мелудке: скоро полночь...
С двух... выходит — десять часов!
Дело дрянь! А стою у подъезда.
Как прошан, не заметил я,
Только слышу: как будто спорят.
Голос у девушки чист, приптон!
Думал — гулящая; нет, не то.
Ну, а мужчина совсем как мальчик!
Старшие классы... юнкер... спорт.
Да и не спорят, а как-то странно

Оба волнуемся все об одном.
С голоду все мне было понятно,
Вспомню — опять не понять ни черта
Будто она ему: -- Милый, ты видишь?
Легкая поступь тяжелей всех,
Легкий стук -- это гроб забивают,
Плод получить — не славы трясти.
Он ей: Когда тебя что смущает..
Ну, искушение... сделай и брось!
Тут очищение, крепость, сила.
„Сделай и брось!“ А прилипнет руки!
Есть огонь, всякий клей растопит -
Да, огонь, и железо, и смерть!
Тут умолкла. Вдруг очень нежно:
Кто тебе дороже всего?
-- Кто дороже всего, ты знаешь.
Я говорил, не скрывал ничего.
Преступление - такая честность!
Что с тобой? Ты сегодня больна?
Ах, в болезни острее зрение.
Мысль яснее, тончает слух! -
Право, какая-то ночь вопросов!
Что ж? пускай, но скажи мне одно
Больше я приставать не буду:
Прав ли тот, кто уходит сам?
Ну, уходит... ты понимаешь?
Я далеко не фаталист.
Но считаю, что все уходы
Нам предписывает судьба.
Иешиме детски свободной волей.
А уходим, окончив роль -
— Это ясно, по крайней мере! —
Тут вернулся мой господин,

Подошел и пысил сигарой.
Не напрасно так долго ждал!
Пуст. приходят и пуст. уходят.
Что мне за дело до других?
Я на сегодня имею ужин...
А чего-то мне было жаль.

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

Когда мне пришла мысль вместе с Дэнни
На место преступления, я не ждал,
В чем дело. Может быть, простой грабеж
Иль воровство. В лицо мне это давно
Была известна, но особой слежки
За ней не полагалось, так что я
Не ждал — ни кто она, ни с кем видится.
Ни где бывала, — и пришла как в лес
Но для собаки не играет роли
Осведомленность: стоит ей на след
Напасть и вам преступника отыщет
Одно скажу, что не специалист
Тут действовал следов он не выгнупл
И прямо побежал не забегая
Туда-сюда, без всяких остановок
За ней помчалось на автомобилях
Нас человека три. В поле, за холм
За полотно куда-то нас вела.
Мы думали, совсем уж убежала...
Вдруг слышим лай, — и бросились гудя
Лезли без чувств преступник на сугробе,
Сидела Дэнни, высушен. лык.
И ходит идяли с собой поочужий

Ведь на снегу все видно, словно днем
Отдался в руки он беспрекословно.
Свое я дело сделал. Дальше — вам!
Напомню только, что одна собака
В суде бывает лишена пристрастья,
Ей все равно что молод, стар, красив,
Один ли сын, или чтонибудь такое. .
Все это — человеческие чувства,
А ею водит шох и запах крови.
Где запах крови, там нищи убийства.

10 ПОСЛЕ СУДА

Зачем идти домой
Когда не встречу брата?
Весь мир мне стал тюрьмой,
А жизнь цвела когда то
Привольно и богато
Тобой, одним тобой.

Зачем он все молчал,
В устах улыбка жалости?
Он правды не искал,
И правда оказалась,
Как будто приближалось
Начало всех начал.

Начало всех начал друзей согнало
К Эммануилу за перегородку.
Тут ничего с Виалли не напоминает,
Тут тиканье часов их успокоит,
Глубокий голос утрачивает раны,
Закат об утренней заре пророчит

Ведь одного лишь нет
А будто все разбито,
И омрачился свет,
И солнце тучей скрыто.
До крика не забыто.
Какой несем ответ

Связать нельзя чергы,
Не восстановишь круга
Своей неправоты
Не отогнать испуга.
И смотрят друг на друга
И повторяют „гы“

II П О Ч Е К И

Шаги за спиною и черный канал,
А на сердце льется тягучий асфальт.
Зачем он увидел, зачем он догнал?
Пушкой бы лишь искры, да сажа из труб,
Да куст бузины, неопрятен и тощ,
Тщедушный нагнанник младенческих рощ!

Обгонит, быть может, и мимо пройдет?
Вот эта скамейка в тени на мосту..
Нет, шаг замедляет, за руку берет...
Теперь никуда от него не уйти!
О, как ненавистен и светлый пробор
И, братом любимый, болотистый взор!

— Куда вы, Мицци? Час глухой

И место здесь глухое. —

— Зачем следите вы за мной?

Мне ташалес вдвое. --

— Я должен вас оберегать.
Теперь я вместо брата. —
— Нет! Вилян будет жить опять.
Как с нами жил когда-то! —

Стал гуще липкий полумрак.
— Не верите? молчите? —
— Наверно все и будет так.
Как вы того хотите. —

— Известно, вижу, что-то вам.
Чего другой не знает.
Быть может, сами были там,
Где дух Эдит витает?

Зачем молчаньем томить?
Сознайтесь: были? были??
Она могла помехой быть
И вы ее убили.

Так ясно все! Конечно, вы..
Другой посмел бы кто же?
Но он смолчал — и вы правы.
И все на бред похоже! —

— Нет, я не убивал... А бред
Всегда был в этом деле.
Сказали бы: — „Винювних нет. —
Когда б понять сумели“.. —

· Кругом такая пустота. .
Я ничего не вижу...
Я не любила вас всегда.
Теперь же ненавижу!.. —

Все это бред. Я вам не враг
Я друг, поймите, Вилла.
Они ускорили свой шаг,
Про тех не говорили

И быстро и молча проходят они
Заводы, заставы, заборы, мосты...
Смелись вдали городские огни,
И ветру просторней, и тише дышать.
Виднеется вдруг словно вымерший дом
По снам позабытым он сердцу знаком

12 ПОСЕЩЕНИЕ

В окне под потолком желтеет лифа,
И виден золотой отрезок неба
Так тихо, будто вы давно забыты,
Иль выздоравливаете в больнице,
Иль умерли, и все давно в порядке.
Здесь каждая минута протекает
Тяжелых, полных шестьдесят секунд
И сердце словно перестало биться.
И стены белы как в монастыре
Когда раздался хриплый скрип каяча.
Сидевший у стола не обернулся,
А продолжал неистово смотреть
На золотую липу в небе желтом.
Вот перед ним какой-то человек.
Он в волчьей шапке, с черной бородою,
В руках он держит круглый белый хлеб
И узкогорлую бутылку с рейнским.
- Я навестить пришел вас. Может быть

Не только известить... Молчит, ни слова
Мне все известно. Вы ведь Вильгельм Штуде
У вас есть сестры. Марта и Мария,
И друг у вас Эрнест фон Гогендакель .
А Джойс Эдит вам не была невестой.
— Вот чудеса! Газетные известья!
Кто ж этого не знает? Имена!—
— Ну, хорошо Тогда напомним то,
Что не было помещено в газетах:
Что вы Эдит совсем не убивали,
А ваяли на себя вину затем,
Чтоб не коснулось подозренье друга.
— Зачем нам заново вести все дело?
В суде сказалося не мнение судей,
А чья-то правда правду оттолкнула
И мне не позволяла говорить.
Теперь мне все равно, как будто чувства
Мои исчезли, связки и суставы
Распались. Одна осталась жадь.
Да голод маленький. Вот, я читал,
Что дикари живьем съедают бога.
Того, кто дорог, тоже можно съесть.
Вы понимаете? я будто умер.
И приговор есть только подтвержденное
Того, что уж случилось. Право, так.—
Я вам принес хорошего вина.
Попробуйте и закусите хлебом.—
— О, словно золото! А хлеб какой!
Я никогда такой не видел корки!
Вливается божественная кровь!
Крылатыми становятся все мысли!
Да это — не вино, не хлеб, а чудо!
И вас я вспоминаю. Вас видал,

Еще когда я назывался Вилли.
Теперь я, может быть, уж Фридрих, Карл,
Вольфганг, или как-нибудь еще чуднее.
— Идите. Дверь открыта. Все готово.
Вас ждут. Вы сами знаете — вас любят.
И заново начать возможно жизнь.
— А Джойс Эдит, бедняжка, не воскреснет.
Воскреснет, как и все. Вам неизвестно.
Что у меня предсмертное письмо
Ее наводится? Улики сняты. —
— Ах, так!.. Я разучился уж ходить.
Я не дойду. Какое солнце! Лппы! —

11 Д О М

Благословен, благословен
И сад, и дом, и жизнь, и ты и
Крыльцо, где милый друг явился,
Балкон, где я любви учился.
Где поцелуй запечатлен!

Вот две сестры, учитель, друг
Какой восторженный испуг!
Ведь я опять на свет родился.
Опять я к жизни возвратился
Преодолев глухой недуг!

Зачем же Мицци так бледна?
О чем задумалась она,
Как будто брату и не рада,

Стоит там, в квантки сада,
В свои мечты погружена?

О, тише, тише. говорит.
Сейчас придет сюда Эдит
Она уснула - не шумите.
К окну тихонько подоидите
И посмотрите - тихо спит. .

Нет, Виали, нет Ты был не прав.
У ней простой и нежны нрав
Она мышонка не обидит . .
Теперь она тебя не видит.
Но выидет, досыта поспан

Смешной нам выдался удел
Ты, братец, весь позолотел
Учитель, верно, дал покусать? .
Его по-детски надо слушать
Он сделал все, что он умел.

Взгляни с балкона прямо вниз
Растет маюточка кипарис,
Все выше траурния крошка!
Но погоди еще немночко,
И станет сад как парадиз!

Как золотится небосклон!
Какой далекий, тихий звон!
Ты, Виали, заиграл на скрипке?
Кругом светло, кругом улыбки..
Что это? сон? знакомый сон? ..

А брат стоит, преобрашен,
Как будто выше ростом он...
Не видит он, как друг хлопчет.
Вернуть сознание Мицци хочет
И как желтеет небосклон. .

О Г Л А В Л Е Н И Е

1 Форець раабывае лед		9
1-ое вступленье		10
2-ое вступленье		11
1-ый удар		12
2-ой удар		13
3-ий удар		14
4-ый удар		15
5-ый удар		16
6-ой удар		19
7-ой удар		20
8-ой удар		21
9-ый удар		22
10-ый удар		25
11-ый удар		26
12-ый удар		27
Заключенье		
2 Панорама с лыносками		
1 Природа представляющая и природа оприродевная		31
2 Вьюноса первая		32
3 Мечты пристыкают действительность		33
4 Уединенье питает страсти		34
5 Вьюноса вторая		35
6 Темные улицы рождают темные чувства		36
7 Длинные чувства обещают ярость и пространство		37
8 Вьюноса третья		39
3 Северный веер		
1 Слозьбой гостя страсть поет		43
2 Перенская сирень! Двенадцатая ночь		44
3 О, вьюноса! Слышь о вьюноса, чов!		45
4 Невидимого шум чтора		46
5		47
6 На улице тоторный фонарь		48
7 Двенадцат - вееще число		49

4. Пальцы дней

1 Понедельник	49
2 Вторник	50
3 Среда	51
4 Четверг	52
5 Пятница	—
6 Суббота	53
7 Воскресенье	54

5. Для Августа

1 Ты	57
2 Луна	58
3 А я	60
4 Тот	61
5 Ты (2-ое)	62
6 А я (2-ое)	—
7 Тот (2-ое)	64
8 Луна (2-ое)	—
9 Ты (3-е)	66
10 Все четверо Апофеоз	—

6. Азаварь

1 Азаварь	71
2 Доми	72
3 Мици и Марта	73
4 Эдит	75
5 Суд	76
6 Первый свидетель и беспорядочный	79
7 Второй свидетель (возник)	81
8 Третий свидетель (шест)	84
9 Четвертый свидетель (мудья)	86
10 Поле суда	87
11 Ночь	88
12 Посещение	90
13 Дом	92

ANHANG

М. КУЗМИН

ЛЕСОК

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА ДЛЯ МУЗЫКИ
С ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ПРОЗОЙ В ТРЕХ
• • • • • ЧАСТЯХ • • • • •

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три предлагаемые «Леска» представляют из себя ряд музыкальных пьес камерного характера, объединенных поэтическим содержанием. Все номера, текст которых написан в стихотворной форме, предназначены для пения, отрывки же прозаические составляют как бы программу соответствующих музыкальных пьес, а отнюдь не мелодраматику. Они или читаются слушателями, или произносятся специальным лицом все подряд перед исполнением каждого «Леска». Состав камерного оркестра следующий:

для «Шекспировского леска»: голос, фортепьяно, кларнет,
валторна, виолончель;

для «Гофмановского леска»: голос, фортепьяно, две скрипки,
гобой;

для «Апулеевского леска»: голос, фортепьяно, альт, флейта,
арфа.

Вокальных исполнителей двое: меццо-сопрано и тенор. Первое поет «песнь соловья», «колыбельную из I части, «романс» и «контрданс» из II и «куплеты Изиды». Тенор исполняет «приглашение» и «интермеццо» из «Шекспировского леска», «песнь двойника» из «Гофмановского», «приглашение» и «интермеццо» из «Апулеевского».

Как произведение музыкальное все это носит подзаголовок «Ундецимет в трех квинтетах для флейты, гобоя, кларнета, валторны, арфы, квартета, пения и фортепьяно с сопровождением объяснительной прозы».

М. Кузмин.

I

ШЕКСПИРОВСКИЙ ЛЕСОК

1. Приглашение.

Голос поет издали:

Покиньте эти стены,
Сонливость и недуг.
Пройдемте, друг, в Арденны
На королевский луг.

Отбросьте все тревоги,
Забудьте зло и боль,
И встретится в дороге
Пастушеский король,

И Жак, мудрец унылый,
Придворный и поэт,
И Розалинды милой
Соперник, Ганимед.

О, радость примиренья!
Опасная игра!
А в небе—отраженье
Павлиньего пера.

Пристанище свиданьям,
О, лес! о, лес! о, лес!
Взволнованный дыханьем
Шекспировых чудес!

2. Встречи влюбленных.

Легкий скороход, веди нас!

Дороги!

Я знаю, что на каждом повороте ждут опасности и бродяги, изгнанные королевские слуги, царевичи без престола, лишённые наследства младшие сыновья, влюбленные и просто беспокойные души, которых апрельский вечер и мокрые зори манят искать приключений. Виола, Розалинда и Юлия из «Веронцев» (словно все Юлии обречены на Верону!) мелко шагают в мужских платьях, стараясь говорить мальчишескими голосами. И, радость! Под пыльным капюшоном странника любимые узнавать глаза, или видеть, как дорожная палка, срезанная, может быть, еще на родине в орешнике, выпадает из задрожавшей руки друга!

3. Вилли Хьюз Розалиндой *).

Добрый Орlando, ты ищешь под курткой мальчика горячей груди Розалинды, но под лифом возлюб-

*) Вилли Хьюз, молодой актер Шекспировской труппы, исполнявший женские роли.

ленной найдешь нежную, но крепкую грудь Вилли Хьюза. Ведь еще неизвестно, лукаво ли он улыбнется, помянув тебя за кулисы, или расхохочется и закурит трубку в кофейне. Под вечер подойдет к широкому окну, долго будет стоять, вдыхая сырой и теплый ветер, мечтая о кораблях, Америке, роли Клеопатры, а, может быть, и о тебе, Орlando!

4. Интермеццо.

Голос поет:

Вы скажете: «буря в стакане
Искусство—вот оно»,
Но от этой бури «Титаник»
Настоящий идет на дно.

Собраны радуги рая
В капле простой росы,—
И трава ложится, играя
Под веселым звоном косы.

«Целая вереница жизней»
Есть повесть у Юркуна *)...
Из небывалой отчизны
Сегодняшняя луна.

Представление: Венера и Адонис.

О планировке Шекспировских представлений можно прочитать в тысяче томах Шекспировых обществ, вы же слушайте теплый, полный, пышный и траурный голос мужеской страсти, оптяжеленный Виндзорской росой.

*) «Целая вереница жизней» ненапечатанная повесть Юр. Юркуна.

5. Венера и Адонис.

Венера сдерживает Адониса. Она—не Венера Боттичелли, не Вилли, а рыжая женщина с молочным телом, розы ее лиловаты, шея—мягка и ноги, не привыкшие, не как у Дианы, ходить по земле. Даже в лесу лежит она на низком диване, разбросав простыни и пуховые подушки и полными, без мускулов, руками обнимает Адониса, пугаясь ногами в сиреновом покрывале не ловко и жалко.

— Поздно! Взошла звезда, моя звезда! Ляг, мальчик, ляг мне на груди, которые слаще малины.

— Рог прубит, фокс-терьеры лают, запахло землей и мохом. Мне тут жарко и тесно в постели. Прощай, я вернусь!

6. Охота Адониса.

Рожки хриплы, но веселы. Собаки рыщут. Охотничья песенка скоро будет похожа на «Типпирери». Лицо у Адониса вроде лорда Пэмброка или молодого Дугласа, может быть, простого браконьера на земле этих лордов. Оно будет снится Бердсли. Он откидывает волосы и режет, как школьник, вырвавшийся из школы. Кабан ничего не понимает ни в любви, ни в искусстве, ни в красоте. А, может быть, его привлекает изогнутое, круглое бедро молодого человека. Как раз в это место направлен удар его клыков. Может быть, он кое-что понимает.

7. Смерть Адониса.

«Типпирери» ушло далеко. Адонис лежит белый, как яблонный цвет. Лицо его стало осмысленней. Горит нестерпимо светляк в траве. Венера на корточках плачет, не утирая слез. Кажется, весь парк плачет: все окрестности, ивы и пруд. Соловьи, ничего не соображая, щелкают старинную песню.

8. Песнь соловья.

Он лихо джигу танцевал...
Тийо-тийо, тийо!
Все танцевал и вдруг устал,
И на траву, как сноп упал...
Тийо-тийо, тийо!

Теперь на ласки будет скуп...
Тийо-тийо, тийо!
Не встанет он от ранних труб,
Не поцелует прежних губ.
Тийо-тийо, тийо!

9. Плач о Ромео и Юлии.

Не напоминают ли эти слезы и спонсы другую могилу в далекой и близкой Италии, где при свете факелов, на театральном черно-лиловом бархате лежат, обнявшись, любовники? Графу Парису не стоит жалеть о пышной надгробной надписи, предназначенной для пятнадцатилетней невесты. Ромео навеки соединен с нею в памяти и влюбленном искусстве. Капулетти в халате протягивает руку Монтекки, контрабасы ревут, почтительно сдерживая радость. Публика может расходиться.

10. Лунный свет.

И лунный свет изливает свое традиционное, но еще не надоевшее красноречие над ивовым парком, над небывалым, плодом столетней культуры, газоном, над рассадником высокой и белокурой молодежи, футболистов, читающих по гречески Еврипида, Оксфордским и Кэмбриджским университетом, над темной Темзой и прыгающими на лужайке зайцами. По лунным лугам, как по нотным линейкам со скрипичным ключом, вьется нянькина песня. На нос пеленашки попал волшебный червонец.

11. Колыбельная песня.

Блестят кастрюлей крыши,
Погасли все огни.
Не спят коты, да мыши,
А ты, сынок, усни!

Нарядным позументом
Обшился старый ларь,
И будет Джек студентом,
Окончив свой букварь.

Свиданья у сторожки,
И спор, острей иглы,
Но крепенькие ножки
Для мамы все милы.

Ах, без чужих объятий
Живет ли человек?
Но розовым дитятей
Всегда мне будет Джек.

Мои ведь глазки эти,
Пока ты мал и слаб.
Лети ж в своей карете,
Проказливая Маб!

II

ГОФМАНОВСКИЙ ЛЕСОК

1. Садик в Кенигсберге после дождя.

- Садик в Кенигсберге после дождя...
- Что это? «Кот Мур», или...
- Гроза ушла. Яблони стараются пахнуть как можно сильнее...
- Но мы это слышали уже!
- ... «на траву упали королевны бриллианты»...
- Послушайте, такое повторенье делается нестерпимым!
- Есть пейзажи, как звуки, вызывающие воображение.

Коричневый рукав с мелкими золотыми пуговицами ставит на стол электрический чайный прибор, теплый белый хлеб и масло.

- Это—объяснительная проза.
- Не запутает ли она еще больше слушателя?
- Скрипки и гобой должны быть достойны Крейслера,—вы услышите!
- Может быть, мы услышим и марш г. Чернышева, вступающего в Берлин?
- Может быть, для этого придется подождать весеннего дня.

По корридору звонки, услужливый попоп (вблизи) каблуков и американский акцент высокого, по-птичьи, женского голоса.

— И все-таки Пруссия, Кенигсберг—родина и Гофмана и Ходовецкого!

— И Канта, и Гиппеля и многих других.

— Это не относится к делу. Не обращайтесь внимания на валс из «Dollargrinzessin»,—смотрите, как перекинулся радужный мост и мальчик, закинув голову, смотрит на очистившееся голубое небо, словно слушает финал из «Похищения из серала».

2. Концерт тетушки Фюсхен.

Мы не слышали «trompette marine», Казадезюс *) ее не включили в свои старинные инструменты, которые сконфуженно шипели менуэтами в огромном дворянском собрании, меж тем как светские дамы шептались: «Очаровательно! Как это стильно!» и думали о Сомове, которого едва отличили бы от Мисс. Но твое зеленое платье, фея каприза, романтизма и своевольной мечты, уже шелестело в сонатах (прошу прощения за эстетическую справку) Шоберта (не смешивать с Шубертом) и Иоганна Христиана Баха (не смешивать с Иоганном Себастьяном) и через бессмертного Моцарта глянуло безумными и божественными глазами на нас. Пылай, Германия! Трепещи, Корсиканец! Скоро явятся Кернер и Вебер **) и мерцающий

*) Казадезюс — семейство музыкантов, дававшее концерты на старинных инструментах.

**) Кернер—поэт, Вебер—великий композитор: патриотические певцы Германии, обессмертившие свой восторг песнями: «Лира и меч».

блеск, как огни Св. Эльма на мачтах, остановится на Теодоре Гофмане. О, тетушка Фюксен, ты будешь бессмертной, пускай только в словаре Римана осталась твоя trompette marine!

3. Певца из седьмого номера.

Ошибитесь номером! Когда доска ясно указывает имена приезжих. Но, никто и не ошибался. Читатель Коппелиус, советник Лингорст, Юлия, принцесса Гедвига, вместо Смитов, Бонне, Пшипиндевских и Мовшензонов—по меньшей мере глупо. И тем не менее она пела! Мальчик выронил, заслушавшись, из рук ботфорту лейтенанта Б. Я слышал, слышал! Это было не во сне! Стоить позвонить три раза,—и бой подтвердит. Радость свиданья, тоска разлуки, томление и какое-то потустороннее спокойствие,—словно к вам тянутся руки через реку, как параллельные рифмы в строфе! Она пела... Конечно, слова были ипальянские и, в сущности, до нельзя банальные: mio core, amore, tormento tormento. Мне казалось, что она пела:

Романс.

Прощай навек, моя отрада,
Навек, возлюбленный, прости!
Теперь одной, как видно, надо
Мне дни печальные вести.

Последний раз еще лобзанье!
Лобзай меня последний раз!
Какое-ж райское свиданье
За это обласкает нас?

Но ты протягиваешь руку,
Издавка мне шлешь привет,—
И забывает сердце муку,
И для меня печали нет.

О, верности любовной сила!
О, глаз любимых талисман!
В какое солнце обратила
Ты надвигавшийся туман!

4. Незнакомец.

На дверях его номера только обыкновенные цифры: 3 и 1. Мы сговорились ехать в кукольный театр, доступ в который был очень, говорят, труден. Но молодой человек был знаком с директором и обещал мне свою протекцию. Предприятие мне очень нравилось и радовало, как ребенка: «Вильгельм Мейстер», «Фауст», Гоцци, оперы Гайдна для кукольного театра, Эспергази и Моцарт кружились у меня в голове, как карусель. Но, помимо художественных пристрастий, мной овладело простое любопытство. Не дожидаясь, чтобы за мной послали слугу, я сам постучался в 31-й номер. Мне не ответили. В коридоре было необыкновенно тихо, до странного. В дальнем окне была видна золотая заря. Я постучался еще раз. Опять ничего. Осторожно нажал я дверную ручку. За темной перегородкой стояли сундуки с наклейками: «Рим», «Каир», «Пекин» и три пары ботинок. Все было тихо. Я раздвинул занавески. Молодой человек сидел за столом, лицом ко мне, но меня, очевидно, не видел. Я впервые заметил, что он очень красив. Перед ним лежала шпага и широкая розовая лента. Он быстро писал, потом зажег машинку для сургуча, запечатал письмо, поцеловал ленту и, спрятав ее со шпагой в широкий ящик стола, долго продолжал сидеть так, будто глядя прямо на меня. Я тихонько прошел к себе и спокойно стал дожидаться слуги.

5. Уличный контраданс.

На дворе гостиницы худая, черная девица пела разбитым голосом контраданс. Слова этой песни почему-то страшно веселили компанию, вышедшую на кухонное крыльцо.

Ах, герр Пумпер, Кэтхен плачет,
Слезы льются, как вода.
Что от'езд ваш быстрый значит,
Не понять ей никогда.

— Был я вами очарован:
Я—герой, не идиот,—
Но теперь мобилизован,
Время выступить в поход.—

— А когда в тени акаций
В верности клялись вы мне,
Никаких мобилизаций
У вас не было в уме.

— Чорт возьми! права малютка:
Наша жизнь преглупый фарс.
Как подумаешь, не шутка:
Vita brevis, longa ars.

Ротмистр лихо уезжает,
И воинствен, и красив,
А она перешивает
Слишком узкий прежний лиф.

Тра-ля-ля! Смотрите, дети:
Тут не долго до беды,
Ведь не даром в эполете
Можно встретить три звезды.

6. Представление: Кукольный Фауст.

В узком зале с желтыми занавесками небольшое общество. Горят восковые свечи. Впереди — театр: не по храм, не по ярмарочный балаган. Дамы декольтированы, как на премьере Вагнера. Спутник мой не кажется мне таким красивым, как полчаса тому назад. Он похож на Захарию Вернера или К. М. фон-Вебера: худ и длиннонос. Я все жду, что под серым пальто зацветет розовая лента. Скрипки сыграли марш. Когда началось представление, я думал, что я сойду с ума, до такой степени все шло шиворот на-выворот.

7. Фауст.

Это — «Фауст» и по афише и по сюжету, но, Боже мой! Гетевский герой обратился в суетливого ученого; временами из него выскакивает американский эксцентрик Чаплин. Скорей молод. Библиотека в порядке: богословие, физика, математика, естествознание, политическая экономия. У каждого шкапа по столику. Фауст перебегает от одного к другому, судорожно записывает что-то, путает книги, роняет чернила-

ницы, иногда похож на мартышку, суетящуюся в клетке диалектики. Волосы у него встают дыбом. Чаплин! Чаплин! Он громко читает энциклопедический словарь подряд.

Из голубоватого тумана появляется Мефистофель.

8. Мефистофель.

Он скорее похож на традиционного Фауста или, вернее, на Леонардо да Винчи. Прекрасный, важный лик! Струющаяся борода, струящиеся одежды, струящаяся речь! С его появлением все делается переменчивым, нестойким, текучим, призрачным. Иногда у него два лица, три, четыре руки, три носа, как на картинах футуристов. У Фауста десять ног, вертящихся вокруг тула, на котором, как на пуговице, определенное лицо Чаплина. Но довольно фантасмагорий! Мефистофель теперь—почтенный пастор. Брит, ни локонов, ни бороды, ни плаща,—спруится только сюртук и речь. Фауст—ученик, студент лет сорока, задолбивший расшатанные мозги бестолчью диалектики. Договор прост, как в сказке. Фауст передает свою маленькую, стыдливую, голую душу в коробочке из под аптекарского порошка. Мефистофель вкладывает волю, кое-какие стремления и поропливо завязывает в мозгу Фауста хвосты знаний, фразы, терминь, формулы—сушеный компот. Неизвестно откуда является кофейник и кружки с пивом. Они пьют с энтузиазмом и Мефистофель душевно поздравляет Фауста, жмет руки, очки блестят. Вади ревет сирена. Мефистофель пугливо озирается, но плотнее задергивает занавески и снова жмет руки. Комната принимает вполне благообразный вид.

9. Гретхен.

Гретхен—маленькая фигурка, безо всякой формы. вроде моллюска; колышется, как желе, и каждую минушу готова распозтись в стороны. Похожее всего на раковину или на копилку. На верхнюю оконечность ежеминутно наклеиваются вырезанные откуда попало (из «Illustration», словарей, учебников, старых газет)

головки: невинной девушки, модной картинки, Жанны д'Арк, Оперо, Кавалери, Офелии, Сары Бернар, Терезы Энбер и п. п. Невинная девушка и Елена нравятся Фаусту больше всего. Но когда он начинает мять фигурку, вместо Елены оказывается Жорж Занд.

10. Чудеса.

Летают на гороховой колбасе. Кажется, что у обоих пассажиров общий огромный фаллос. Время от времени колупают кожу и едят начинку. Внизу—война, пушки, шрапнели. Посыпают сражающихся порошком, те мрут, как тараканы. Бросают нарезанные газеты вместо денег. Но все это—очень скучно. У Фауста выскочила огромная шишка любви к человечеству. Он будет благодетелем, даст людям рай. Мефистофель заранее торжествует.

Вот и рай! Три таблицы: обязанности, потребности и понятия. Все ясно, как расписание поездов. Весь земной шар—интернат или исправительное заведение. Все одновозраста и пола. Красок—нет, звуков, света—тоже. Питаются пилулями. Депутации к Фаусту. Вдруг рев пароходных сирен. Ослепительный свет! Страшный суд. Все закрывают глаза, но никуда не проваливаются.

То-же расписание поездов, тот-же интернат. Вы уже в аду, деги мои! Если бы лица могли что-нибудь выражать, они выразили бы такую муку, перед которой муки Лаокона и Прометея—детские игрушки.

11. Странный спутник.

Чей-то голос всегда поет близ меня:

Следи во мне свои волнения,
Я спутник верный и немой.
Не удержу я от паденья,
Но сам паду, мой друг, с тобой.

Не укорю, не обласкаю,
Но жребий твой я разделю,
И почему, я сам не знаю,
Так нежно я тебя люблю.

Ты улыбнешься, мне—улыбки.
Заплачешь—горько плачу я.
Обоим нам сомненья зыбки,
Моей душой крепка твоя.

Не бойся, если отраженье
Увидишь в одинокий миг.
Я—не дитя воображенья,
Я—ласковый и злой двойник.

12. Окно в сад.

Откройте окно! Как накурено! Полно читать, Теодор! У меня в голове дым, как в этой комнате. Откройте окно! Уж утро. Как блестит трава, щебечут простые пташки, облака стоят кудрявым стадом. И колокола тихо поют на встречу солнцу. О, Моцарт!

III
АПУЛЕЕВСКИЙ ЛЕСОК

1. Приглашение.

Тени бродят бледным роем,
По уступам ждут мьштарства.
Розо-палевым левкоем
Золотую дверь откроем
В заколованное царство.

Душ водителем Гермесом
Будет отрок нам прелестный.
Распростривимся с чахлым лесом
И к воздушнейшим навесам
Уплывем из бухты песной.

Что под небом, то над небом.
Благовестие всем спранам.
Вкусим плоть небесным хлебом,—
И святым, приликим Фебом
Станут чистые сердца нам.

2. Озеро.

Вода у плоских, поросших протениками отмелей
золотисто спит. Облака стоят, как чудесная флопи-
лия, словно недвижно-сияющие лики чудотворцев. Оди-
нокие лодки рыбачат. Далекое веянье Тивериады и Ге-
нисарета широкими кругами расходится по молочной
влаге. Магические рыбы плещут хвостами. Розово сте-
кает жемчуг с весел. Нездешней трубой поется да-
леко «Аполлоний», если не другое, неназванное имя.

3. Ущелье.

Опустив бесполезный лук, с гор спускается юноша.
Густые, но мелкие деревья не позволяют найти пути.
Куропатки и гуси не боятся шагов, не улетают. На
последнем небе засветилась ворожейная звезда.
Так тихо, что можно убежать в ужасе. Молодой че-
ловек забыл, что дома ждет невеста. Узкое платье
блестит золотом, как у Беноццо Гоццолли. Лицо, в су-
мерках, задумчиво и прекрасно. На щеках заблудился
свет вечерней зори. Последняя стрела, свистя, понет
в воздухе, раззолоченном и стоячем, последняя искра
полета—топаз зрачка.

4. Ламия.

На встречу — нежные и согласные свадебные лики,
Девушки стыдливо и весело гнутся в медленном танце

перебирая розовыми ногами прозрачные покрывала. Закутанная невеста стоит неподвижно. Жених подходит. Он доснится от умищений, счастья и желания. Он берет ее за руку, откидывает вуаль. Кто-то в толпе кричит: «Берегись, Харикл, ты обнимешь отвратительную ламию, которая будет питаться твоею кровью!». Только теперь он заметил, как бледны щеки невесты, как блестят ее зеленые глаза и кривится рот, а на губах, как по краям чаши, пузырится мелкая, розоватая пена.

5. Интермеццо.

Амур поет, улепая:

Психея, верь:
Не страшный зверь,—
Супруг твой неизвестный.
Ну, что-ж, теперь
Лучем измерь
Мрак таинства прелестный.

Земная дочь,
Благая ночь,—
Свята в своей одежде.
Сомнения, прочь!
Любви помочь
Дано одной надежде.

Утешней всех
Дневных утех
Ночные озаренья.
Светлы у тех
И плачь, и смех,
Кто ведал вдохновенье.

Иди, иди!
Что впереди,
Тебе и знать не надо.
Звезду в груди
Своей найди
И обрешь награду!

6. Представление: Суд Париса.

Пастушеская симфония. Зеленъ Иды. На склоне сидит Александр Парис во фригийской шапке. Он прекрасен и простодушен, задумчивые и бессмысленные глаза телки, словно он прислушивается не то к музыке сфер, не то к собственному пищеварению. На коленях румяное, раздвоенное яблоко. Изредка пастух его нюхает, потом опять неподвижен и желтые бабочки садятся ему на золотое плечо. По радуге одна за другою спускаются богини.

7. Гера.

Первая величественна и царственна. Темные волосы высоко забраны под сквозную корону. Рядом—синий павлин слепит зоры, привыкшие только к синеве неба. Гордая улыбка приоткрывает ее уста и в синих глазах словно отражаются неведомые страны, караваны, крепости, корабли, вооруженное войско.

8. Афина.

У второй—строгий, девственный, почти мужеский, лик. От скромной кольчуги и серой совы на плечах спальные глаза ее кажутся еще суровее и нежнее. Дружественная речь готова слететь с замкнутых губ. Она одним взглядом усмирит кентавра и вдохнет храбрость в сердце слабого.

9. Афродита.

Но вот словно душистый ветер, гонящий оборванные лепестки цветов,—вихрь лент, зорь, рыжих кудрей, голубей, перламутра, пудры, пены, легкого вина, искр закрутился... Море поет «Киприда!» Когда Парис открывает зажмуренные глаза, богиня стоит неподвижно, прозрачная: сквозь розовое тело с лиловатыми жилками видны и горы, и луга, и вечернее небо. Еле раскрыты вишневые губы на розовом лице. Раскройся они больше—и ты не выдержишь, умрешь от восторга. Фиалковые звезды—глаза шепчут: «верь!». Яблоко каплет к ее ногам. Небесный поцелуй обжигает мальчика. Трубы. Богини исчезли.

10. Судьбы Париса.

Вдали под радугой, переходя из синего в кровавый цвет—его судьба: ложница Елена, пурпурное море, Троя, битвы и смерть, пожар и ужас, бегство Энея и золотой Рим в вечной славе, как оперный апофеоз. Лучи двух солнц, пересекаясь, образуют странный крест.

11. Купанье идолов.

К морю, еще серому на рассвете, под'езжают высокие повозки с закрытыми медными кумирами. Безбородые жрецы тихо снимают покрывала и золотыми плоскими чашами черпают воду, поливая ею идолов, словно крестя их во Имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Вытянув желтые руки по арфам, при первых лучах певцы начинают пронзительный гимн. Скопцы поднимают к красному небу крутые серпы. Осел, добравшись до роз, благочестиво жует их и обращается в Луция. Он бросается к ногам старшего жреца, прося его о посвящении. Серпы опускаются, и солнце великолепно шествует по пустому небу.

12. Куплеты Изиды.

Губительной сонливости
Страшитесь, не шутя.
Кто ищет справедливости,
Тот—не мое дитя.

Все зыбко, переменчиво,—
Обман—и туп, и пам.
Стоит душа заспичиво
У лестницы во храм.

Отдаются ли водителям?
Иль повернуть назад?
К небесным ли обителям
Ведет волшебный сад?

Не надо беспокоиться,
Кто мудр и сердцем прост.
Божественная Троица
На утлый вступит мост.

Венчается, венчается!
Желать, терпеть и ждать
Во веки не кончается
Изиды благодать.

1921.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие.

I. Шекспировский лесок.

1. Приглашение.
 2. Встречи влюбленных.
 3. Вилли Хьюз Розалиндой.
 4. Интермеццо.
 5. Венера и Адонис.
 6. Охота Адониса.
 7. Смерть Адониса.
 8. Песнь соловья.
 9. Плач о Ромео и Юлии.
 10. Лунный свет.
 11. Кольчельная песня.
- } Представление.

II. Гофмановский лесок.

1. Садик в Кенигсберге после грозы.
 2. Концерт тетушки Фюсхен.
 3. Певица из седьмого номера.
 4. Незнакомец.
 5. Уличный контраданс.
 6. Кукольный Фауст: вступление.
 7. Фауст.
 8. Мефистофель.
 9. Гретхен.
 10. Чудеса.
 11. Интермеццо (Странный спутник).
 12. Окно в сад.
- } Представление.

III. Апулеевский лесок.

1. Приглашение.
 2. Озеро.
 3. Ущелье.
 4. Ламия.
 5. Интермеццо.
 6. Суд Париса: вступление.
 7. Гера.
 8. Афина.
 9. Афродита.
 10. Судьбы Париса.
 11. Купанье идолов.
 12. Куплеты Изиды
- } Представление.

М. Кузнецов

ВТОРНИК МЭРИ

**ПРЕСТАВЛЕНИЕ
В ТРЕХ ЧАСТЯХ
ЛИ КЪБОЛ ЖИВЫХ
ИЛИ ДЕРЕВЯННЫХ**

**ПЕТРОГРАД
1921**

P. B. LI.

H

I

Продавец газет (в уличном шуме).

Стою на своем месте я,
Кавалеры, дамы,
Утренние известия,
Ночные телеграммы!
Купите, купите
Вечерние куранты!
Купите, купите,
Барышни и франты!
У пятого квартала
Шайка обокрала
Игральное зало!
Мн истерство надо!
Во время придворного бала
Фрейлина упала!

Арестовали известного пачала!
Ни одна фирма не покупала
Так дорого ни рубина, ни опала!
В Нью-Йорке пожар вокзала!
Министру исповеданий опала!
Землетрясение!
Акции понижение!
Большое сражение!
Первое представление!
Гибель всемирного гения!
Балет.
Кабинет.
Туалет.
Сигарет,
Секрет,
М-е Анет!..
Затмение звезд.
Социалистов съезд.
Угольный трест!
Литературный манифест!
Молодой человек, готовый на все,
ищет места в отъезд!
Стою на своем месте я.
Кавалеры, дамы!

**Утренние известия,
Ночные телеграммы!**

(Уличный шум).

. естия
. естия
. ало
. ало
. ест
. ест
. ищет места в отъезе!

(Дама спит. Сон над ней таи-
цует, прищаясь, и все не может по-
кинуть. С улицы военный марш
чуть слышен. Кажется, что за заана-
весской солнце и легкий петер).

Д а м а сквозь сон, иредка).

**Я добегу до пагоды...
Мадам я Butter 'ly!
Какже красные ягоды!
Сбирай, собирай!
Если бы в эту клетку
Посадили премьерера!**

Ха-ха... Я забыла горжетку...
Не знаю... там... у портьеры!..

(Маникюрша, сидя за столиком,
напротив дамы, окруженная слоно-
вой, выпачканной румянами, кух-
ней, расставя локти, ласково опери-
рует над белой, в данную минуту
безлюбовной, рулюю)

М а н и к ю р ш а :

Розовый ноготь —
Пасты розаней.
Тот нам желанней,
Кого не трогать.

Ногти, ногти замшеи тры
Поутру,
Зорь зеркальных отраженья.
Чтобы зарумянить в вас
Пару глаз.
Побледневших от волненья.

Илечи блещут в ряде лож...
Где-то ложь,

У какой-нибудь у двери.
Гарри дико закричал
И упал
На пороге мистрисс Мэри.

Выстрел был не очень тих,
Словно стих,
Стих тупой Эмиль Верхарна.
А зеленая звезда,
Как всегда,
Холодна и лучезарна.

Розовый ноготь
Пасты розанной,
Тот нам желанней,
Кого не трогать.

(В кэнторе сидит молодой человек
под зеленой лампой. Кругом
пишут)

Молодой человек:

Повышения, понижения, рисконтро, онколь...
В голове — тяжелая, тупая боль.

Удастся ли три тысячи к весне скопить,
Уехать во Флоренцию и там пожить?

Веселые, привольные мечты, мечты!
Флоренция, Италия — лишь там, где ты.

Но любишь ли, полюбишь ли, не знаю я,
И в этом вся трагедия, поверь, моя.

Зачем не при посольстве я атташе?
Тогда бы был уверенней в твоей душе.

Ах, сердце так колотится, так ноет грудь.
Меся ты поцелуешь ли когда-нибудь?

Повышения, понижения, рисконтро, онколь,
В голове тяжелая, тупая боль!

(Подходит к телефону. С одной стороны молодой человек в булке среди тихого шума, шелканья счетов, скрипа конторы, — с другой — у лакового стола, перед букетом дама. Между ними, как в кинематографе, оживленная улица).

Молодой человек:

Сто двадцать три и тридцать пять.

Телефонистка.

Звоно.

Дама:

Алло, алло!

Молодой человек

Вы, Мэри?

Не помешал ли я вам спать?

Не разбудил?

Дама:

В известной мере.

Молодой человек:

Простите.

Дама:

Полно, я шучу.

Молодой человек:

Вы шутите, а я оледнею.

Телефонистка:

Вы кончили?

Молодой человек:

**Нет, нет... хочу
Увидеть, Мэри, вас скорее.**

Дама:

Когда?

Молодой человек:

Сейчас... сегодня... ну?

Дама:

**Я запята, нет ни минуты
Свободной.**

Молодой человек:

**Может быть, одну
Найдете? или вы надуты?**

Дама:

Надута

Молодой человек:

Мэри, целый день
Не видеть вас! ну чтож, найдется?

Дама:

Ах, Боже мой такая лень!
Сейчас должна быть на полете!

Молодой человек:

Летите, с кем!

Дама:

Пока секрет.
Не помешало бы несчастье!

Молодой человек:

Люблю! Вы слышите?

Дама:

Нет, нет!
(вешает трубку).

Молодой человек:

На ваше и мое несчастье,
Алло!

Телефонистка:

Там трубка не висит,
Иль временное поврежденье.

Молодой человек:

К кому ж, о Боже, долетит
Моя любовь, мое мученье?

Трубочист:

Я по крышам крысой лажу,
Трубы чищу, чищу сажу.
Подо мною грязь и смерть,
Надо мной серест твердь.

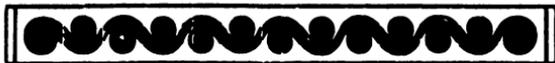
Чай горячий, свежий бублик
Мне дороже всех республик.
Все ведь вылетит в трубу,
От всего золу стребу.

На ухо скажу вороне:
«Что бывало при Пероне,
Будет через сотню лет,—
Черной сажки ланкий след!»

**Я пройдуь по пепелищу.
Трубы заново прочищу. —
И мечтает снова печь
Небо пламенем зажечь.**

EL

II

(День. Ясное осеннее поле).

Дама:

Вы уверяете: не будет страшен

И мне полет!

Летать привыкли выше крыши и бабень...

Ведь вы — пилот.

А я одни полеты знаю, страсти,

Полет мечты.

Но отдаюсь сегодня вашей власти:

Лишь я, да ты!

Пропеллер бабочкою затрещит,

Качнется ма,

И разрезаемый эфир заблещет,

Как снег зимы!

Летим скорее, спешивой забредим.
Свод неба чист!
Так ветрено, любовно так подем.
Под нежный свист

Пилот:

Вы говорите по-тихо,
Мне никогда так не сказать.
Позвольте руку вам подать.
Мы покатаемся отлично!

(Начинается полет. Уже видны только крыши и трубы, лестящие на солнце. Загород. Луга, ластбища. Все мелко. Доносится песня, еле слышно, так что шум пропеллера и воздуха временами ее заглушает)

Песня:

Пчелка летает
За сладким медком.
Сердце мечтает,
Не знаю, о ком.

На косогоре
Машет крылом.

Счастье и горе.
Все об одном.

Желтые зерна.
Белая мука, —
Мелькнет проворно
Твоя рука.

Ветер веет,
Вода бежит —
Сердце млеет,
Млеет, дрожит.

(Наконец все — как раскрышен-
ная географическая карта. Странно,
что птицы не крупнее и не видать
на солнце рожи. Вот и облако.
С паловая каша, розожелтые пелен-
ки, летящая вата связывает и ле-
зет в рот).

Пилот:

Люблю, люблю, люблю!

Дама:

Я — ваша, ваша

П и л о т :

О, милая!

Д а м а :

Да, да...

П и л о т :

Навек, не так ли?

Д а м а : (как во сне)

Какое облако.

(Долгое облако).

П и л о т :

Прогулка наша

Кончается.

Д а м а :

Мы вечером в спектакле?

Мы опускаемся? Уж трубит наступил.

Вот написал бы кто про нас стихи!

III

III

(Вечер. Улица у входа в театр).

Шоффер:

Мимо, мимо! что за дело
Смел ли он поцеловать?
Лишь бы тумба не задела.
А на встречных наплевать!

Ах, луна ли, фонари ли,
Все один и тот же путь.
А о чем гут говорили,
Милый путник, позабудь!

Все завует нежным снегом,
Не найдешь весенних ям.
Не сравнится с ровным бегом
Легкокрылейшим саням!

**Смех веселый, ссоры, слезы,
Алошелковый платок!
Разбросал по дверцам розы
Серебристый холодок.**

**Мимо, мимо, что за дело,
Не грешно поделовать.
Только бы тужбы не задело,
А на встречных наплевать!**

(Зрительная зала шумит; фразы,
как безголовые птицы, легают без
начала, середины и конца. Тепло
и духи. Плечи дам мерцают еле
видной радугой, как бриллианты
под тюлем).

Обрывки разговоров.

... Она ответила?.. ха-ха!
... Послушайте, слова так грубы...
... Ну, кто, мой милый, без греха?
... Мне надоели эти клубы!
... Мисс Нелли Фай!.. О, Дебюсси!..
... Я нахожу, он очень строг,
... Но молод!.. Лучше не проси. .
... Ваш брат, поверьте мне, пристроен

... И выезд, выезд... просто смех!
... Она не плакала... да, двести.
... Как вы зовёте этот мех?
... Иди, иди к своей невесте!
... La-la-la-la... ведь так мотив?
... Банально, но ужасно мило!
... Находите, что он красив?..
... Я ничего не позабыла! —
... В антракте, да. Уж тушат свет.
... Конфеты-вот, но где афиша?
... Учру, когда услышу «нет».
... Тс... увертюра... тише, тише!

(Увертюра начинается, пышная и театральная, как люстра в зеркале, звучит, словно в стдалении. Дама и пилот в ложе. На сцене Пьерро вздыхает в кукольном саду при мальчишкóй луне. Колумбина склоняет я к нему и замирает банально, пока не затренькала гитара арлекина. Пьерро забыт и предоставлен старой луне. Арлекин серенадит уверенно и пошло. В ложе разговаривают).

Пилот:

Мне не забыть, как вы сидели,
Так близко, так плечо в плечо,
И в светлой, радужной мятели
Мне было странно горячо.
В буквальном смысле я спустился,
С небес на землю...

Дама:

Вы — со мной!

Пилот:

И кажется, во сне приснился
Полет прелестью неземной.

Дама:

Я вас люблю, я вам сказала,
И не раскаиваюсь в том.

Пилот:

Среди блистательного зала
Как будто в поле я пустом!
Я вас люблю!..

Дама:

Я тоже, тоже!
Традиционно и старо,
Что смотрим мы из темной ложи
На вечно грустного Перро.

Пилот:

Я провожу вас.

Дама:

И зайдете
Закусите, чем Бог послал.
И снова вспомним о полете
Средь ратужных воздушных скал.

(На сцене буфонная кутерьма,
с талками Кто-то лежит убитый,
как чучело уголенника. Даме по-
дают письмо)

Письмо:

Это письмо вы получите,
Когда меня не будет на свете.
Совести своей не мучьте,
Вы вещь не будете в ответе.

Разве вы виноваты,
Что Бог вас создал прекраснее всего, что
есть и было?

Что при лампе деленоватой
Мое сердце по вас изныло?
Не назову вас даже непостоянной
Солнце ветренно ль, света в Америке?
Это уже у меня в мозгу какие то пьезаны,
Что я от всего визжаю в истерику
Но я люблю вас невыразимо
И не могу, не могу, не могу!..
Я хотел умереть еще прошлую зиму,
Но лучше лечь на осеннем дугу.
Рабичество! гимназические драмы!
Но я, вот я - уже не живой
И плачу, взглянув на карточку мамы
И закат огневой.
Простите, забудьте... или нет, не забы-
вайте

Того,
Кто старых перчаток ваших лайке
Не предпочел бы в свете ничего.
Так трудно... я не жалею ни души, ни тела...
Но все же, пускай не так быстро!

**Когда лампочка перегорела,
Ее бросают и получается, будто выстрел...**

(На сцене веселый финал. Дама
смотрит, будто не понимает. Пилот
улыбается, дама раздражается)

Пилот:

Как арлекин танцует ловко.

Дама:

Мы никогда не знаем, чем кончится день!

Пилот:

Вы желаетесь в вечеру философа?

Дама:

Нет, у меня мигрень!

Шоффер:

**В окне карикатуры пар,
Ночной угар
Рассеян быстрою ездою,
В стекле мелькнет летучий мир,
И пассажир
Разбужен утренней звездой.**

Но где проснешься легкий друг?
Какой испуг,
Какой восторг глаза откроет?
Где веретена-тополя?
Река, поля?
Троянды пали, пала Троя!

А вдруг на снег и зиму здесь.
Канала грязь
Тебя затащит без проклятья!
В сухой и пудренной круже
Тепло куна,
Но расторгнутся объятия.

Очки вуалят странно даль.
Кого мне жаль?
Мне только, чтоб не очень дуло.
Диван возьмете ль за кровать,
Ниль проклипать,
В висок уткнув тупое дуло?

Ах, все равно, четим, летим,
Куда хотим,—

Ведь цель поставлена не нами!
Как мерен вверх упор резин!
Дыми, бензин,
Отяжеленный облаками

Над садом, там, вина всегда
Одна звезда. —
Морженный осколок злата!
Вор, кот, иль кукольный кумир,
Скрипач, банкир,
Самобийца ль, — та же плата!

Отпечатано
в 15-й Государственной типографии
(б. Голые и Вильборг)
в мае 1921 года, под наблюдением
В. И. Анисимова,
для издательства „Петрополис“

Centrifuga

Russian Reprintings and Printings

- 1 **Karl Eimermacher, Hrsg.: Na postu**
(Auf dem Vorposten). Nachdruck der Zeitschrift 1923–25.
- 2 **Zinaida N. Hippius: Živye lica**
(Living Portraits). Nachdruck der Ausgabe Prag 1925.
- 3 **Nina Berberova: Kursiv moj. Avtobiografija**
(Hervorhebung von mir. Autobiographie)
- 4 **Zinaida N. Hippius: Stichtovorenija i poémy**
Collected Poetical Works Vol. I and II.
- 5 **Karl Eimermacher, Hrsg.: Teksty sovetskogo literaturovedčeskogo strukturalizma**
(Texte des sowjetischen literaturwissenschaftlichen Strukturalismus).
- 6 **L. S. Ežov / E. I. Šamurin, Hrsg.: Russkaja poezija XX veka**
(Russische Versdichtung des 20. Jahrhunderts). Nachdruck der Ausgabe Moskau 1925.
- 7 **Olga Matich: Paradox in the Religious Poetry of Zinaida Hippius**
- 8 **Aleksej E. Kručenyč: Izbrannoe**
(Ausgewählte Werke). Edited and with an Introduction by V. Markov.
- 10 **Nikolaj F. Čužak, Hrsg.: Literatura fakta**
(Faktophische Literatur). Nachdruck der Ausgabe Moskau 1929.
- 11 **Temira Pachmus: Intellect and Ideas in Action**
(Russisch, Englisch, Französisch). Selected Correspondence of Zinaida Hippius.
- 12 **M. A. Kuzmin: Sobranie socinenij**
(Collected Works). Edited by John E. Malmstad and Vladimir Markov. Bd. I: Poetical Works 1905–1918. With an Introduction by Vladimir Markov. Bd. II: Poetical Works 1918–1936. Bd. III: Selected Prose. Verstreut erschienene sowie neu gedruckte Gedichte. Anhang, Kommentar, Artikel über Kuzmin.
- 15 **Joachim T. Baer / Norman W. Ingham, Hrsg.: Mnemozina**
Studia litteraria russica in honorem Vsevolod Setchkarev.
- 16 **Antologija peterburgskoj poezii epochi akmeizma**
(Acmeists and Others: The Petersburg Modernists. An Anthology). Edited with an Introduction and Notes by George Ivask and H. W. Tjalsma.
- 17 **Zinaida N. Hippius: Novye ljudi / Pobediteli**
(People of Today / The Victors). Nachdruck der Ausgaben Petersburg 1907 und 1898.

